

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Том 12 * № 2 * 2013

**SOCIOLOGICAL
REVIEW**

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
ЦЕНТР ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2013
Том 12. № 2

ISSN 1728-192X (Print)
ISSN 1728-1938 (Online)

Интернет-версия журнала: sociologica.hse.ru
Адрес редакции: puma7@yandex.ru

Главный редактор Александр Фридрихович Филиппов

Заместитель главного редактора Марина Геннадиевна Пугачева

Члены редколлегии Светлана Петровна Баньковская
Виктор Семенович Вахштайн
Дмитрий Юрьевич Куракин
Ирина Максимовна Савельева
Андрей Михайлович Корбут (Беларусь)
Джеффри Александер (США)
Эдуард Надточий (Швейцария)

Редактор интернет-сайта Наиль Галимханович Фархатдинов

Литературный редактор Каринэ Акоповна Щадилова

Корректор Инна Евгеньевна Кроль

Компьютерная верстка Андрей Михайлович Корбут

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Политическая гетерогенность и «конституция свободы».....3
Алексей Глухов
- Две концепции правил..... 16
Джон Ролз
- К исторической ситуации полиции в России..... 41
Александр Филиппов
- Диалог Олега Кильдюшова и Зинаиды Перегудовой.....43
Олег Кильдюшов, Зинаида Перегудова, Ольга Кононова

SCHMITTIANA

- Глоссарий.....55
Карл Шмитт

РУССКАЯ АТЛАНТИДА

- «Дамский круг» славянофильства: письма И. С. Аксакова
к гр. М. Ф. Соллогуб, 1862–1878 гг..... 66
Андрей Тесля

ОБЗОРЫ

- Транснациональная и гендерная парадигмы в изучении международной
мобильности: на примере Украины..... 98
Алиса Толстокорова

ПЕРЕВОДЫ

- Коллективное и индивидуальное в философской антропологии Э. Дюркгейма.....122
Григорий Юдин
- Дуализм человеческой природы и его социальные условия.....133
Эмиль Дюркгейм

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Плагиат и конститутивный порядок диссертационного текста..... 145
Андрей Корбут

РЕЦЕНЗИИ

- Неоднозначная общность..... 172
Нина Сосна

Политическая гетерогенность и «конституция свободы»

Алексей Глухов*

Аннотация. В статье рассматриваются условия реализации политического проекта «конституции свободы» на основании опыта XX в. Жесткое противостояние на протяжении всего столетия философских логик различия и репрезентации позволяет сформулировать основную политическую проблему — взаимную непереводаемость языков свободы и справедливости. Основанием конституции свободы должны стать автономные «формы жизни», которые справедливо распределяются в сложной некартезианской текстуре политического бытия.

Ключевые слова: конституция, свобода, справедливость, либерализм, коммунитаризм, политическая логика, различие, репрезентация.

В книге «О революции» Ханна Арендт представляет идеальное основание нового государства — «конституцию свободы», *constitutio libertatis*. Выдающимся свидетельством этого философского замысла стала история создания и ратификации американской конституции. Несмотря на свой культовый статус, сама американская конституция всего лишь текст, который читают, копируют и переводят на другие языки. Наш основной закон — локальная адаптация одной из копий этого текста. Конституция как текст у нас уже есть. Но возможно ли возобновление исходного замысла «конституции свободы»?

Арендт цитирует Джона Адамса: конституция становится опорой, когда ее понимают, одобряют и любят, без этого она «мыльный пузырь, парящий в воздухе» (Арендт, 2011: 200). Текст, вообще слово в широком смысле, логос, не действует сам по себе, как бы хорош он ни был. Чтобы иметь вес в политической реальности, логос должен сочетаться с внелогическим элементом (например, с всенародной любовью и одобрением). Внелогический элемент придает силу и действенность слову или аргументу в политике. Арендт усматривает «огромную разницу между конституцией, навязанной народу... и конституцией, посредством которой народ конституирует свою собственную форму правления» (Арендт, 2011: 199). В последнем случае и возникает то, что можно назвать «конституцией свободы»: конституируется не просто текст, но мифопоэтическая среда («текстура», буквально «ткань», обволакивающая среду обитания), в которой народ живет, наслаждаясь своей свободой. В качестве недавнего

* Глухов Алексей Анатольевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник НИУ ВШЭ. Email: agloukhov@hse.ru

© Глухов А. А., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

вдохновляющего примера можно упомянуть новорожденную исландскую конституцию, созданную при активном участии жителей страны методом «краудфандинга»¹. Прежняя конституция Исландии — технический документ, регламентировавший работу государственных институций и лишь в последних статьях упоминавший о простых гражданах. Новая конституция начинается с описания прав и свобод, характеризующих некоторую идеальную форму современной европейской жизни, и лишь в конце говорится о государственных институциях. Обратный порядок символизирует политический переворот, мирную революцию, превращение граждан из читателей текста в его авторов. Инициатива новой исландской конституции выделяет этот текст как оригинал среди копий. Но можно вспомнить также о недавних событиях нашей истории, о кратком периоде времени, буквально нескольких днях декабря 2011 г., когда политическая система зависла в невесомости, как мыльный пузырь, о котором говорил Адамс.

Почему в нашем случае не удалось то, что удалось исландцам? Ответ очевиден: наше общество больше и сложнее. Но что означает этот ответ и как оценить меру сложности? Активное участие граждан в общем деле предполагает, что у них есть общий язык, на котором они формулируют идеи, понятные для всех членов сообщества. Успех исландцев основан на том, что они владеют одной и той же «языковой игрой», общим логосом. «Языковая игра», по Витгенштейну, соответствует некоторой «форме жизни» (*Lebensform*). Исландцам удалось создать новую конституцию, потому что у них есть языковая игра, в которой выразимо то, как они живут и хотят жить, наслаждаясь своей свободой, — их желанный образ существования, та самая «идеальная форма современной европейской жизни». Получилось как в хайдеггеровском идеале: народ создал свой «поэтический эпос», новую конституцию, которая теперь оберегает его свободное бытие. Будучи реалистом, Арндт, конечно, не рассчитывала на подобное единодушие в сложных случаях. Она искала опорные свободные элементы политической жизни, из которых состоит сложная реальность. Если знаешь эти элементы свободы, можно мыслить об их собирании в «конституцию свободы». Решение Арндт было основано на плане Джефферсона создать «элементарные республики», систему районов (*ward system*) (Арндт, 2011: 346–349). Благодаря своей территориальной связности эти элементы политического бытия должны были гарантировать в государственных масштабах сохранение и учет особого мнения граждан каждого «района». План Джефферсона не был реализован, и Арндт не достигла большого успеха в его реабилитации. Ее вера в магическую связь между общей землей и общим мнением, которую она разделяла со своим учителем, не выдерживает критики. Тем не менее в этом решении также просматривается идея о соответствии формы жизни и некоторой логики. Как и Хайдеггер, Арндт считала, что форма жизни определяется территорией. Но каково основание формы жизни в общем случае? Мы сталкиваемся с проблемой фундамента политической теории и оказываемся перед необходимостью включиться в спор фундаменталистов и антифундаменталистов

1. Этого слова еще не хватает в словаре Арндт; по ее мысли, конституционное фундирование есть краудфандинг.

(Анкерсмит, 2011: 201). Обращение к понятию «форма жизни», которой соответствует некоторая форма рациональности, «логика» («языковая игра»), позволяет уклониться от этого обременительного выбора. Политическая реальность, разумеется, строится на некоторых основаниях, но внешний наблюдатель, политический мыслитель, никак не распоряжается этими основаниями даже на уровне теории. И, конечно, он не может предлагать от себя никакие априорные основания. Рассмотрим классический пример такого основания — принцип «безопасности», согласно которому все люди стремятся прежде всего или по большей части сохранить свою жизнь. Случаи героизма и самопожертвования не способны опровергнуть это основание, потому что они исключительны, их можно не принимать в расчет. Что, однако, опровергает этот принцип — так это существование особого образа жизни, подчиненного исключительно испытанию своего мужества и преодолению опасностей. Здесь исключением становятся не отдельные героические события в жизни нормальных людей, ничем не отличающихся от других, но сама форма жизни, соответствующая этой аномальной логике. В итоге элементом реальности можно назвать скорее гетерогенную пару силы и слова, определяющую самодостаточный образ жизни, фундированный в себе, который суверенно предъявляет себя сообществу в своем непонятном для других эзотерическом логосе.

Предлагаемая теоретическая разметка не претендует на новизну. Напротив, идея о гетерогенности политической реальности — это базовый уровень политического реализма, неизменно воспроизводящий себя на протяжении всей истории. В этом убеждают, например, исследования по типологии политического мышления в пост-ницшеанской «интеллектуальной волне». Это философское движение — локомотив одного из двух ведущих направлений современной мысли, так называемого континентального. Интеллектуальная история XX в. — это летопись отношений этого движения с конкурирующим — «аналитическим». Дата здесь важна — XX в. — ведь сегодня общепризнано, что былое противостояние закончилось, началась новая эпоха мысли. Однако философия всегда отличалась тем, что влияла скорее на будущее, чем на настоящее. Нам будет непросто освободиться от интеллектуального багажа предшествующего столетия. Между тем это наследие ставит нас перед неожиданной проблемой. Два доминантных направления современной мысли опираются на несоизмеримые между собой логики и говорят на разных языках. Они ставят разные вопросы и получают разные ответы, даже если на первый взгляд занимаются одной темой. Так, в политической философии ведущим понятием в одном случае стала «свобода» (Арендт пишет главные тексты о свободе в XX в.), в другом случае — «справедливость» (Дж. Ролз создает базовый текст англосаксонской политической мысли — книгу «Теория справедливости»). Естественные языки (например, русский) счастливо избавляют нас от проблем с использованием этих слов. Но общность, даруемая естественным языком, — это обманчивое и обычно никогда не исполняемое обещание политической гармонии. При всем интеллектуальном богатстве, доставшемся нам от прошлого века, нам сегодня не хватает в нем одной мелочи: в начале XXI в. у нас нет единого языка философской мысли, на котором можно одновременно

вести речь о свободе и справедливости. Последствия этого немедленно сказываются в момент «политической невесомости». С помощью элементарного текстологического анализа нетрудно убедиться в том, что большинство политических манифестов зимы 2011/12 г. относятся к одной из двух групп: в них либо говорится о свободе с цитатами из европейских авторов, либо о справедливости с цитатами из американцев. Так наследие прошлого удерживает контроль над нашим будущим.

* * *

Для иллюстрации ключевого тезиса нашего рассуждения о доминировании двух логик уместно привести некоторые примеры из истории современной политической мысли. Нелюбовь Арндт к слову «справедливость» декларируется и объясняется в послевоенном тексте «Философия и политика», где Платону, философу справедливости и государственного администрирования, противопоставляется Аристотель, философ дружбы (Arendt, 1990: 83). Претензии, предъявляемые к арндтовской интерпретации Античности, не должны отвлекать внимание от ее весьма современной политической логики, характерной также для М. Хайдеггера и К. Шмитта. Арндт отказывается от апелляции к справедливости ровно потому, что для нее это слово-маркер системы предписаний и контроля за независимым мнением, основанной на использовании рациональных методов мышления и универсального знания. Арндт достаточно наивно пытается противостоять этой системе с помощью систематической цензуры отдельных слов в словаре политического мыслителя (в список запретов помимо слова «справедливость» попадает также слово «философия»). В результате одной логике рассуждения противостоит другая логика с не менее жесткими правилами.

Другой показательный случай — диалог М. Фуко с Н. Хомским, кульминацией которого становится спор о характере власти, возникающей после победы освободительного движения. У Хомского нет сомнений, что новая власть должна быть справедливой. Но Фуко демонстрирует упорную несговорчивость в этом пункте. «Справедливость» — слово чужого языка, на котором французский философ отказывается мыслить. Он утверждает, что пролетариат бросает вызов капитализму ради установления своей власти, а не ради справедливости, и вполне допускает, что диктатура пролетариата может обернуться кровавым насилием в отношении других классов (Chomsky, Foucault, 2006: 51). Единственное, что интересует Фуко, — это несправедливость, которую пролетариат допускает по отношению к себе, отказываясь взять власть (Chomsky, Foucault, 2006: 52). Установление справедливости в ином смысле потребовало бы соизмерения между собой всех частей общества. Любая фиксированная система легальных отношений, сколь бы несправедливой она ни была, позволяет не имеющим власти проигравшим классам подчиняться правилам социальной игры и тем самым уклоняться от прямых репрессий. Но победа пролетариата не приводит к рациональной фиксации правовых норм, охватывающих все общество, поэтому чисто логически ничто не способно воспрепятствовать самым кровавым

эксцессам. Фуко откровенно признается: «Я не вижу, что тут можно возразить». В политической логике различия, к которой он апеллирует, не предусмотрено средств для выстраивания аргумента против насилия по отношению к другим классам, поскольку в основе такого аргумента должна лежать некоторая мера, соотносящая разные части общества между собой. Однако даже если согласиться с Фуко, что его логика безупречна, она нисколько не избавляет нас от политической проблемы, которую он маскирует своей превосходной аргументацией.

В англосаксонском мире обнаруживается на первый взгляд совершенно иной интеллектуальный ландшафт. Однако у этого несходства можно заметить определенный паттерн, превращающий его скорее в сложную разновидность антитезы к ведущим европейским позициям. В кульминационный момент континентальной рефлексии после мировой катастрофы с другого берега пролива можно было услышать, что политическая философия окончательно умерла (Laslett, 1956: vii). Это был период абсолютного доминирования аналитической мысли, лишенной восприимчивости к истории. Другая форма антилогии артикулировалась спустя 20 лет с выходом книги Дж. Ролза «Теория справедливости». Политика вновь оказалась в центре внимания философии, однако язык, на котором она говорила, словно оправдывал худшие опасения Арндт, связанные с теоретической формой жизни. Как ни в чем не бывало в книге Ролза излагается теория обустройства политического бытия на основе априорных и универсально значимых умозаключений. Ролза, как и Арндт, относят к либеральным мыслителям, однако ролзовское понимание свободы имеет мало общего с арндтовским. Скорее нужно вести речь об омонимии свободы и требовать разъяснений в тех случаях, когда эти мыслители без разбора причисляются к «либералам». Здесь можно вспомнить, например, легкость, с которой С. Жижек причисляет Арндт к «либерально-демократическому универсуму» (Žižek, 2009: 121). В книге «Политический либерализм» Ролз перечисляет три момента свободы: 1) граждане обладают самостоятельным и рациональным пониманием блага; 2) они являются автономной инстанцией требований к институтам, обеспечивающим достижение блага; 3) они считаются свободными, поскольку способны взять на себя ответственность за достижение своих целей, что влияет на оценку их требований (Rawls, 1996: 29). Очевидно, что институционально-правовой характер такой свободы весьма далек от предложенного Арндт понимания свободы как виртуозности. Парадоксально, что Ролз, как и Арндт, предпочитает политическое, а не метафизическое обоснование свободы. Но и в этом случае тождественные термины снова имеют противоположное значение: у Ролза политическое бытие фундируется наличными институтами и формальными процедурами, которыми в первую очередь пренебрегает Арндт, приглашая вместо этого искать истоки свободы в античных гражданских практиках. Определения свободы и блага у Ролза вторичны и подчинены главной цели — решению задачи распределительной справедливости, которое предвосхищается уже выбором самой «исходной позиции». За это Ролза критиковали коммуитаристы (М. Сэндел, М. Уолцер, Ч. Тейлор), полагавшие, что основой общественного бытия являются сложившиеся практики существования и автономное понимание блага, свойственные

солидарным сообществам. Они повторяют ход мысли Арендт, фактически закрывая тему справедливости. Это замечание может показаться чрезмерным, учитывая, например, популярность учебного курса «Justice», который М. Сэндел на протяжении десятилетий читал в Гарварде (Sandel, 2009). Но судя по записям, в курсе не столько излагается теория справедливости, сколько показывается недостаточность либерального и утилитарного подходов при решении конкретных вопросов текущей политики. Коммунитаристы отказываются от главной идеи, двигавшей Ролзом, — единой и всеохватной теории. М. Уолцер удачно выразил эту мысль, озаглавив свою книгу «Сферы справедливости» (Walzer, 1983). Дистрибутивная справедливость сама подвергается здесь распределению по отдельным областям социального бытия. Тот же самый прием применяется не только в синхронном срезе, но и диахронии. Коммунитаристы обращают внимание на исторические примеры различных сообществ, каждое из которых обладает произвольной структурой, образующей «существенный фон» для конкретной матрицы распределительной справедливости (Taylor, 1985: 294). Интеллектуальное многообразие отдельных политических сфер и замкнутых исторических сообществ, примеры которых используются для субверсии универсальной теории, заставляет вспомнить топографию мысли, предложенную в «Тысяче плато» Ж. Делезом и Ф. Гваттари, или несколько неуклюжий термин, посредством которого Рорти определял это направление американской политической мысли: «постмодернистский буржуазный либерализм» (Рорти, 1999: 96). Для наших целей достаточно зафиксировать, что англосаксонские коммунитаристы и континентальные мыслители думают в сходной логике: они указывают аномалии, выпадающие за рамки любой единой и общезначимой репрезентации общества, находят исключительные «места», не учитываемые в декартовом пространстве, освещаемом светом разума. Для коммунитаристов такие аномалии — это выражение «общего блага» некоторого сообщества. Поскольку общее благо автономно, оно также является манифестацией свободы сообщества. Но связь блага и свободы остается в этой теории недостаточно раскрытой, что и позволяет коммунитаристам довольствоваться расчленением проблемы справедливости, которое, по сути, является отказом от ее решения.

Напрашивающиеся параллели с Арендт позволяют указать, где их логика доходит до своих пределов. Арендт также пыталась противостоять доминированию универсальной политической теории, причем ее мысль черпала вдохновение в исторических примерах хорошо устроенных сообществ и прежде всего — в античных образцах. Но если коммунитаристы возражали против этической нейтральности, которую декларировала универсальная политическая теория (например, у Ролза), то Арендт была глубоко убеждена в пагубности всякой большой теории, полагая, что любой общезначимый вердикт разума ведет к установлению тоталитарного режима мысли. Это заставляло Арендт проявлять строгость к собственному стилю мышления и в конечном счете даже расстаться со статусом философа. Однако опасность политическому бытию угрожает и с другой стороны, ведь суверенное выражение своей свободы неизбежно оборачивается тиранией по отношению к другим людям и сообществам. Сложное лавирование между угрозами, подстерегающими политика, привело Арендт

к требованию мыслить свободу без суверенности. Ведущим примером такой свободы у нее становится не общее благо суверенного сообщества, но театральная перформанс, например, виртуозная игра на флейте. Арндт решала политическую проблему, ее мало интересовало соперничество философских школ. Поэтому ее собственная теоретическая позиция оставалась открытой для рефлексии и самокритики, а вопрос о соотношении ангажированного политического действия и беспристрастного суждения об исторических событиях был одним из главных побудительных мотивов внутренней эволюции ее мысли. В конечном счете Арндт оставляет своему суждению весьма скромный шанс на реализацию не только вследствие непреодолимого ощущения исторического пессимизма, присущего всем постнищезанцам, но также из опасения оказать деформирующее влияние на чужое мнение. Коммунитаристы не были склонны к проблематизации политического значения собственной философской теории. Переход от утилитаристской калькуляции потерь и приобретений к этическим оценкам представлялся им несомненным выигрышем для политического мышления. Но любая этическая оценка обычно незаметно превращается в инструмент социального воздействия, применяемого со стороны сообщества к маргиналам. Ч. Тейлор ссылается на Аристотеля в обоснование тезиса о том, что достоинство человека обеспечивается только в сообществе людей (Taylor, 1985: 292). Этот аргумент неопровержим, но загвоздка именно в том, что его практическому опровержению не всегда предоставляется справедливый шанс. Биография другого древнегреческого философа, Сократа, свидетельствует, что даже образцовое сообщество уничтожает тех, кто пытается преодолеть его ограниченность. В этом пункте аналогии между американскими коммунитаристами и европейскими «постмодернистами» заканчиваются. По сути, коммунитаризм отказывается от решения не только проблемы дистрибутивной справедливости, но и проблемы радикальной свободы, довольствуясь опорой на исторически сложившиеся групповые идентичности. В свою очередь, европейский взгляд на свободу (в частности, взгляд Фуко) кажется Тейлору «ужасно односторонним» (Taylor, 1985: 164). А. Янг делает вывод, что стремление к идеалу коммунитарного бытия неизбежно подавляет социальные различия, в которых выражает себя свобода (Young, 1990: 227). Однако в отличие от либеральных мыслителей вроде Ролза, коммунитаристы в меньшей степени озабочены реализацией некоторого идеала в будущем, чем описанием реальных сообществ и социальных «сфер» в настоящем и прошлом. Отсутствие утопических планов не всегда оказывается достоинством теории. Политическая проблематика нередко сводится к конфликту прошлого с будущим за положение в настоящем, поэтому искусственное ограничение временного горизонта в научном исследовании говорит скорее о том, что важные вопросы оставляются без внимания. Ролз мог легко ответить, зачем он представляет публике свою теорию справедливости, — чтобы изменить общество к лучшему. Основным адресатом коммунитаристской аргументации оказывается академическое, а не политическое сообщество, и без того уже обладающее автономным представлением о собственном благе, которое философ лишь помогает артикулировать. Изменению подвергается стиль научного мышления, поэтому для развития аргумента совершенно необходи-

мо наличие конкурирующей теории, грозящей исказить естественные представления общества о самом себе. Коммунитаризм, по сути, возвращает сообществу его же интеллектуальную собственность после того, как идеология Просвещения выхолостила знание людей о самих себе. Философ оперирует в академической среде, а не в политическом пространстве. Это оберегает его от конфликта с остальными гражданами, но закрывает для него возможность реформы сообщества и свидетельствует об отсутствии самостоятельного суждения о благе. Ролза можно назвать либералом, но отнюдь не за то, что он дал сколько-нибудь удовлетворительное определение свободы, а за то, что его исследование призвано было оказать эмансипирующее воздействие на сограждан. Парадоксальным образом его теория справедливости была расценена критиками как средство подавления человеческой природы. Однако в любом случае ни у кого не было сомнений в политической эффективности либеральной философской позиции. В коммунитаристском варианте философия склонна к превращению в описательную науку, не рассчитанную ни на решение, ни тем более на создание масштабных политических кризисов. Но поскольку философия все же сохраняет интерес к фундаментальной политической проблематике, в которой судьба самого общества оказывается одной из ставок, а не надежным ориентиром, она сталкивается с выбором политической логики — аномальной свободы или коммунитарной справедливости. Поэтому наиболее последовательным противником распределительной логики в американской мысли оказываются не коммунитаристы, но, например, Айрис Мэрион Янг, определявшая справедливость через различие. Ее концепция справедливости — «city life», «жизнь большого города» — кажется случайной находкой или попросту тавтологией: сам полис объявляется идеальной политией. Янг считала, что пространство большого города образует благоприятную среду для совместного бытия чужаков («being together of strangers»), образы жизни и представления о благе которых несоизмеримы между собой (Young, 1990: 237). Тем не менее идея о том, что решение проблемы справедливости связано с конструкцией, сохранением и трансформацией некоторого сложно устроенного и неоднозначно интерпретируемого пространства, представляется плодотворной, и мы вернемся к ней в финале статьи.

* * *

Отказаться от интеллектуального наследия XX в. было бы роковой ошибкой. В нашем распоряжении сегодня есть две блестяще разработанные политические логики (которые на техническом философском наречии называются логикой различия и логикой репрезентации). Это ставит нас исторически в привилегированное положение, поскольку позволяет ясно сформулировать основную проблему, на которую должен ответить замысел «конституции свободы». Она связана с гетерогенностью политической реальности, которая конституируется встречей несоизмеримых логик — логики различия и логики репрезентации. Сегодня ее также можно сформулировать как проблему взаимной непереводимости языков свободы и справедливости. При всем многообразии языков описания на протяжении европейской истории эта проблема

сохраняется неизменной. Ее поставил еще Платон в «Государстве», а в наше время ее вновь поднимает, например, та же Арендт в книге «О революции», когда говорит о двух основаниях и двух несоизмеримых языках политической мысли — либеральном и консервативном. Наличие двух гетерогенных языков политической мысли не просматривается изнутри лишь одной из упомянутых школ современной философии. Начало нового века, ознаменовавшее ослабление бывшего интеллектуального противостояния, дает нам сегодня исключительный шанс увидеть крупномасштабный паттерн европейской мысли и придать ему смысл сквозной проблемы политической и философской истории. В иных обстоятельствах эта проблематичная преемственность затемняется второстепенными резонами академических, национальных, переводческих и прочих традиций.

В момент «политической невесомости» у оппозиции всегда имеются две возможности: заявить о себе как о новой политической силе (т.е. действовать через свое различие с другими) либо, «не выделяясь» среди других, требовать соблюдения установленного для всех закона. В декабре 2011 г. был выбран второй вариант. Протестующие вышли на площадь, продемонстрировав свою силу, но не сказали своего слова. Лозунг «Вы нас даже не представляете» был обращен к депутатам, но по иронии судьбы его следовало бы отнести к самим протестующим, которые так и не пришли к единому мнению о том, как они представляют сами себя. Не разобравшись в этом, они не смогли заговорить на своем языке, выразить в свободной речи экстраординарное требование участия в политической жизни. Как только оппозиция заговорила на языке власти, власть без труда распорядилась этим языком по своему усмотрению. Законодательная рамка стала пластичной: правительство раздавало обещания по либерализации режима. Отказавшись от своей речи, оппозиция предпочла более простой путь, но он сделал невозможным ее реализацию как политической силы. Единственный шанс был в утверждении своей особенной речи в общем политическом дискурсе. Это сделало бы общение с другими силами сложным, но зато было бы меньше поводов для произвольной интерпретации движения. Сегодня же все термины, которые в ходу по отношению к протесту, — это ярлыки, а не самоназвания. Отсутствие своего имени и своего языка делает невозможным логическую защиту движения. Оно проигрывает уже потому, что говорит внутри чужой речи.

Можно возразить, что язык описания политической реальности, которым пользуется власть, порой настолько примитивен, что невозможно всерьез обсуждать преимущества ее логики над новейшими теориями, которыми оперирует образованная публика. Действительно, разве это не «скандал разума», если тактика власти на выборах в крупнейшей стране мира в начале XXI в. убедительнее всего описывается в терминах, заимствованных из жизни города Флоренция XVI в.? Однако никакая новая теория общества не способна утвердить себя в реальности лишь по причине своих интеллектуальных достоинств. Теория остается ничтожной, если не отдает себе отчета в том, какой социальный механизм обеспечивает доказательную силу ее умозаключений. В то же время в условиях монополии одной политической силы нет нужды в сложных теориях, а значит, и в том, чтобы навязываемая картина реальности соот-

ветствовала идеалу справедливости. Качественное усложнение политического языка возникает с появлением новых сил, которые предъявляют свою речь, несоизмеримую с прежним набором логик.

В нашей ситуации мы столкнулись, с одной стороны, с монополией силы и следующей отсюда вариативностью политической логики, с ее неизбежным упрощением, а с другой стороны, с неудачей эксперимента по превращению спонтанно возникшего движения в свободную речь. Все это можно, конечно, изучать нейтрально, с позиции внешнего наблюдателя, как динамические процессы в сложных биологических системах. Однако настоящий ученый не может мириться с ролью резонера, ему важно, чтобы его теория получила одобрение не только в академической среде, но и в самой реальности. Но для этого его слово должно опираться на некоторую автономную силу. Ученый может внести свой вклад в то, что поздний Фуко называл «политическим советом». Ученый рассчитывает, что его модель будет замечена теми, кто принимает решения. Но нельзя придерживаться иллюзии, что теория получает признание, поскольку отвечает реальности. Скорее теория впервые касается реальности в момент признания. Здесь возникают концептуальные сложности того же порядка, с которыми бьется квантовая механика. Речь не идет о том, чтобы строить политическую науку по образцу математики. Напротив, концептуальные проблемы, с которыми мы имеем дело в естественных науках, имеют «политический» характер, в их основе тот же инвариант европейского движения в истории, который в политической реальности выражается в непереводаемости языков свободы и справедливости, а в физике — в непереводаемости языков квантовой и классической механики. В любом случае возникает аналог проблемы «наблюдателя». Расчет на то, что политологу удастся сохранить дескриптивную нейтральность, в конечном счете ошибочен. В любой нейтральной описательной работе сохраняется нередуцируемый остаток политического действия.

Политический совет — это диалог с властью, он еще не обеспечивает ученому собственной свободной речи. Ученый не обладает свободной речью, если не утверждает радикальный приоритет истины. Своей речью об истине он выделяется среди всех и становится аномальным участником сообщества. Это особое место ученого в политической жизни не фиксируется ни его зарплатой, ни его принадлежностью к числу работников бюджетных организаций, ни средой обитания и ни уровнем образования, но только тем, что он всегда отдает приоритет истине перед прочими соображениями, обязательствами и лояльностями. Это аномальное положение невычислимо методом социологических опросов, так как требуется умение слушать не ответ на заданный вопрос, но спонтанную речь. Точное указание места в политической реальности, которое занимает ученый, выразимо только на его языке. Оно звучит в момент «каминг-аута». То, с чем общество вынуждено мириться после всякого акта саморепрезентации, — это особый образ жизни, то есть гетерогенный элемент реальности, сочетающий самореферентную логику с самодостаточной позицией, дающей право на высказывание того, что расходится с ожиданиями других людей.

Одним из первых образов жизни, возникших после перестройки, были «новые русские». Это особый тип рациональности, еще малоизученный, основанный на логике «понятий», чуждый большинству людей, смеявшихся над анекдотами про «малиновые пиджаки». Это был период саморепрезентации экономического образа жизни, отдающего радикальный приоритет накоплению капитала. В этом смысле между «белыми лентами» и «малиновыми пиджаками» есть много общего из-за их обособленности от повседневного бытия остальных людей. Политическая реальность состоит из такого рода несоизмеримых между собой автономных форм жизни. Из других известных типов стоит упомянуть религиозный (составляющий основу американского культа «разнообразия») и милитантный, «героический», известный с Античности, о котором нам напоминают Делез концептом номадической «машины войны» (Deleuze, Guattari, 1980: 351) и Фуко концептом «воинственная жизнь» (Foucault, 2011: 184). Сельский образ жизни — язык с множеством диалектов, сросшихся каждый со своим местом на почве. Разнообразные коммунитарные формы жизни, например, левое движение, оказавшееся более жизнеспособным в кружках единомышленников, нежели в масштабе целого государства. Самое многообещающее в исследовании форм жизни — это непредсказуемость и открытость. Мы узнаем о какой-либо новой логике лишь после ее саморепрезентации. Это эксперимент, в котором мы участвуем как активные наблюдатели, не предвосхищая полностью его результат, однако сохраняя возможность воздействия на него. Формы жизни связаны каждая со своей логикой, а умение обращаться с разнообразными логиками — это то, чем философ отличается в своем сообществе.

Замысел «конституции свободы» проясняется, поскольку реальность конструируется из элементов свободы — особых форм жизни. Кроме того, становится очевидной основная политическая проблема — встреча свободы и справедливости, различия и репрезентации. Эта проблема не имеет теоретического решения, но некоторые догмы теории способны стать препятствием для решения. Есть тривиальный случай, которым не следует обременять философию. Внутри каждой формы жизни правит свой тип рациональности, своя языковая игра. Установление внутренней справедливости — это задача для вычислительного алгоритма, дело утилитарной логики, а не политики, как показал еще Платон в «Государстве», а затем Кант в трактате «К вечному миру», где автор берется навести порядок даже среди «народа дьяволов» (Кант, 1994: 419). Подлинная проблема возникает лишь в коллизиях между свободными элементами реальности. Почему различные формы жизни не уничтожают друг друга? Разумеется, так случается сплошь и рядом. Философия не всемогуща. Однако есть одна философская догма, которая заранее ставит крест на замысле «конституции свободы», объявляя его невыносимым. Это догма о том, что подлинная свобода негативна, она утверждает себя только лишь в отрицании. Так, Делез, искуснейший мыслитель прошлого века, утверждал, что всякая свобода — это тираническая дерзость, не оставившаяся перед репрессией чужой свободы (Deleuze, 1962). Этот вывод прямо следует из его логики: несоизмеримые формы жизни способны лишь на коллизию. Чтобы оставить шанс для «конституции свободы», от этой догмы необходимо изба-

виться. Свобода не просто позитивна (Taylor, 1985: 211), она имеет логическую форму. У различных форм жизни нет реального повода для конфликта в силу их уникальности. Каждая из них обладает особым местом в политическом пространстве, причем это место оказывается тем более автономным, чем более свободен некоторый образ жизни. Вопреки мнению Делеза насилием чревато не стремление к свободе, но отказ от нее. Для конфликта необходим контакт «тел» в «пространстве». Но философия XX в. научила нас различать пространство и место (Хайдеггер, 1993: 312). Если формы жизни связаны каждая со своим местом, у них минимальные возможности для пересечения в едином пространстве. Чем более автономны формы жизни, тем меньше у них шансов конфликтовать. Если формы жизни — «ортогональны», их пересечения ограничены. В платоновском государстве воины получали от населения фиксированную плату для закупки продовольствия в течение года, и платить им больше не имело смысла. В этом случае нарушался базовый закон экономической формы жизни: чем больше денег, тем лучше. Но то же самое происходит с научным сообществом. Оно выпадает из экономической логики. Ученому нужна достойная оплата, деньги на исследования, но от большего он откажется ради сохранения своего образа жизни. Образы жизни ортогональны друг другу, если все расчеты теряют силу при переходе между ними. Замысел «конституции свободы» реализуется, когда все разновидности свободы, заявившие о себе в сообществе, обретают свою законченную логическую форму. При этом нельзя рассчитывать на то, что процесс формирования автономных сфер бытия в целом завершен. Прошлые, безусловно, многое знают о том, чем мы стали, но будущее обладает всеми средствами для переписывания истории.

В итоге конституируется не текст, но «текстура» — сложное некартезианское пространство, собирающее в себе места свободных образов жизни. Логическая проекция этой текстуры — текст «конституции свободы», который принципиально не предполагает единой интерпретации. Конфликта интерпретаций не возникает, потому что каждое толкование свободы говорит на своем языке и адресовано своей публике. Напротив, различие интерпретаций следует считать успехом распределительной справедливости, установленной в сообществе. Текстура свободы не производится на основе манипуляций с текстом, включающим в себя общий список ценностей, присущих социальным подсистемам. Текстура свободы не есть иерархия или иная функция этих параметров, поскольку наряду со связыванием она должна обеспечивать их разнесение, несоизмеримость и ортогональность друг другу. Подобная логическая сложность требует философского усилия: изобретения новых социальных, политических, научных логик, искусного использования уже имеющихся. Так, при всей критике, которую адресуют идеологии Просвещения, было бы фатальной ошибкой пренебречь этой теоретической установкой. Можно даже вести речь о постепенном прогрессе мысли, но, конечно, не в прежнем просвещенческом духе. Одна логика не поглощает другую кумулятивно, как свой частный случай, а подчиняет ее себе в силу наличного политического расклада. Преодоление актуальных форм господствующих идеологий не выстраивается в гладкую траекторию человеческого прогресса. Но даже отсутствие ясного ориентира еще не освобождает от обязанности движения.

Литература

- Анкерсмит Ф. Р.* (2011). Политическая репрезентация / Пер. с англ. А. А. Глухова. М.: НИУ ВШЭ.
- Арендт Х.* (2011). О революции / Пер. с англ. И. Косича. М.: Европа.
- Кант И.* (1994). К вечному миру / Пер. с нем. Л. А. Комаровского // *Кант И.* Сочинения в 4-х тт. на немецком и русском языках. Т. 1: Трактаты и статьи (1784–1796) / Под ред. Н. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. М.: Ками. С. 353–477.
- Рорти Р.* (1999). Постмодернистский буржуазный либерализм / Пер. с англ. И. Джохадзе // *Логос.* № 9. С. 96–104.
- Хайдеггер М.* (1993). Искусство и пространство // *Хайдеггер М.* Время и бытие / Пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Республика. С. 312–316.
- Arendt H.* (1990). Philosophy and politics // *Social Research.* Vol. 57. № 1. P. 73–103.
- Deleuze G.* (1962). Nietzsche et la philosophie. Paris: PUF.
- Deleuze G., Guattari F.* (1980). *Mills plateaux.* Paris: Minuit.
- Foucault M.* (2011). The courage of the truth (The government of self and others II): lectures at the Collège de France, 1983–1984 / Trans. G. Burchell. N. Y.: Palgrave Macmillan.
- Laslett P.* (1956). Introduction // *Philosophy, politics and society* / Ed. P. Laslett. Oxford: Blackwell, 1956. P. vii–xv.
- Chomsky N., Foucault M.* (2006). The Chomsky–Foucault debate: on human nature. N. Y.: New Press.
- Rawls J.* (1996). *Political liberalism.* N. Y.: Columbia University Press, 1996.
- Sandel M. J.* (2009). *Justice: what's the right thing to do?* N. Y.: Palgrave Macmillan.
- Taylor Ch.* (1985). *Philosophy and the human sciences.* N. Y.: Cambridge University Press.
- Walzer M.* (1983). *Spheres of justice: a defense of pluralism and equality.* N. Y.: Basic Books.
- Young I. M.* (1990). *Justice and the politics of difference.* Princeton: Princeton University Press.
- Žižek S.* (2009). *In defense of lost causes.* L.: Verso.

Две концепции правил*¹

Джон Ролз

Аннотация. В своей известной статье Джон Ролз излагает версию утилитаризма, которая учитывает имеющуюся критику утилитарного подхода. Автор показывает, что традиционные возражения, высказываемые в связи с двумя проверочными случаями утилитаризма — наказанием и обещанием, — основаны на неправильной трактовке утилитарной позиции, поскольку не различают обоснование практики и обоснование подпадающего под нее конкретного действия. По мнению автора, этому различению не придавалось особого значения не только среди критиков, но и среди самих утилитаристов в силу доминирования резюмирующего подхода к пониманию правил. Ролз предлагает свою, практическую концепцию правил, которая исходит из того, что правила практики предшествуют конкретным случаям их применения.

Ключевые слова: утилитаризм, наказание, обещание, правила, действие.

В данной статье я хочу показать важность различения между обоснованием практики² и обоснованием подпадающего под нее конкретного действия, а также объяснить логическое основание данного разделения и то, как можно не заметить его значимость. Несмотря на то, что это разграничение проводилось часто³ и теперь ста-

* Пер. с англ. А.М. Корбута. Источник: *Rawls J. (1955). Two concepts of rules // Philosophical Review. Vol. 64. № 1. P. 3–32.* Публикация осуществлена в рамках проекта «Полицейский порядок и ситуативная солидарность: динамика взаимодействия и трансформаций» (Программа фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году).

© Rawls J., 1955

© Корбут А. М., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Данная статья представляет собой переработанную версию доклада, прочитанного в Гарвардском философском клубе 30 апреля 1954 года.

2. Ниже я использую слово «практика» в качестве технического термина, обозначающего любую форму деятельности, характеризуемую системой правил, которые определяют должности, роли, ходы, наказания, оправдания и т. д. и которые придают этой деятельности структуру. Примерами могут быть игры и ритуалы, суды и парламенты.

3. Это различие играет центральную роль у Юма в его обсуждении справедливости в «Трактате о человеческой природе» (Юм, 1996, кн. III, ч. II, особ. гл. 2–4). Его ясно формулирует Джон Остин во второй из своих «Лекций по юриспруденции» (Austin, 1873, I: 116ff.). Можно также доказать, что Дж. С. Милль в «Утилитаризме» считал его само собой разумеющимся (относительно этого момента см.: Urnson, 1953). К аргументам, приводимым Урмсоном, можно добавить несколько явных формулировок этого различения в «Системе логики» (Mill, 1872: bk. VI, ch. xii, pars. 2, 3, 7). Это различие является основополагающим в важной статье Дж. Д. Мэббота «Наказание» (Mabbott, 1939). Недавно данное различие было специально акцентировано С. Э. Тулмином в книге «Место разума в этике» (Toulmin, 1950, see esp. ch. XI), где оно играет центральную роль в его описании моральных рассужде-

ло общим местом, все еще нужно объяснить тенденцию целиком его игнорировать либо недооценивать его важность.

Чтобы показать важность данного различия, я постараюсь защитить утилитаризм от тех возражений, которые традиционно выдвигались против него в связи с наказанием и обязанностью выполнять обещания. Я надеюсь показать, что использование указанного различия позволяет сформулировать утилитаризм таким образом, что он гораздо лучше эксплицирует наши взвешенные моральные суждения, нежели допускают традиционные возражения⁴. Таким образом, важность данного различия демонстрируется исходя из того, что оно усиливает утилитаристскую точку зрения, вне зависимости от возможности ее полностью отстоять.

Чтобы объяснить то, как можно упустить важность данного различия, я обсужу две концепции правил. Одна из этих концепций замалчивает важность различия между обоснованием правила или практики и обоснованием подпадающего под нее конкретного действия. Другая концепция проясняет, почему это различие стоит проводить и каково его логическое основание.

I

Наказание, в смысле соотнесения юридических санкций с нарушением юридических норм, всегда было проблемным моральным вопросом⁵. Его проблемность заключалась не в том, что люди не соглашались между собой относительно обоснованности наказания. Большинство людей считало, что если избавиться от некоторых злоупотреблений, оно является приемлемым институтом. Лишь немногие целиком отвергали его, что довольно странно, учитывая всё, что может быть сказано против наказания. Трудность заключается в обосновании наказания: моральные философы предложили множество аргументов в его пользу, но пока ни один из них не получил всеобщего признания — у всякого обоснования находятся противники. Я надеюсь показать, что использование упомянутого выше различия позволяет сформулировать утилитаристскую точку зрения, которая принимала бы в расчет убедительные доводы ее критиков.

Для своих целей мы можем выделить два способа обоснования наказания. Точка зрения, которую мы можем назвать ретрибутивной, предполагает, что наказание обосновывается необходимостью наказания за преступление. Морально оправданно, что человек, совершивший преступление, должен страдать пропорционально своему

ний. Тулмин не объясняет (как это пытаюсь сделать я в данной работе) основание данного различия и то, как можно упустить его важность. В своей рецензии на его книгу (Rawls, 1951b) я, как заметили некоторые мои критики, не смог оценить его силу. См. также: Aiken, 1952; Quinton, 1954, и Nowell-Smith, 1954: 236–239, 271–273.

4. О понятии экспликации см. работу автора: Rawls, 1951a.

5. Когда эта работа уже находилась на рецензировании, появилась статья Квинтона (Quinton, 1954). Его замечания в нескольких отношениях схожи с моими, однако поскольку я рассматриваю некоторые дополнительные вопросы и опираюсь на несколько иные аргументы, я сохранил одновременное обсуждение наказания и обещаний как двух проверочных для утилитаризма случаев.

преступлению. Необходимость наказания преступника следует из его виновности, а тяжесть соответствующего наказания зависит от гнусности его деяния. Положение дел, при котором преступник несет наказание, морально предпочтительнее положения дел, при котором он его не несет, независимо от последствий, к которым может привести его наказание.

Точка зрения, которую мы можем назвать утилитарной, гласит, что в силу принципа «что было, то прошло» и в силу того, что материалом для решений, принимаемых в настоящем, являются только будущие последствия, наказание можно обосновать, лишь указав на возможные последствия сохранения его в качестве одного из механизмов поддержания социального порядка. Преступления, совершенные в прошлом, как таковые несущественны для принятия решения о том, что делать. Если можно показать, что наказание позволяет эффективно соблюсти интересы общества, тогда оно обоснованно, в противном случае — нет.

Я очень грубо очертил две конкурирующие точки зрения, чтобы дать почувствовать конфликт между ними: оба аргумента кажутся сильными, и не понятно, почему их нельзя примирить. Из моих вводных замечаний с очевидностью следует, что решение, которое я собираюсь предложить, заключается в том, что в данном случае необходимо различать обоснование практики как системы применяемых и навязываемых правил и обоснование конкретного действия, подпадающего под эти правила; утилитарные аргументы допустимы в отношении вопросов, связанных с практиками, тогда как ретрибутивные аргументы уместны в случае применения конкретных правил к конкретным случаям.

Мы могли бы прояснить это различие, представив, каким образом отец мог бы ответить на вопрос своего сына. Предположим, сын спрашивает: «Почему Д вчера отправили в тюрьму?» Отец отвечает: «Потому что он ограбил банк в Б. Его должным образом судили и признали виновным. Вот почему вчера его отправили в тюрьму». Но предположим, что сын задал иной вопрос, а именно: «Почему одни люди отправляют других людей в тюрьму?» Тогда отец мог бы ответить: «Чтобы защитить хороших людей от плохих» или «Чтобы помешать людям делать то, что неудобно для всех нас, поскольку в противном случае мы не могли бы спокойно спать по ночам». Это два совершенно разных вопроса. В одном акцент делается на имени собственном: спрашивается, почему был наказан Д, а не кто-то другой, или за что он был наказан. В другом вопросе спрашивается, почему у нас есть институт наказания: почему люди наказывают, а не, скажем, всегда прощают друг друга?

Таким образом, отец, по сути, говорит, что наказывают конкретного человека, а не кого-то другого, поскольку он виновен, а он виновен, поскольку он нарушил закон (прошедшее время). В его случае закон обращается к прошлому, судья обращается к прошлому, присяжные обращаются к прошлому и его настигает кара за то, что он сотворил. Необходимость наказания человека и то, в чем его наказание должно состоять, устанавливаются путем демонстрации того, что он нарушил закон и что закон предписывает определенное наказание за его (закона) нарушение.

С другой стороны, у нас есть институт наказания как таковой, и мы рекомендуем и принимаем различные изменения в нем, поскольку (идеальный) законодатель и те, к кому применяется закон, полагают, что, по мере того как часть системы права беспристрастно применяется к каждому возникающему случаю, это ведет в долгосрочной перспективе к последствиям, соответствующим интересам общества.

Тогда можно сказать, что судья и законодатель находятся в разном положении и смотрят в разных направлениях: один — в прошлое, другой — в будущее. Обоснование действий судьи в качестве судьи схоже с ретрибутивной точкой зрения, обоснование действий (идеального) законодателя в качестве законодателя схоже с утилитарной точкой зрения. Поэтому обе эти точки зрения правильны (как и должно быть, поскольку и ту и другую отстаивали умные и чуткие люди), и первоначальное замешательство рассеивается, когда возникает понимание, что эти точки зрения применяются к людям, занимающим разные должности с разными обязанностями и по-разному связанным с системой правил, образующих уголовное право⁶.

Можно было бы сказать, однако, что утилитарная точка зрения более фундаментальна, поскольку она применяется к более фундаментальной должности, так как судья исполняет волю законодателя в той мере, в какой он способен определить ее. Как только законодатель решает, что должны существовать законы, и предписывает санкции за их нарушение (дела обстоят так, что должны существовать и закон, и наказание), возникает институт, который предполагает ретрибутивную концепцию конкретных случаев. Частью понятия уголовного права как системы правил является то, что применение и навязывание этих правил в конкретных случаях должно обосновываться посредством аргументов ретрибутивного характера. Решение об использовании закона, а не какого-либо иного механизма социального контроля, и решение о том, каковы должны быть законы и какие наказания следует назначать, могут приниматься исходя из утилитарных аргументов, но если принимается решение о том, что законы должны быть, то тем самым принимается и решение о чем-то, осуществление чего в конкретных случаях носит ретрибутивную форму⁷.

Следовательно, ответ на недоумение, вызванное двумя представлениями о наказании, достаточно прост: следует разделять две должности — должность судьи и должность законодателя, а также их положение по отношению к системе правил, составляющих право, и тогда конкурирующие обоснования наказания можно соотнести с различными типами соображений, которые обычно выдвигаются в качестве резонов действия в рамках этих должностей. Две точки зрения примиряются с помощью проверенного временем инструмента: их применяют к разным ситуациям.

Но может ли всё быть так просто? Приведенный ответ предусматривает наличие очевидного намерения у каждой из сторон. Обязательно ли человек, отстаивающий ретрибутивную точку зрения, защищает в качестве института правовой механизм,

6. Обратите внимание на то, что различные виды аргументов подходят для различных должностей. Один из способов оценки различий между этическими теориями заключается в рассмотрении их как описаний резонов, ожидаемых от различных должностей.

7. В этой связи см.: Mabbott, 1939: 163–164.

главная цель которого — утверждать и оберегать соответствие между моральным падением и страданием? Разумеется, нет⁸. Ретрибутивисты правильно подчеркивали, что никто не может быть наказан, пока он не признан виновным, т. е. пока он не нарушил закон. Их фундаментальная критика утилитарного подхода заключается в том, что он, согласно их трактовке, санкционирует наказание (если это можно так назвать) невиновного человека во благо общества.

С другой стороны, утилитаристы соглашались, что наказание должно налагаться только в случае нарушения закона. Они полагают, что это понятно из самой концепции наказания⁹. Основной тезис утилитарного подхода касается института как системы правил: утилитаризм ограничивает его использование, объявляя его обоснованным, только если можно показать, что он эффективно содействует благу общества. В историческом плане это протест против беспорядочного и неэффективного использования уголовного права¹⁰. Он предупреждает нас о недопустимости возложения на пенитенциарные институты неподобающей, если не сказать кощунственной, задачи приведения страдания в соответствие с моральным падением. Как и все прочие, утилитаристы хотят, чтобы, насколько это в человеческих силах, с пенитенциарными институтами сталкивались только те, кто нарушает закон. Они полагают, что никакой чиновник не должен обладать произвольной властью карать тогда, когда он считает это необходимым для блага общества, поскольку, согласно утилитарным представлениям, институт, наделяющий такой властью, было бы невозможно обосновать¹¹.

Предложенный способ примирения ретрибутивного и утилитарного обоснований наказания объясняет то, что хотят сказать обе стороны. Однако возникают два дополнительных вопроса, которым я посвящу остаток этого раздела.

8. Об этом см.: Ross, 1930: 57–60.

9. См. Гоббсово определение наказания в «Левиафане» (гл. 28) и Бентамово определение в «Основаниях нравственности и законодательства» (гл. XII, абз. 36, гл. XV, абз. 28) и в «Обосновании наказания» (Bentham, 1830, bk. I, ch. I). Они согласились бы с Брэдди в том, что «наказание является наказанием, только когда оно заслужено. Человек расплачивается, потому что у него есть долг, и только поэтому; и если для наказания находится иная причина, чем заслуженность в силу дурного действия, — то здесь мы сталкиваемся с грубым нарушением морали, вопиющей несправедливостью, гнусным преступлением, а не тем, чем претендует быть наказание» (Брэдди, 2010: 50). Разумеется, это, по определению, не то, чем претендует быть наказание. Невиновного можно наказать только по ошибке; намеренное «наказание» невиновного неизбежно предполагает обман.

10. См.: Radzinowicz, 1948, esp. ch. xi on Bentham.

11. Бентам говорит, что пунитивному предумышленному уголовному праву соответствует другое предумышленное, которое антагонистично первому и которое, как и пунитивное, нуждается в собственном имени. Он ожидаемо называет его *анетиозостическим* и говорит о нем: «Целью первого является наказание вины, целью последнего — охрана невинности». В этой же связи он утверждает, что никто никогда не считал подобающим предоставлять судье право решать, следует ли повесить вора (т. е. человека, которого он считает вором, поскольку вопрос всегда должен сводиться к убеждению судьи), и потому закон предусматривает: «Судья не должен отправлять вора на виселицу, пока тот не будет должным образом обвинен и приговорен в соответствии с законом» (Bentham, 1945: 238–239).

Во-первых, не сделает ли разница мнений относительно правильного критерия справедливого правосудия недопустимым примирение для ретрибутивистов? Не будут ли они ставить под сомнение то, что, если использовать в качестве критерия утилитарный принцип, нарушившие закон будут признаваться виновными таким способом, который соответствует их требованию, чтобы понесшие наказание заслужили его? Чтобы разрешить эту трудность, предположим, что нормы уголовного права обосновываются утилитаристски (это касается только законов, соответствующих критерию, ответственность за который может быть возложена на утилитариста). Тогда следует, что действия, которые в уголовном праве считаются правонарушениями, таковы, что если их стерпеть, общество будет охвачено ужасом и паникой. Следовательно, ретрибутивисты могут отрицать, что понесшие наказание заслуживают его, только если они отрицают, что подобного рода действия дурны. А этого они делать не захотят.

Второй вопрос заключается в том, не слишком ли многое обосновывается утилитаризмом. Его изображают в качестве своеобразной машины обоснования, которая, если ее надлежащим образом настроить, могла бы использоваться для обоснования бесчеловечных и произвольных институтов. Ретрибутивисты, вероятно, признали бы, что утилитаристы намерены реформировать право и сделать его более гуманным, что утилитаристы не хотят оправдывать такую вещь, как наказание невиновного, и что утилитаристы могут апеллировать к тому, что наказание предполагает вину, в том смысле что под наказанием понимается институт, соотносящий санкции с несоблюдением юридических правил, и что, следовательно, логически абсурдно предполагать, что, оправдывая наказание, утилитаристы также оправдывают наказание (если мы можем это так назвать) невиновного. Подлинный вопрос, однако, состоит в том, не использует ли утилитарист, оправдывая наказание, аргументы, которые заставляют его допускать причинение страдания невинным людям, в случае если это хорошо для общества (независимо от того, называется это наказанием или нет). В более общем смысле не допускает ли утилитарист в принципе многие практики, которые он как нравственно чуткий человек посчитал бы недопустимыми? Ретрибутивисты склонны полагать, что не существует никакого иного способа помешать утилитарному принципу обосновывать слишком многое, кроме как добавив к нему принцип, который закрепляет за индивидами определенные права. Тогда исправленным критерием становится не максимальная польза для общества *simpliciter*, но *максимальная польза для общества с тем ограничением, что ничьи права не могут быть ущемлены*. Хотя мне кажется, что классические утилитаристы предложили как раз такой, более сложный критерий, я не хочу здесь углубляться в рассмотрение данного вопроса¹². Я хочу лишь показать, что существует иной способ помешать утилитарному принципу обосновывать слишком многое или, по крайней мере, сделать это менее вероятным, а именно такая формулировка утилитаризма, которая объясняет разницу между обоснованием института и обоснованием подпадающего под него конкретного действия.

12. Под классическими утилитаристами я имею в виду Гоббса, Юма, Бентама, Дж. С. Милля и Сиджвика.

Я начну со следующего определения института наказания: о человеке говорят, что он несет наказание, когда он легально лишается некоторых нормальных прав гражданина на основании того, что он нарушил правовую норму и это нарушение было установлено судом в соответствии с надлежащей юридической процедурой, при условии, что лишение осуществляется признанными легальными органами государства, что правовая норма содержит ясные указания относительно проступка и связанного с ним наказания, что суды точно трактуют нормы права и что данная норма права существовала до совершения проступка¹³. Это определение уточняет, что именно я буду иметь в виду, говоря о наказании. Вопрос состоит в том, можно ли найти утилитарные аргументы, обосновывающие институты, которые значительно отличаются от описанного и могут быть признаны бесчеловечными и произвольными.

На этот вопрос лучше отвечать, как мне кажется, отталкиваясь от конкретного обвинения. Рассмотрим следующее высказывание Каррита:

«...утилитарист должен придерживаться мнения, что мы имеем право причинять боль всегда, только для того, чтобы предотвратить еще большую боль или способствовать большему счастью. Тогда это всё, что нам необходимо знать о так называемом наказании, которое должно быть чисто превентивным. Но если какая-либо разновидность крайне жестокого преступления получает распространение и ни один преступник не пойман, может оказаться чрезвычайно полезным, например, повесить невинного человека, если обвинения против него можно подстроить таким образом, чтобы все поверили в его виновность. Конечно, это не мог бы быть идеальный случай утилитарного „наказания“, поскольку жертва, в отличие от настоящего преступника, вряд ли бы совершила такого рода преступление в будущем; во всех прочих отношениях это было бы прекрасное средство сдерживания и тем самым содействия счастью» (Carritt, 1947: 65).

Каррит пытается показать, что существуют случаи, когда утилитарный аргумент будет обосновывать осуществление действия, которое в целом осуждается, и что поэтому утилитаризм обосновывает слишком многое. Но ошибка аргумента Каррита состоит в том, что он не различает обоснование общей системы правил, конституирующей пенитенциарные институты, и обоснование конкретных применений этих правил к конкретным случаям различными чиновниками, чья работа заключается в их отправлении. Это становится совершенно ясно, если спрашиваешь себя, о каких «мы» говорит Каррит. Кто обладает абсолютной властью решать в конкретных случаях, что невинный человек должен быть «наказан», если всех можно убедить в его виновности? Законодатель, судья, группа частных лиц или кто-то еще? Знать, кто должен принимать такие решения и на основании каких полномочий, крайне важно, поскольку всё это должно быть прописано в правилах института. До тех пор пока это не будет известно, не будет известно и обоснование какого института ставится под вопрос, и поскольку утилитарный принцип применяется к институту, не будет известно, можно ли его обосновать на утилитарных основаниях.

13. Все эти свойства наказания упоминаются Гоббсом; см.: «Левиафан», гл. 28.

Если это понять, то станет ясно, каков контрход против аргумента Каррита. Необходимо более тщательно описать, что представляет собой тот институт, который предлагается в его примере, и затем спросить себя, будет или нет наличие этого института содействовать благу общества в долгосрочной перспективе. Нельзя довольствоваться расплывчатой мыслью о том, что, если говорить об этом случае, было бы хорошо, если бы кто-то сделал что-то, даже если пострадает невинный человек.

Попробуем тогда представить себе институт (мы можем назвать его «телевание» [telishment]), который предполагает, что назначенные им чиновники обладают властью организовывать судебный процесс с целью осуждения невинного человека, если они полагают, что это в лучших интересах общества. Свобода действий чиновников, однако, ограничена правилом, гласящим, что они не могут осудить невинного человека на такого рода мучения, если в это время не наблюдается волна преступлений, схожих с тем, в котором они его собираются обвинить и за которое они его собираются телевать. Мы можем представить, что чиновники, обладающие такими дискреционными полномочиями, — это судьи высших судов, действующие по согласованию с главой полиции, министром юстиции и комиссией законодателей.

Осознание того, что при этом учреждается институт, позволяет понять, сколь велики опасности. Например, как контролировать чиновников? Кто вправе говорить, обладают ли они полномочиями совершать свои действия? Как снизить риски, связанные с разрешением на подобный систематический обман? Как избежать предоставления властям почти полного права телевать любого, кого они захотят? Помимо этих противоречий очевидно также, что люди будут совершенно иначе относиться к своей пенитенциарной системе, когда она будет сопряжена с телеванием. Они не будут уверены, был осужденный человек наказан или телеван. Они будут сомневаться, стоит ли сочувствовать ему. Они будут задаваться вопросом о том, не может ли их постигнуть в любое время та же участь. Если вообразить себе реальную работу такого института и связанные с ней огромные риски, то станет ясно, что он был бы совершенно бесполезен. Утилитарное обоснование этого института маловероятно.

В целом получается, что отказ от определяющих черт наказания ведет к институту, утилитарное обоснование которого глубоко проблематично. Одна из причин состоит в том, что наказание функционирует подобно системе цен: меняя цены, которые необходимо платить за осуществление действий, она предлагает мотив для избегания одних действий и совершения других. Определяющие черты нужны, чтобы наказание функционировало подобным образом, поэтому институт, лишенный этих черт, например, институт, который может «наказывать» невиновных, скорее всего, будет не более осмысленным, нежели система цен (если мы можем ее так назвать), в которой цены на вещи меняются случайным образом каждый день и цена на что-либо сообщается лишь после согласия купить это¹⁴.

14. Аналогия с системой цен подсказывает ответ на вопрос о том, как утилитарные соображения обеспечивают пропорциональность наказания проступку. Интересно, что сэр Дэвид Росс, после проведения различия между обоснованием уголовного права и обоснованием его конкретного применения и после утверждения о том, что утилитарные соображения в значительной степени детермини-

Если осторожно применять утилитарный принцип к институту, который должен санкционировать определенные действия, тогда опасность обоснования слишком многого становится меньше. Пример Каррита правдоподобен в силу своей неопределенности и концентрации на одном конкретном случае. Его аргумент будет состоятелен, только если можно показать, что существуют утилитарные аргументы, которые обосновывают институт, чьи публично удостоверяемые должности и полномочия таковы, что они позволяют чиновникам осуществлять подобное право в конкретных случаях. Но требование встраивания произвольных черт конкретного решения в институциональную практику делает принятие такого обоснования гораздо менее вероятным.

II

Теперь я рассмотрю вопрос обещаний. Возражение против утилитаризма в связи с обещаниями таково: считается, что, согласно утилитарной точке зрения, когда человек дает обещание, единственное основание, на котором он должен держать его, если он вообще должен его держать, состоит в том, что, сдержав его, он достигнет в целом наибольшего блага. Поэтому если кто-то спросит: «Почему я должен держать свое обещание?», утилитарный ответ, как полагают, будет состоять в том, что в данном случае это будет вести к наилучшим последствиям. И об этом ответе вполне справедливо говорят, что он противоречит тому, как понимается обязательство держать обещания.

Конечно же, критики утилитаризма осознают, что один из аргументов, иногда приписываемых утилитаристам, — это соображение, связанное с практикой выполнения обещания¹⁵. В этой связи они, предположительно, утверждают нечто вроде следующего: следует признать, что мы чувствуем строгую необходимость выполнять обещания, гораздо более строгую, чем на первый взгляд способны объяснить наши

ругают последнее, все еще воздерживается от признания утилитарного обоснования наказания под тем предлогом, что справедливость требует, чтобы наказание было пропорциональным проступку, и что утилитаризм неспособен это обеспечить (см.: Ross, 1930: 61–62). Я не утверждаю, что утилитаризм может обеспечить это требование так, как того хотелось бы сэру Дэвиду, но тем не менее получается, что, если следовать утилитарным соображениям, наказания будут пропорциональны проступкам в следующем смысле: с градацией проступков по степени тяжести можно сопоставить градацию наказаний по степени суровости. Кроме того, абсолютный уровень наказаний будет максимально низким. Это следует из допущения о том, что люди рациональны (т. е. что они способны учитывать «цену», которое государство налагает на действия), из утилитарного правила, гласящего, что пенитенциарная система должна предоставлять мотив для предпочтения менее тяжкого проступка, и из принципа, гласящего, что наказание как таковое есть зло. Все это было подробно прописано Бентамом в «Основаниях нравственности и законодательства» (гл. 13–15).

15. Ross, 1930: 37–39, и Ross, 1939: 92–94. Мне неизвестен ни один утилитарист, который бы использовал этот аргумент, за исключением В. Э. Пикарда-Кэмбриджа (Pickard-Cambridge, 1932: 153–157), хотя данный аргумент соответствует версии утилитаризма, предложенной Дж. Э. Муром в «Принципах этики» (Мур, 1984). Насколько мне известно, его нет у классических утилитаристов, и это не случайно, если правильно трактовать их взгляды.

представления. Но при тщательном рассмотрении вопроса всегда нужно учитывать влияние, которое будет иметь наше действие на практику обещания. Обещающий должен взвешивать не только влияние нарушения своего обещания на конкретный случай, но и влияние нарушения своего обещания на саму практику. Поскольку практика имеет огромную утилитарную ценность и поскольку нарушение обещания всегда наносит ей серьезный урон, нарушение своего обещания редко бывает обоснованным. Если мы рассмотрим свои индивидуальные обещания в более широком контексте практики обещания, мы сможем объяснить строгость обязательства держать обещания. Всегда есть очень сильное утилитарное соображение в пользу их выполнения, и оно гарантирует, что в случае возникновения вопроса, стоит или нет держать обещание, всегда будет оказываться, что стоит, даже если фактические обстоятельства конкретного случая, взятого самого по себе, оправдывают нарушение этого обязательства. Это объясняет строгость, с которой мы относимся к обязательству держать обещания.

Росс критиковал этот аргумент следующим образом (Ross, 1930: 38–39): сколь бы велика ни была ценность практики обещания, согласно утилитаризму, должно существовать нечто еще более ценное, и вполне можно представить, что для его обретения необходимо нарушить обещание. Следовательно, возможен такой случай, когда обещающий мог бы заявить, что нарушение его обещания обосновывается тем, что это ведет к лучшему положению дел в целом. И обещающий мог бы заявить об этом вне зависимости от того, сколь бы малым ни является преимущество, полученное в результате нарушения правила. Если бы кто-то подверг обещающего критике, тот сказал бы в свою защиту, что он поступил в целом наилучшим образом с учетом всех утилитарных соображений, которые в данном случае включают важность практики. Россу кажется, что такое оправдание было бы неприемлемым. Я полагаю, что он прав в той мере, в какой протестует против апелляции к последствиям в целом без дальнейшего объяснения. Однако оценить силу аргумента Росса крайне сложно. Вымышленный пример выглядит нереалистичным и требующим описания. Можно решить, что либо данный случай был исключением, определяемым самой практикой, и тогда в конкретном случае апеллировать к последствиям в целом было нельзя, либо обстоятельства были столь специфичны, что условия, предполагаемые практикой, были больше недостижимы. Но Росс определенно прав, полагая, что мы считаем ошибкой, когда человек защищает нарушение обещания с помощью общей апелляции к последствиям. Общеутилитарное оправдание недоступно обещающему: это не одно из тех оправданий, которые допускаются практикой обещания.

Росс выдвигает еще два контраргумента (Ross, 1930: 39)¹⁶. Во-первых, он полагает, что ущерб, наносимый практике обещания неспособностью держать обещание, переоценивается. Нарушающий обещание определенно вредит своему имени, но неочевидно, что нарушенное обещание всегда наносит самой практике достаточно сильный

16. Случай непубличного обещания обсуждается снова в «Основаниях этики» (Ross, 1939: 95–96, 104–105). Он также появляется в: Mabbott, 1939: 155–157, и в: Melden, 1951: 519–523, где обсуждается пример Каррита из «Этического и политического мышления» (Carritt, 1947: 64).

вред, чтобы это служило объяснением строгости обязательства. Во-вторых — что, по-моему, важнее, — он поднимает вопрос о том, что можно сказать насчет обещания, которое известно только обещающему и тому, кому оно дано, как в случае обещания относительно распоряжения имуществом, которое сын дает умирающему отцу¹⁷. В данном случае соображение, связанное с практикой, не имеет никакого значения для обещающего, однако же это обещание кажется столь же обязательным, как и прочие. Вопрос о влиянии его нарушения на практику нерелевантен. Единственное последствие заключается в том, что можно нарушить обещание безо всякого риска порицания, но само обязательство от этого ничуть не слабеет. Следовательно, вряд ли последствия для практики имеют какое-либо значение в том или ином конкретном случае; они, очевидно, не могут объяснить строгость обязательства там, где их нет. Отсюда вытекает, что утилитарное объяснение обязанности выполнять обещания не может иметь успеха.

Из сказанного мной в связи с наказанием можно заключить, что именно я собираюсь сказать об этих аргументах и контраргументах. В них не проводится различие между обоснованием практики и обоснованием подпадающего под него конкретного действия, и поэтому в них ошибочно принимается как данность, что обещающий, подобно чиновнику Каррита, уполномочен совершенно свободно пользоваться утилитарными соображениями, решая, стоит ему выполнять свое обещание или нет. Но если рассмотреть практику обещания, то, думаю, станет понятно, что она не наделяет обещающего такими общими правами. Суть этой практики состоит в отречении от своего права действовать в соответствии с утилитарными и пруденциальными соображениями, что позволяет закреплять будущее и заранее координировать планы. Существование практики, запрещающей обещающему апеллировать, в целях оправдания, к общеутилитарному принципу, в соответствии с которым эта практика может быть обоснована, имеет очевидные утилитарные преимущества. В этом нет ничего противоречивого или неожиданного: можно привести хорошие утилитарные (или эстетические) доводы в пользу того, что игры в шахматы или бейсбол достаточно такой, какая она есть, или в пользу того, что ее следует определенным образом изменить, но игрок, участвующий в игре, не может надлежащим образом апеллировать к таким соображениям как доводам в поддержку того, что он делает один ход и не делает другой. Было бы ошибкой думать, что если практика оправдывается на утилитарных основаниях, то обещающий должен обладать полной свободой в использовании утилитарных аргументов при принятии решения, стоит ли выполнять обещание. Практика запрещает такое общее оправдание, и именно в этом состоит ее предназначение. Следовательно, допущение, лежащее в основе вышеизложенных аргумен-

17. В примере Росса описываются просто двое умирающих в одиночестве, один из которых дает обещание другому. Пример Каррита (см. прим. 16 выше) — это пример двух людей на Северном полюсе. Пример, приведенный в тексте, более реалистичен и похож на пример Мэббота. Другой пример — ситуация, когда кто-то сообщает вам нечто конфиденциальное и впоследствии умирает. Подобного рода случаи не обязательно должны быть «аргументами необитаемого острова», как, видимо, полагает Ноуэлл-Смит (см.: Nowell-Smith, 1954: 239–244).

тов, — идея о том, что если принимается утилитарная точка зрения, то обещающий связывается обязательством, если и только если применение утилитарного принципа к его собственному случаю показывает, что выполнение обещания приносит в целом наилучший результат, — ложно. Обещающий связан обязательством потому, что он обещал: оценка преимуществ своего случая ему недоступна¹⁸.

Значит ли это, что в конкретных случаях нельзя размышлять о том, стоит ли выполнять свое обещание? Разумеется, нет. Но размышлять об этом — значит, размышлять о том, применимы ли различные извинения, исключения и оправдания, которые понятны в рамках практики и составляют ее важную часть, к своему случаю¹⁹. Допустимы различные оправдания невыполнения своего обещания, но среди них нет оправдания, состоящего в том, что, исходя из утилитарных оснований, обещающий (действительно) считает свое действие в целом наилучшим, хотя оправдание может состоять в том, что последствия выполнения своего обещания были бы чрезмерно суровыми. Хотя здесь слишком много сложностей, чтобы рассматривать все необходимые детали, недопустимость общего оправдания становится понятной, если задать вопросом: что сказали бы о человеке, который на вопрос, почему он нарушил обещание, ответил бы, что его нарушение было в целом наилучшим решением? Если предположить, что его ответ искренен и что его убеждение разумно (т. е. не нужно рассматривать возможность того, что его ввели в заблуждение), я думаю, встал бы вопрос о том, знает ли данный человек, что значит говорить «Я обещаю» (в подходящих обстоятельствах). О том, кто прибегает к такому извинению без дальнейшего объяснения, сказали бы, что он не понимает, какие оправдания позволяет ему делать практика, которая определяет обещание. Если бы такое извинение использовал ребенок, его бы поправили, поскольку один из способов обучения понятию обещания заключается в корректировании того, кто использует подобное извинение. Если бы практика допускала такое извинение, в ней не было бы смысла.

Несомненно, утилитарная точка зрения включает идею, что любая практика должна признавать оправдание, состоящее в том, что последствия ее исполнения могут быть чрезмерно суровыми. Утилитаристы склоняются к тому, что необходима определенная степень доверия здравому смыслу и некоторая уступка в тяжелых случаях. Они сказали бы, что практика обосновывается тем, что она служит интересам участвующих в ней людей, и, как и в случае любого набора правил, существует понятный фон обстоятельств, при которых ожидается ее применение и которые не нужно — на самом деле, нельзя — полностью проговаривать. Если эти обстоятельства меняются, то, даже если не существует правила, относящегося к случаю, практика все еще предусматривает возможность освобождения от своего обещания. Но такое оправдание, допускаемое практикой, не следует путать с общей возможностью взвешивания каждого конкретного случая на утилитарных основаниях, которую, по мнению критиков, утилитаризм с необходимостью предполагает.

18. Сказанное мной в этом абзаце, как мне кажется, совпадает с важными идеями, обсуждаемыми Юмом в «Трактате о человеческой природе» (кн. III, ч. II, гл. 5, а также гл. 6, абз. 8).

19. Обсуждение этого см. в: Sidgwick, 1901, bk. III, ch. vi.

Утилитарное обоснование наказания вызывает беспокойство относительно того, что оно может обосновывать слишком многое. В связи с обещаниями вопрос стоит иначе: каким образом утилитаризм способен объяснить обязанность вообще выполнять обещания? Кажется, что общепризнанная обязанность держать свое обещание и утилитаризм несовместимы. И они действительно несовместимы, если считать, что утилитарная точка зрения с необходимостью предполагает, что каждый человек полностью свободен взвешивать каждое конкретное действие на общеутилитарных основаниях. Но нужно ли интерпретировать утилитаризм подобным образом? Надеюсь, я сумел показать, что в тех случаях, которые я обсудил, такая интерпретация невозможна.

III

Выше я попытался показать важность различия между обоснованием практики и обоснованием подпадающего под нее конкретного действия, указав, каким образом данное различие могло бы использоваться для защиты утилитаризма от двух давних возражений. В этом месте могло бы возникнуть желание закрыть дискуссию, сказав, что утилитарные соображения следует понимать как применимые к практикам вообще, а не к конкретным действиям, подпадающим под них, за исключением тех случаев, когда практики позволяют это. Можно было бы сказать, что в такой модифицированной форме это лучшее объяснение наших взвешенных моральных суждений, и тем удовлетвориться. Но остановиться здесь — значило бы проигнорировать интересный вопрос о том, каким образом можно не заметить важность столь достаточно очевидного различия и принять как данность, что из утилитаризма вытекает возможность всегда принимать решение относительно конкретных случаев на общеутилитарных основаниях²⁰. Я хочу показать, что эта ошибка может быть связана с неправильным пониманием логического статуса правил практик, и для этого я собираюсь рассмотреть две концепции правил, два способа их включения в утилитарную теорию.

20. Насколько я могу судить, до Мура данная доктрина никем открыто не высказывалась. См., например, «Принципы этики», где говорится, что утверждение «я морально обязан совершить этот поступок» означает то же самое, что утверждение «*этот* поступок обеспечивает наибольшую возможную сумму добра в универсуме» (Мур, 1984: 232; курсив мой). Важно помнить, что те, кого я назвал классическими утилитаристами, интересовались в основном социальными институтами. Они были одними из главных экономистов и политических теоретиков своего времени и не так уж редко — реформаторами, заинтересованными в практических делах. Исторически утилитаризм возникает одновременно с последовательным представлением об обществе, а не как простая этическая теория и уж тем более — не как попытка философского анализа в современном смысле слова. Утилитарный принцип вполне естественно воспринимался и использовался как критерий оценки социальных институтов (практик) и основание для реформирования. Поэтому не очень понятно, насколько необходимо улучшать утилитаризм в его классической форме. Обсуждение утилитаризма как составной части теории общества см. в: Robbins, 1952.

Концепцию, которая скрывает от нас значимость указанного различия, я буду называть резюмирующей точкой зрения. В ней правила рассматриваются следующим образом: предполагается, что каждый человек решает, что он будет делать в конкретных случаях, применяя утилитарный принцип; предполагается далее, что различные люди будут принимать одинаковые решения в одинаковых конкретных случаях и что случаи, схожие с теми, в которых ранее принимались решения, будут повторяться. Таким образом, в однотипных случаях будет приниматься одно и то же решение — либо одним человеком в разное время, либо разными людьми в одно и то же время. Считается, что если случай повторяется достаточно часто, для данного типа случая формулируется правило. Я назвал эту концепцию резюмирующей точкой зрения, поскольку правила изображаются в качестве резюме прошлых решений, полученных путем прямого применения утилитарного принципа к конкретным случаям. Правила воспринимаются в качестве отчетов о том, что определенного рода случаи были обнаружены на иных основаниях, не позволяющих принять правильное решение (хотя, конечно же, они не говорят об этом).

Есть несколько вещей, которые можно отметить относительно такого способа включения правил в утилитарную теорию²¹:

21. Данную сноску следует читать после раздела 3, поскольку она предполагает то, что я сказал в нем. В ней приводятся некоторые высказывания ведущих утилитаристов относительно резюмирующей концепции. В целом можно сказать, что при обсуждении ими логических свойств правил резюмирующая концепция преобладала и была типичной для их способов обсуждения моральных правил. В качестве полной иллюстрации я привожу достаточно обширный набор цитат из Остина.

В «Лекциях о юриспруденции» Джон Остин отвечает на возражение о том, что принятие решения в соответствии с утилитарным принципом случай за случаем непрактично, доказывая, что это неправильное понимание утилитаризма. Согласно утилитарной точке зрения, «наше поведение соответствовало бы *правилам*, выводимым из тенденций действий, но не определялось бы прямым обращением к принципу общей полезности. Полезность была бы конечной, но не непосредственной мерой нашего поведения: непосредственной мерой правил, которым бы соответствовало наше поведение, но не непосредственной мерой специфических или индивидуальных действий. Наши правила формировались бы в соответствии с полезностью, а наше поведение — в соответствии с нашими правилами» (Austin, 1873, I: 116). По поводу того, как решить, какова тенденция действия, он говорит: «Чтобы выявить тенденцию специфического или индивидуального акта, нам не нужно было бы созерцать акт как нечто единичное и изолированное, но нужно было бы взглянуть на класс актов, которому он принадлежит. Мы должны были бы допустить, что акты данного класса обычно совершаются или избегаются, и рассмотреть вероятный их результат в отношении общего счастья или блага. Мы должны были бы предположить, каковы были бы последствия, если бы данный класс актов был всеобщим, а также каковы были бы последствия, если бы его обычно избегали. Затем мы должны сравнить последствия с позитивной и негативной стороны и определить, какая из двух сторон поддерживает *баланс* преимуществ... Если мы действительно выявляем тенденцию специфического или индивидуального акта, мы выявляем тенденцию класса, к которому этот акт принадлежит. *Частный* вывод, который мы делаем в отношении единичного акта, предполагает *общий* вывод, охватывающий все похожие акты... Если бы наше поведение было действительно устремлено к полезности, оно бы *немедленно* подчинилось так полученным и укоренившимся в памяти правилам» (Austin, 1873, I: 117). Может сложиться впечатление, что в ответ на возражение Остин утверждает практическую концепцию правил, и, возможно, он так и намеревался поступить. Но утверждал ли он эту концепцию, до конца не ясно. Говорит ли он

о статистическом обобщении? Понятие тенденции предполагает это. Или он отсылает к полезности учреждения практики? Я не знаю, но его последующие замечания поддерживают резюмирующую точку зрения. Он говорит: «Рассмотрение специфических последствий единичных или индивидуальных актов *редко* [курсив мой] основывается на этом конечном принципе» (Austin, 1873, I: 117). Но стал бы кто-нибудь когда-нибудь так делать? Он продолжает: «...если это признается, тогда необходимость останавливаться и проводить вычисления, которую предполагает рассматриваемое возражение, оказывается надуманной. Предпосылать каждому акту или воздержанию от акта предугадывание и сравнение последствий было бы явно *излишне* [курсив мой] и пагубно. Это было бы явно излишне, поскольку *результат этого процесса* [курсив мой] воплощался бы в известном *правиле*. Это было бы явно пагубно, поскольку *истинный* результат выражался бы этим правилом, в то время как процесс был бы, вероятно, ошибочным, если бы он осуществлялся случайно» (Austin, 1873, I: 117–188). Далее он пишет: «Если бы наши опыт и наблюдение отдельных частных случаев не были *обобщенными*, наши опыт и наблюдение отдельных частных случаев редко помогали бы нам в *практике*... Выводы, возникающие у нас в уме вследствие повторяющегося опыта и наблюдения, следовательно, превращаются в *принципы* или сжимаются в *максимы*, которые мы всегда готовы использовать и безотлагательно применять к индивидуальным случаям... не возвращаясь к процессу, посредством которого они были получены, и не вспоминая и не располагая перед своим мысленным взором многочисленные и запутанные соображения, *удобными сокращениями* [курсив мой] которых они являются... Подлинная теория есть *компендиум* частных истин... В таком случае, говоря в целом, человеческое поведение неизбежно *направляется* [курсив мой] *правилами*, или *принципами*, или *максимами*» (Austin, 1873, I: 117–118). Мне нет нужды доказывать, что все эти замечания склоняются к резюмирующей точке зрения. Кроме того, когда Остин рассматривает «сравнительно редкие» случаи, он утверждает, что специфические соображения могут перевешивать общие. «Учитывая резоны, из которых мы вывели правило, было бы абсурдным считать его непреклонным. Мы должны, следовательно, отвергнуть *правило*, обратиться прямо к *принципу*, на котором наши правила основываются, и вычислить *специфические* последствия исходя из всех имеющихся у нас познаний и способностей» (Austin, 1873, I: 120–121). Взгляд Остина интересен тем, что он показывает, каким образом можно близко подойти к практической концепции и пройти мимо нее.

В «Системе логики» (Mill, 1872, bk. VI, ch. xii, par. 2) Милль открыто различает позицию судьи и позицию законодателя, при этом предлагая различать две концепции правил. Однако он разделяет эти две позиции, для того чтобы проиллюстрировать разницу между случаями, когда необходимо применять уже утвержденное правило, и случаями, когда необходимо формулировать правило, которое будет впоследствии управлять поведением. Его интересует последний случай, и он принимает «политическую максиму» законодателя в качестве типичной для правил. В абз. 3 совершенно четко формулируется резюмирующая концепция. Например, он говорит о правилах поведения, что к ним следует относиться как к условности, поскольку они касаются наиболее многочисленных случаев. Он говорит, что они «указывают», какой способ действия наименее опасен; они «предупреждают» о том, что определенный способ поведения был признан подходящим для наиболее общих ситуаций. В «Утилитаризме» (Mills, 1864, ch. II, par. 24) резюмирующая концепция появляется в ответе Милля на те же возражения, которые рассматривал Остин. Здесь он говорит о правилах как «следствиях» из принципа полезности и сравнивает эти «вторичные» правила с «вехами» и «указателями направления». Они основываются на длительном опыте, и поэтому нет нужды применять утилитарный принцип к каждому случаю. В абз. 25 Милль указывает на то, что перед утилитарным принципом стоит задача разрешения спора между конкурирующими моральными правилами. Он говорит здесь так, как если бы утилитарный принцип применялся затем непосредственно к конкретному случаю. С практической точки зрения этот принцип применялся бы скорее для того, чтобы решить, какой из способов применения практике связности наилучший. Следует отметить, что хотя в абз. 10 миллевское определение

1) Смысл существования правил выводится из того факта, что похожие случаи имеют тенденцию повторяться и что в конкретных случаях решение может приниматься быстрее, если прошлые решения фиксируются в форме правил. Если бы похожие случаи не повторялись, было бы необходимо применять утилитарный принцип напрямую случай за случаем, и правила, сообщающие о прошлых решениях, были бы бесполезны.

2) Принимаемые в конкретных случаях решения логически предшествуют правилам. Поскольку правила обретают смысл в силу необходимости применять утилитарный принцип ко многим похожим случаям, конкретный случай (или несколько похожих на него случаев) может иметь место, независимо от того, существует ли правило, охватывающее этот случай. Нас изображают в качестве людей, опознающих конкретные случаи до того, как появляется охватывающее их правило, поскольку мы формулируем правило, только столкнувшись с рядом определенного типа случаев. Таким образом, мы способны описать конкретный случай как конкретный случай требуемого типа, независимо от того, существует ли правило относительно такого типа случая. Иными словами, то, к чему отсылают А и Б в правилах вида «Всякий раз, когда А, делай Б», может быть описано как А и Б, независимо от того, существует ли правило «Всякий раз, когда А, делай Б» или какой-нибудь набор правил, образующих практику, частью которой является данное правило.

Для иллюстрации рассмотрим правило (или максимум), которое могло бы возникнуть следующим образом: предположим, что человек пытается решить, говорить ли

утилитаризма делает утилитарный принцип применимым к морали, т. е. к правилам и предначертаниям человеческого поведения, определение в абз. 2 содержит фразу «действия правильны в той мере, в какой они *содействуют* счастью» [курсив мой], которая склоняется к резюмирующей точке зрения. В последнем абзаце своей статьи «Об определении политической экономии» Милль говорит, что лишь в искусстве, в отличие от науки, можно действительно говорить об исключениях. В том, что касается практики, если что-то делается «в большинстве случаев», тогда это делается согласно правилу. «Таким образом, говоря об искусстве, мы можем, не вызывая возражений, говорить о *правиле* и об *исключении*; понимая под правилом случаи, в которых существует, однако, лишь незначительное, преобладание побуждений действовать определенным образом; а под исключением — случаи, в которых преобладание находится на противоположной стороне» (Милль, 2007: 1023). Эти замечания тоже выражают резюмирующую точку зрения.

В «Принципах этики» Мура (Мур, 1984, гл. 5) содержится сложное и тяжелое обсуждение моральных правил. Я не буду разбирать его здесь, лишь выскажу свое подозрение, что там преобладает резюмирующая концепция. Разумеется, Мур часто говорит о полезности правил как о том, чему обычно следуют, и о действиях как о том, что обычно практикуют, но эти фрагменты, возможно, соответствуют статистическому представлению об обобщении, допускаемому резюмирующей концепцией. Эта концепция следует из высказываний Мура о прямой применимости утилитарного принципа к конкретным действиям (Мур, 1984: 232–233) и из его понятия правила как чего-то, что указывает, какая из нескольких альтернатив, которые могут случиться с любым, скорее всего приведет в целом к большему совокупному благу в ближайшем будущем (Мур, 1984: 241). Он говорит об «этическом законе» как предсказании и обобщении (Мур, 1984: 231, 241–242). Резюмирующая концепция также дает о себе знать в его обсуждении исключений (Мур, 1984: 250–251) и силы примеров нарушения правила (Мур, 1984: 251–253).

тому, кто смертельно болен, о его болезни, когда тот спросит. Предположим, человек размышляет и затем принимает решение — на утилитарных основаниях, — что он не должен говорить правду, и предположим, что на основании этого и других подобных случаев он формулирует правило следующего содержания: если смертельно больной спрашивает, чем он болен, ему не следует это говорить. Здесь необходимо обратить внимание на то, что чья-либо смертельная болезнь и вопрос о том, что это за болезнь, а также чей-либо ответ являются вещами, которые можно описать как таковые, независимо от того, существует ли такое правило. Осуществление действия, к которому отсылает правило, не требует выстраивания мизансцены практики, частью которой является это правило. Именно это имеется в виду, когда говорится, что согласно резюмирующей точке зрения конкретные случаи логически предшествуют правилам.

3) Каждый человек, в принципе, всегда правомочен оценивать корректность правила и задаваться вопросом, нужно или не нужно следовать ему в конкретном случае. Поскольку правила являются руководствами и инструментами, можно спрашивать, не могло ли случиться так, что в прошлые решения, связанные с применением утилитарного принципа для получения рассматриваемого правила, закралась ошибка, и является ли оно лучшим в данном случае. Причина существования правил заключается в том, что люди не способны применять утилитарный принцип легко и безукоризненно; необходимо экономить время и устанавливать ориентир. С этой точки зрения общество рациональных утилитаристов было бы обществом без правил, в котором каждый человек применял бы утилитарный принцип напрямую, беспрепятственно и безошибочно, случай за случаем. С другой стороны, в нашем обществе правила формулируются таким образом, чтобы служить инструментами принятия идеально рациональных решений в конкретных случаях — руководствами, которые были созданы и проверены многими поколениями. Применение этой точки зрения к правилам предполагает интерпретацию их в качестве максим, «правил большого пальца»²², и сомнительно, чтобы всё, к чему применялась бы резюмирующая концепция, называлось бы правилом. Рассуждения, основанные на таком отношении к правилам, представляют собой ошибку в процессе философствования.

4) Концепция общего правила принимает следующую форму. Считается, что человек оценивает, на каком проценте вероятных случаев может основываться данное правило, чтобы оно выражало правильное решение, т.е. решение, которое было бы принято, если бы утилитарный принцип корректно применялся случай за случаем. Если человек полагает, что в общем и целом данное правило позволит принять корректное решение, или если человек полагает, что вероятность совершения ошибки в результате прямого применения утилитарного принципа по своему усмотрению выше, чем вероятность совершения ошибки в результате следования правилу, и если эти соображения касаются людей в целом, тогда человек будет вправе требовать его принятия в качестве общего правила. Так резюмирующая точка зрения может объяснить общие правила. Однако все равно имело бы смысл говорить о применении

22. Правило большого пальца (англ. *rule of thumb*) — проверенный временем, хорошо зарекомендовавший себя метод. — Прим. перев.

утилитарного принципа случай за случаем, поскольку именно попытка предсказать результаты этого применения ведет к первоначальным оценкам, от которых зависит принятие правила. Понимание правила в соответствии с резюмирующей концепцией будет проявляться в естественности, с которой говорится о правиле как о руководстве, или максиме, или обобщении опыта и как о чем-то, что должно отбрасываться в экстраординарных случаях, где нет уверенности, что данное обобщение подойдет и поэтому случай должен рассматриваться исходя из его собственных преимуществ. Таким образом, эта концепция неотделима от идеи специфического исключения, которое в определенной ситуации делает правило подозрительным.

Другую концепцию правил я буду называть практической концепцией. Согласно данной точке зрения, правила определяют практику. Практики создаются для различных целей, но одна из них состоит в том, что во многих областях поведения решение каждого человека о том, что ему делать, принимаемое на утилитарных основаниях случай за случаем, ведет к путанице, и попытка скоординировать поведение путем предугадывания действий других людей обречена на провал. В качестве альтернативы видится необходимость учреждения практики, конкретизация новой формы активности, откуда становится понятно, что практика с необходимостью предполагает отказ от полной свободы действий на утилитарных и пруденциальных основаниях. Отличительной чертой практики является то, что обучение ее осуществлению предполагает обучение определяющим ее правилам, и апелляция к этим правилам используется для коррекции поведения тех, кто ее осуществляет. Осуществляющие практику признают эти правила в качестве определяющих практику. Правила нельзя считать простыми описаниями того, каким образом осуществляющие ее люди на самом деле себя ведут: они ведут себя не так, как если бы они просто подчинялись правилам. Поэтому для понятия практики принципиально важно, что правила публично известны и понимаются в качестве определяющих, а также что правилам практики можно научить и что исходя из них можно действовать, производя последовательную практику. В таком случае, согласно данной концепции, правила — это не обобщения решений индивидов, прямо и независимо применяющих утилитарный принцип к повторяющимся конкретным случаям. Напротив, правила определяют практику и сами подчиняются утилитарному принципу.

Чтобы показать важность расхождений между данным способом встраивания правил в утилитарную теорию и предыдущим, я рассмотрю различия между двумя концепциями в отношении обсужденных выше пунктов:

- 1) В противоположность резюмирующей точке зрения правила практики логически предшествуют конкретным случаям. Причина состоит в том, что не может быть конкретного случая действия, подпадающего под правило практики, пока нет практики. Это можно прояснить следующим образом: в практике существуют правила, которые устанавливают должности, конкретизируют определенные формы действия, подходящие для различных должностей, назначают наказания за нарушение правил и т. д. Мы можем рассматривать правила практики в качестве определяющих должности, ходы и проступки. В таком случае, когда говорится, что практика логически

предшествует конкретным случаям, имеется в виду следующее: какое бы правило ни специфицировало форму действия (ход), конкретное действие, которое считалось бы подпадающим под данное правило, при условии, что существует некоторая практика, не описывалось бы как такого рода действие до тех пор, пока не было бы практики. В случае действий, специфицируемых практиками, логически невозможно совершать их за пределами мизансцены, предоставленной этими практиками, поскольку до тех пор, пока нет практики, и до тех пор, пока не соблюдены подобающие приличия, какие бы поступки ни совершались, какие бы движения ни предпринимались, они не будут считаться формой действия, специфицируемой практикой. Сделанное будет описываться каким-то иным способом.

Данный тезис можно проиллюстрировать на примере игры в бейсбол. Многие действия, совершаемые при игре в бейсбол, могут осуществляться самостоятельно или вместе с другими людьми вне зависимости от того, происходит в этот момент игра или нет. Например, можно бросать мяч, бегать или махать куском дерева определенной формы. Но нельзя украсть базу, сделать страйк-аут, заработать уолк, допустить ошибку или бок, хотя можно делать определенные вещи, которые вроде бы напоминают эти действия, например, сделать подкат к «подушке», пропустить мяч и т. д. Страйк-аут, кража базы, получение бока и т. п. — все это действия, которые могут произойти только в игре. Что бы ни делал человек, его поступки не будут описываться как кража базы, страйк-аут или уолк до тех пор, пока его нельзя так же описать, как игрока в бейсбол, и для него совершение этих действий предполагает правилосообразную практику, которая конституирует игру. Практика логически предшествует конкретным случаям: пока нет практики, термины, обозначающие специфицируемые ею действия, лишены смысла²³.

2) Практическая точка зрения ведет к совершенно иной концепции, доступной каждому человеку власти решать, уместно ли следовать правилу в конкретных случаях. Осуществлять практику, предпринимать действия, специфицируемые практикой, значит следовать подходящим правилам. Если кто-то хочет совершить действие, специфицируемое определенной практикой, он может сделать это, только подчиняясь определяющим ее правилам. Следовательно, человеку нет смысла поднимать вопрос о том, корректно ли применять правило практики к его случаю, поскольку обдумываемое им действие есть форма действия, определяемая практикой. Если бы кто-то поднял такой вопрос, он лишь показал бы, что не понимает ситуацию, в которой действует. Для желающего осуществить действие, специфицируемое практикой,

23. Может сложиться впечатление, что было бы ошибкой говорить о том, что практика логически предшествует специфицируемым ею формам действия, поскольку, если бы никогда не было примеров действий, подпадающих под практику, тогда мы были бы склонны говорить, что нет и самой практики. Чертежи практики не составляют практику. Существование практики предполагает, что имеются примеры людей, осуществлявших ее раньше и осуществляющих ее теперь (с подходящими квалификациями). Это так, однако это не ставит под вопрос утверждение о том, что любой конкретный пример формы действия, специфицируемой практикой, предполагает практику. Это не соответствует резюмирующей картине мира, поскольку каждый пример должен быть «там», так сказать, до правил, как нечто, откуда извлекается правило путем прямого применения к нему утилитарного принципа.

единственный легитимный вопрос связан с сущностью самой практики («Как мне составить завещание?»).

Иллюстрацией этого тезиса является поведение, ожидаемое от игрока. Если кто-то хочет принять участие в игре, он не рассматривает правила игры в качестве руководства относительно того, что является наилучшим в конкретных случаях. В бейсболе, если бы бэттер спросил: «Могу ли я получить четыре страйка?», это означало бы, что он спрашивает о том, каково правило, и если бы после того, как ему рассказали правило, он сказал, что имел в виду, что в данной ситуации ему подумалось, что для него было бы в целом лучше, если бы было четыре страйка, а не три, это в самом благоприятном случае было бы воспринято как шутка. Можно было бы возразить, что игра в бейсбол стала бы лучше, если бы разрешили четыре страйка вместо трех, но нельзя использовать правила в качестве руководств, говорящих, что лучше всего в целом в конкретных случаях, и ставить под вопрос их применимость к конкретным случаям как конкретным случаям.

3 и 4) В завершение сравнения с резюмирующей концепцией по четырем пунктам необходимо отметить, что из сказанного выше ясно, что правила практики не являются руководствами, помогающими принимать в конкретных случаях корректные решения исходя из некоего высшего этического принципа. И ни квазистатистическое понятие обобщения, ни понятие специфического исключения не могут применяться к правилам практик. Более-менее общее правило практики должно быть правилом, которое, в соответствии со структурой практики, применяется к более-менее схожим случаям, или оно должно быть правилом, которое является более-менее базовым для понимания практики. Опять же конкретный случай не может быть исключением из правила практики. Исключение — это, скорее, квалификация или дальнейшая спецификация правила.

Из сказанного нами по поводу практической концепции правил следует, что если человек осуществляет практику и если его спрашивают, почему он делает то, что он делает, или если его просят оправдать то, что он делает, тогда его объяснение или оправдание, заключается в отсылке спрашивающего к практике. Он не может говорить о своем действии (если это действие, специфицируемое практикой), что он осуществляет его, а не какое-то другое, потому что думает, что это в целом лучше всего²⁴. Когда человека, осуществляющего практику, спрашивают о его действии, он должен предположить, что спрашивающий не знает, что он осуществляет практику («Почему ты торопишься заплатить ему?» — «Я обещал ему заплатить сегодня»), или в чем эта практика состоит. При этом не столько обосновывается конкретное действие, сколько объясняется или показывается, что оно соответствует практике. Причина этого в том, что конкретное действие описывается как таковое лишь на фоне мизансцены практики. Только отсылка к практике позволяет сказать, что кто-то делает. Чтобы объяснить или оправдать свое действие как конкретное действие, человек соотносит его с практикой, которая его определяет. Непризнание этого свидетельствует о том,

24. Философская шутка (в устах Иеремии Бентама): «Когда я бегу к другой калитке после того, как мой партнер забил хороший мяч, я делаю это потому, что в целом это лучше всего».

что задается иной вопрос: обосновано ли признание или одобрение практики? Когда под вопрос ставится сама практика, цитировать правила (говорить о том, в чем заключается практика) бесполезно. Но когда под вопрос ставится конкретное действие, остается только ссылаться на правила. Вопрос, касающийся конкретных действий, является вопросом лишь для того, кому не ясно, в чем заключается практика, или кто не знает, что она осуществляется. Этому следует противопоставить случай максимы, которую можно считать указывающей на правильное решение в данном случае как решение, принятое на иных основаниях, и тем самым придающей смысл сомнению относительно данного случая за счет того, что спрашивается, действительно ли эти иные основания поддерживают решение в данном случае.

Если сравнить две концепции правил, которые я обсудил выше, то можно увидеть, что резюмирующая концепция упускает значимость различия между обоснованием практики и обоснованием подпадающих под нее действий. В рамках данного подхода правила рассматриваются как руководства, цель которых — указать на идеально рациональное решение для данного конкретного случая, к которому привело бы безукоризненное применение утилитарного принципа. В принципе, каждый имеет полное право использовать эти руководства или отвергать их в зависимости от требований ситуации без какого-либо изменения своего морального долга: отвергаются правила или нет, на любого человека всегда возлагается обязанность быть рациональным, пытаясь случай за случаем поступать в целом наилучшим образом. Но согласно практической концепции, если долг каждого человека определяется практикой, тогда вопросы, касающиеся его действий, разрешаются путем отсылки к правилам, определяющим практику. Если кто-то пытается поставить эти правила под вопрос, его долг претерпевает фундаментальное изменение: этот человек оказывается в должности того, кто уполномочен менять и критиковать правила, в должности реформатора и т. д. Резюмирующая концепция снимает разделение между должностями и различными формами аргументации, подходящими для них. Согласно этой концепции, есть только одна должность, а это значит — ни одной. Следовательно, эта концепция затушевывает тот факт, что в случае действий и определяемых практикой должностей утилитарный принцип должен применяться к практике, так что общеутилитарные аргументы недоступны для тех, кто действует в рамках так определенных должностей²⁵.

25. Применимы ли эти замечания к случаю обещания, известного только отцу и сыну? На первый взгляд сын определенно исполняет обязанности обещающего, и поэтому практика не позволяет ему оценивать конкретный случай на общеутилитарных основаниях. Предположим, однако, что он считает себя исполняющим обязанности того, кому позволено критиковать и менять практику (при этом мы оставляем в стороне вопрос, вправе ли он отказываться от ранее принятых обязательств и принимать другие). В таком случае он может считать утилитарные аргументы применимыми к данной практике, но как только он это сделает, он увидит, что такого рода аргументы существуют потому, что они не допускают общеутилитарное оправдание практики в такого рода случаях, поскольку это сделало бы невозможным просить и давать обещания, которые так часто хочется иметь возможность просить и давать. Следовательно, он не будет испытывать желание менять практику, и потому как обещающий не сможет не держать обещание.

Сказанное мной нуждается в нескольких уточнениях. Во-первых, я, возможно, говорил о резюмирующей и практической концепциях правил так, будто только одна из них может быть права относительно правил, и если она права относительно каких-либо правил, то она с необходимостью права относительно всех правил. Разумеется, я не имею это в виду. (Эту ошибку делают критики утилитаризма, поскольку их аргументы против утилитаризма предполагают резюмирующую концепцию правил практик.) Некоторые правила соответствуют одной концепции, другие — другой, и поэтому существуют правила практик (правила в узком смысле), максимы и «правила большого пальца».

Во-вторых, есть дальнейшие различия, которые можно сделать в рамках классификации правил, различия, которые следует сделать, чтобы рассматривать другие вопросы. Проведенные мной различия наиболее релевантны для довольно специфической проблемы, которую я обсуждал выше, и не являются исчерпывающими.

Наконец, есть много пограничных случаев, относительно которых сложно, если вообще возможно, решить, какая концепция к ним применима. Пограничные случаи предусматриваются любой концепцией, и они особенно вероятны при использовании таких понятий, как «практика», «институт», «игра», «правило» и т. д. Витгенштейн показал, насколько текучи эти понятия²⁶. Я же выделил и заострил две концепции лишь для ограниченных целей данной статьи.

IV

Различив две концепции правил, я попытался показать, что существует способ рассмотрения правил, который позволяет оценивать конкретные случаи на общеутилитарных основаниях, и в то же время существует другая концепция, которая не признает такое право, за исключением случаев, когда практика сама его санкционирует. Я полагаю, что существующая в философии тенденция изображать правила в соответствии с резюмирующей концепцией сделали многих моральных философов слепыми в отношении значимости различия между обоснованием практики и обоснованием подпадающего под нее конкретного действия. Причина этого состоит в том, что она неправильно представляет логическую силу отсылки к правилам в случае сомнения в конкретном действии, подпадающем под практику, и затушевывает тот факт, что там, где существует практика, именно сама эта практика должна быть объектом применения утилитарного принципа.

Разумеется, то, что два традиционных проверочных случая утилитаризма — наказание и обещание — являются случаями практик, не случайно. Исходя из резюмирующей концепции было бы естественным предположить, что чиновники пенитенциарной системы и тот, кто дал обещание, могут решать, как поступать в конкретных случаях, на утилитарных основаниях. При этом не замечается, что общее право принимать решение в конкретных случаях на утилитарных основаниях несовместимо с понятием практики и что право, которым обладает человек, само

26. Например: Витгенштейн, 1994, §§ 65–71.

определяется практикой (например, судья может иметь право определять наказание в заданных границах). Традиционные возражения против утилитаризма, которые я обсудил выше, предполагают наделение судей и тех, кто дал обещание, полнотой моральной власти принимать решения в конкретных случаях на утилитарных основаниях. Но когда утилитаризм совмещается с понятием практики и отмечается, что наказание и обещание — это практики, тогда становится понятно, что такое наделение логически невозможно.

То, что наказание и обещание являются практиками, не подлежит сомнению. В случае обещания об этом свидетельствует тот факт, что по своей форме слова «Я обещаю» являются перформативным высказыванием, которое предполагает мизансцену практики и определяемые ею приличия. Произнесение слов «Я обещаю» будет обещанием только при условии существования практики. Было бы абсурдно интерпретировать правила, касающиеся обещания, в соответствии с резюмирующей концепцией. Например, было бы абсурдно утверждать, что правило, гласящее, что обещание должно выполняться, могло бы возникнуть в результате обнаружения в прошлых случаях того, что выполнять свое обещание в целом лучше всего, поскольку до тех пор, пока нет уже готового понимания того, что обещание выполняется как часть практики, не может быть никаких случаев обещания.

Конечно же, следует признать, что правила, определяющие обещание, не кодифицированы и что концепция того, что они собой представляют, неизбежно зависит от моральной подготовки. Следовательно, должна существовать значительная вариация в том, каким образом люди понимают практику, а также возможность спора о том, каким образом ее лучше всего осуществлять. Например, среди людей разного происхождения скорее всего будут возникать разногласия относительно того, насколько строго следует оценивать различные оправдания или какие оправдания доступны. Но вне зависимости этих вариаций концепция практики обещания предполагает, что обещающий не может предлагать общеутилитарное оправдание. Это объясняет силу традиционного возражения, которое я обсудил выше. И я хочу подчеркнуть, что когда утилитарная точка зрения совмещается с практической концепцией правил, как должно быть в подходящих случаях, тогда в этой точке зрения нет ничего, что предполагает существование такого оправдания, как в практике обещания, так и в любой другой.

Наказание — тоже достаточно ясный случай. Есть множество действий в последовательности событий, которые конституируют наказание для человека и предполагают практику. Это можно понять, рассмотрев определение наказания, которое я дал, обсуждая критику утилитаризма Карритом. Предложенное там определение отсылает к таким вещам, как нормальные права граждан, правовые нормы, справедливое правосудие, разбирательства и суды, законодательные акты и т. д., ни одна из которых не может существовать вне развитой мизансцены юридической системы. Кроме того, многие действия, за которые люди несут наказание, предполагают практики. Например, наказывают за кражу, за взлом и т. п., что предполагает институт собственности. Нельзя сказать, что такое наказание, или описать его конкретный пример, не

ссылаясь на обязанности, действия и проступки, специфицируемые практиками. Наказание — это ход в развитой юридической игре, которая предполагает комплекс практик, поддерживающих правовой порядок. То же самое верно для менее формальных видов наказания: родитель, опекун или кто-то еще, обладающий достаточными полномочиями, может наказать ребенка, но только он и никто другой.

Следует предупредить против одной ошибочной интерпретации того, что я сказал. Можно подумать, что мой способ использования проводимого мной различения между обоснованием практики и обоснованием подпадающего под нее конкретного действия требует занятия определенной общественно-политической позиции, представляющей собой разновидность консерватизма. Можно было бы решить, что я утверждаю, будто социальные практики того общества, к которому принадлежит любой человек, обеспечивают его стандартами обоснования своих действий, и что, следовательно, пусть каждый человек придерживается их и тогда его поведение будет обоснованным.

Эта интерпретация целиком ошибочна. Тезис, который я развивал, носит скорее логический характер. Безусловно, он имеет последствия для этической теории, но сам по себе он не толкает ни к какой конкретной общественной или политической позиции. Все дело в том, что там, где форма действия специфицируется практикой, невозможно никакое иное обоснование конкретного действия конкретного человека, кроме как через отсылку к практике. В таких случаях действие таково, каково оно есть, в силу практики, и объяснять его — значит отсылать к практике. Отсюда не следует никакого вывода относительно того, следует или нет принимать практики своего общества. Можно быть настолько радикальным, насколько хочется, но в случае действий, специфицируемых практиками, объектами радикализма должны быть социальные практики и их принятие людьми.

Я попытался показать, что когда мы совмещаем утилитарную точку зрения с практической концепцией правил, там, где эта концепция уместна²⁷, мы можем сформулировать ее таким образом, который защищает ее от ряда традиционных возражений. Я попытался далее показать, что логическая сила различения между обоснованием практики и обоснованием подпадающего под нее действия связана с практической концепцией правил и будет оставаться непонятой до тех пор, пока правила практик рассматриваются в соответствии с резюмирующей точкой зрения. Почему занимающийся философией может испытывать желание рассматривать их подобным образом, я не обсуждал. Причины этого, очевидно, очень глубоки и потребовали бы другой статьи.

27. Как я уже говорил, не всегда легко сказать, где данная концепция уместна. Я не хочу обсуждать здесь общие случаи, к которым она применима. Я лишь отмечу, что не следует считать само собой разумеющимся, что она применима ко многим так называемым «моральным правилам». Мне кажется, что относительно немногие действия в моральной жизни определяются практиками и что практическая концепция более релевантна для понимания юридических и схожих с ними аргументов, нежели более сложных видов моральных аргументов. Утилитаризм должен подходить для различных концепций правил в зависимости от случая, и неспособность добиться этого была, несомненно, одной из причин сложностей с его правильной интерпретацией.

Литература

- Витгенштейн Л.* (1994). *Философские исследования* / Пер. с нем. М. С. Козловой // *Витгенштейн Л. Философские работы*. Ч. 1. М.: Гнозис. С. 75–319.
- Милль Дж. С.* (2007). Об определении предмета политической экономии; и о методе исследования, свойственном ей / Пер. с англ. П. Н. Ключкина // *Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии*. М.: Эксмо. С. 987–1023.
- Мур Дж.* (1984). *Принципы этики* / Пер. с англ. Л. В. Коноваловой под ред. И. С. Нарского. М.: Прогресс.
- Юм Д.* (1996). *Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам* / Пер. с англ. С. И. Церетели // *Юм Д. Сочинения: в 2-х т. Т. 1*. М.: Мысль. С. 53–655.
- Aiken H. D.* (1952). The levels of moral discourse // *Ethics*. Vol. 62. № 4. P. 235–248.
- Austin J.* (1873 [1832]). *Lectures on jurisprudence*. L.: John Murray.
- Bentham J.* (1830). *The rationale of punishment*. L.: Heward.
- Bentham J.* (1945). *The limits of jurisprudence defined* / Ed. C. W. Everett. N. Y.: Columbia University Press.
- Carritt E. F.* (1947). *Ethical and political thinking*. Oxford: Clarendon Press.
- Mabbott J. D.* (1939). Punishment // *Mind (New Series)*. Vol. 48. № 190. P. 152–167.
- Melden A. I.* (1951). Two comments on utilitarianism // *Philosophical Review*. Vol. 60. № 4. P. 508–524.
- Mill J. S.* (1864). *Utilitarianism*. L.: Longman.
- Mill J. S.* (1872). *A system of logic*. L.: Longmans, Green, Reader, and Dyer.
- Nowell-Smith P. H.* (1954). *Ethics*. L.: Penguin.
- Pickard-Cambridge W. A.* (1932). Two problems about duty (II) // *Mind (New Series)*. Vol. 41. № 162. P. 145–172.
- Quinton A. M.* (1954). On punishment // *Analysis*. Vol. 14. № 6. P. 133–142.
- Radzinowicz L.* (1948). *A history of English criminal law and its administration from 1750: the movement for reform, 1750–1833*. L.: Macmillan.
- Rawls J.* (1951a). Outline of a decision procedure for ethics // *Philosophical Review*. Vol. 60. № 2. P. 177–197.
- Rawls J.* (1951b). «An examination of the place of reason in ethics» by Stephen Edelston Toulmin // *Philosophical Review*. Vol. 60. № 4. P. 572–580.
- Robbins L.* (1952). *The theory of economic policy in English classical political economy*. L.: Macmillan.
- Ross D.* (1930). *The right and the good*. Oxford: Clarendon Press.
- Ross D.* (1939). *Foundations of ethics*. Oxford: Clarendon Press.
- Sidgwick H.* (1901). *The methods of ethics*. L.: Macmillan.
- Toulmin S. E.* (1950). *An examination of the place of reason in ethics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Urmson J. O.* (1953). The interpretation of the moral philosophy of J. S. Mill // *Philosophical Quarterly*. Vol. 3. № 10. P. 33–39.

К исторической ситуации полиции в России

В 2013 году в Центре фундаментальной социологии НИУ ВШЭ стартовал большой проект «Полицейский порядок и ситуативная солидарность». Его основная задача — обогащение теоретического аппарата социальной науки, долгое время уделявшей сравнительно малое внимание проблематике полиции. До сих пор термин «полиция» используется в значении «орган государственного принуждения, охраны порядка и предотвращения преступлений». Между тем изначально полицией именовался общественный порядок как таковой, и борьба с криминалом была лишь частью той общей управленческой задачи, на решение которой претендовали государства Нового времени. Управление социальной жизнью, целенаправленное воздействие на нее, реализация властных представлений о хорошем порядке — все это входило в понятие полиции и не могло, конечно, сохраниться во времена революций и построения гражданских обществ. По мере того как в экономике пробивал себе дорогу принцип свободы предпринимательства, а в политике — репрезентативного парламентского правления, задачи полиции сужались и ее понимание приближалось к современному. На это же время приходится и возникновение социологии как самостоятельной дисциплины. Можно сказать, что *социология как наука* в некотором роде заняла место *полиции как науки*, хотя, конечно, само «место» также претерпело существенные изменения. Социология нацелена на понимание и объяснение того, что полиция стремилась описать и целесообразно оформить. Так или иначе, полиция становится *предметом социологии*, причем далеко не главным, одним из тех, что изучаются наряду со многими другими. Однако роль полиции не остается неизменной. Она может уменьшаться, но может и увеличиваться, становиться центральной для государства, разрастаться до тех масштабов и проникать в те области, которые, как казалось, навсегда избавлены от полицейского попечения. Это понуждает любого ответственного исследователя подходить к полиции не с точки зрения ее моментального состояния, но в исторической и страноведческой перспективе.

Намечая контуры нашего исследования, мы не могли не учитывать, что Россия — в позапрошлом веке и начале прошлого, а позже Советский Союз часто рассматривались в западной исторической науке и публицистике как полицейские государства. Это сам по себе непростой вопрос, а в свете той эволюции понятия полиции, о которой сказано выше, он оказывается еще и двусмысленным. Так, учреждение полиции в России в XVIII в. Петром I и Екатериной II означало, с одной стороны, создание соответствующих органов принуждения, но с другой — происходило в пору расцвета так называемой полицейской науки с учетом достижений тогдашней западной мысли. В XIX и начале XX века Россия приобрела устойчивую репутацию полицейского государства (с негативным оттенком), но одновременно — это эпоха расцвета русской полицеистики, в которой полиция трактовалась в смысле всеобщего администрирования. Разобраться в этом очень не просто, и мы начали нашу работу не только с анализа источников, но и с разговоров с экспертами. Первый такой разговор с круп-

нейшим современным историком русской полиции Зинаидой Ивановной Перегудовой провел участник нашего проекта Олег Васильевич Кильдюшов.

Материалы по истории полиции будут публиковаться и впредь.

А. Ф. Филиппов

Диалог Олега Кильдюшова и Зинаиды Перегудовой

Олег Кильдюшов*
Зинаида Перегудова**
Ольга Кононова***

Аннотация. В интервью речь идет об истории и нынешнем состоянии исследований полиции в рамках особой дисциплины — «полициеведения». На примере изучения органов политического сыска реконструируется история полицейских исследований в СССР и РФ. Обращается внимание на проблемы нынешней историографии проблемы. Обсуждаются структурные, идейные и личностные аспекты деятельности органов правопорядка и государственной безопасности Российской империи. Отдельное внимание уделяется проектам реформ русской полиции начала XX века. Проводятся параллели с нынешними попытками реформирования правоохранительных органов РФ.

Ключевые слова: Департамент полиции, С. В. Зубатов, комиссия сенатора Макарова, Отдельный корпус жандармов, «охранка», полицейский социализм, реформа МВД.

«Социологическое обозрение»¹. Прежде чем поговорить об истории полицейских органов Российской империи, хотелось бы услышать Вашу оценку состояния

* **Кильдюшов Олег Васильевич** — независимый исследователь, переводчик и редактор русского издания работ Т. Адорно, М. Вебера, В. Дильтея, Н. Лумана, Ю. Хабермаса, О. Хеффе, К. Шмитта, О. Шпенглера и др. Область научных интересов: теория действия, политическая антропология модерна, русская и советская этнополитика, а также философия спорта. E-mail: kildyushov@mail.ru

** **Перегудова Зинаида Ивановна** — доктор исторических наук, ведущий специалист отдела хранения документов по истории Российской империи Государственного архива РФ. Заслуженный работник культуры РФ. Область научных интересов: история органов правопорядка и государственной безопасности Российской империи, проекты реформ полиции начала XX в., исследование биографий руководителей сыска. Основные труды: Несостоявшаяся реформа полиции. По материалам Комиссии сенатора Макарова. М.: ГИЦ МВД СССР, 1992; Политический сыск России (1880–1917). М.: РОССПЭН, 2000; (Ред.): Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. 2 тт. М.: НЛО, 2004.

*** **Кононова Ольга Алексеевна** — юрист, политолог (факультет политологии МГУ, кафедра истории социально-политических учений). Исследователь истории политической мысли в России конца XIX — начала XX в., особенно теоретических дебатов по «рабочему вопросу». E-mail: olgakononova@yandex.ru

Публикация осуществлена в рамках проекта «Полицейский порядок и ситуативная солидарность: динамика взаимодействия и трансформаций» (Программа фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году).

© Кильдюшов О. В., 2013

© Перегудова З. П., 2013

© Кононова О. А., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Журнал «Социологическое обозрение» представлял Олег Кильдюшов.

полицейских исследований в современной России — как в историческом, так и социально-теоретическом плане. Насколько этот предмет — полиция, другие органы правопорядка — представляет интерес для современных российских исследователей? Какие содержательные изменения произошли здесь по сравнению с советской ситуацией, когда полиция изучалась в основном как контрагент революционных организаций? Можно ли сказать, что в нынешней историографической ситуации полиция стала самостоятельным предметом исследований?

Зинаида Перегудова. Один из исследователей, Ю. Ф. Овченко, занимающийся изучением Московской охранки, т.е. Отделения по охране общественной безопасности и порядка в городе Москве², считает, что в настоящее время уже существует такое исследовательское направление, как «полициеведение»³.

Говоря об исследованиях истории полиции, расскажу о собственном опыте. Я давно начала заниматься этой темой — когда пришла работать в архив (ныне — Государственный архив РФ). Дело в том, что именно у нас хранятся материалы охранных отделений, губернских жандармских управлений (ГЖУ), и самое главное — Департамента полиции. Поэтому именно к нам обращались из МВД СССР и тогдашнего КГБ с вопросами: а что такое охранные отделения, губернские жандармские управления и какая между ними разница? То есть в связи с закрытостью темы, отсутствием работ даже работники органов правопорядка не могли разобраться в сложностях истории создания и деятельности полицейских учреждений Российской империи. Так, у меня даже был многолетний спор с некоторыми исследователями, которые считали, что III отделение и Департамент полиции существовали одновременно! А один из коллег, Федор Волков, в своей книге «Взлет и падение Сталина»⁴ написал, что Перегудова отрицает существование в Енисейской губернии охранных отделений, хотя он своими глазами видел бланк Енисейского губернского жандармского управления. То есть даже крупный ученый, профессор, не видел разницы между охранным отделением и жандармским управлением, считая их одним учреждением. Это к вопросу об уровне историографии. Возможно, это было связано с тем, что все органы политического сыска тогда называли одним словом — «охранка». Поэтому у многих людей сложилось впечатление, что ГЖУ — это охранка, розыскной пункт — это охранка, охранные отделения — это охранка, Департамент полиции — это охранка, и III отделение — это тоже охранка!

2. Овченко Ю. Ф. (2010). Московская охранка на рубеже веков, 1880–1904 гг. М.: ИНСОФТ.

3. Здесь можно увидеть прямую параллель с «полицейской наукой», перспективы которой обсуждают западные коллеги. Например, в Германии идут дебаты о возможности конституирования особой «Polizeiwissenschaft» — т.е. направления исследований с тем же названием, что в XVIII–XIX вв. использовалось в рамках дискурса полицейского государства как учение о благом управлении (gute Policy). Ср.: Lange H.-J. (2003). Polizeiforschung, Polizeiwissenschaft oder Forschung zur Inneren Sicherheit? Über die Etablierung eines schwierigen Gegenstandes als Wissenschaftsdisziplin // Die Polizei der Gesellschaft: zur Soziologie der Inneren Sicherheit / Hrsg. H.-J. Lange. Opladen: Leske + Budrich. S. 427–453; Feltes Th. (2007). Polizeiwissenschaft in Deutschland. Überlegungen zum Profil einer (neuen) Wissenschaftsdisziplin // Polizei & Wissenschaft. Heft 4. S. 2–21.

4. Волков Ф. Д. (1992). Взлет и падение Сталина. М.: Спектр¹.

Когда я защищала кандидатскую диссертацию, научным руководителем которой был Н. П. Ерошкин, мы просто боялись, насколько «проходима» будет эта тема⁵. Даже в 80-е годы! Но в то же время, и об этом следует сказать, все эти запретные темы обсуждались, по ним проходили защиты диссертаций, но на закрытых диссертационных советах — в Академии МВД, а также в КГБ. А вот для гражданских исследователей изучение полиции в целом было табу. Но после того как защитились Л. И. Тютюнник⁶ и я, а потом — А. А. Миролюбов⁷, эта тема оказалась «пробитой» настолько, что уже никто никого не останавливал.

Помню свою защиту в Историко-архивном институте — я тогда даже немного испугалась, когда увидела, что полон зал слушателей, хотя обычно на защиту приходило человек 20, максимум — 30: друзья, коллеги. А здесь не было свободного места. И когда защита кончилась, то все встали разом, как солдаты. И все они, громко хлопнув, как в кинотеатре, откидными стульями, дружно вышли. Ну и тогда мы поняли, из какой «фирмы» были эти люди...

Благодаря Н. П. Ерошкину, разработавшему тематику полицейских исследований для кандидатских диссертаций, и, конечно, нашей инициативе эта проблематика стала считаться «нормальной» — так как стало очевидно, что без ее разработки невозможно говорить ни о революционном движении, ни о студенческом движении, ни о либеральном, ни о рабочем, да и о монархическом, если не затрагивать тех источников по истории полиции, что хранятся у нас в архиве. То есть помимо источников самих общественных и политических организаций XIX–XX веков нужно изучать и архивные материалы Департамента полиции.

В настоящее время выходит много интересных работ по истории полиции и отдельных ее представителей. Сейчас повсюду активно проводятся исследования и защищаются диссертации по полиции, охранным отделениям и ГЖУ. Например, в Поволжье, в Тамбове, Орле и многих других. То есть сейчас полицейскую тематику изучают почти в каждом регионе.

Но и сегодня случаются удивительные казусы. Например, известного полицейского администратора, начальника московской охраны С.В. Зубатова в литературе постоянно «производят» в полковники. Такое впечатление, что наши историки вообще ничего не читают из того, что мы пишем и публикуем. Ну не был он полковником и вообще не имел никакого военного чина, оставаясь гражданским чиновником! И этот ляп повторяется повсюду — даже в книге, изданной бывшим 9-м управлением КГБ (ныне ФСО)⁸. В целом это серьезная книга, насыщенная богатым фактическим

5. *Перегудова З. И.* (1988). Департамент полиции в борьбе с революционным движением (годы реакции и нового революц. подъема). Дисс. ... к. и. н. Москва.

6. *Тютюнник Л. И.* (1986). Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX–XX вв. (1880–1904 гг.). Дисс. ... к. и. н. Москва.

7. *Миролюбов А. А.* (1988). Политический сыск России в 1914–1917 гг. Дисс. ... к. и. н. Москва.

8. История государственной охраны России. Собственная Его Императорского Величества охрана 1881–1917. М.: МедиаПресс, 2006.

материалом, но, к сожалению, не лишена подобных ошибок. И вот, листая ее, встречаю: «полковник Зубатов»...

Следует сказать, что с 2001 года существует специальное общество, изучающее полицейские учреждения, в том числе историю политического розыска дореволюционной России и советского периода, — Общество изучения истории отечественных спецслужб (ОИИОС). Его возглавляет А. А. Зданович. Общество издает «Труды ОИИОС». В Санкт-Петербурге в филиале Государственного музея политической истории России «Гороховая, 2»⁹ ежегодно проводятся конференции, посвященные различным сюжетам, связанным с историей органов правопорядка дореволюционной и советской России. Они тоже издают много материалов по этой теме.

С. О. Следующий вопрос — о концептуальном измерении проблемы, прежде всего — о степени рефлексивности полицейского дела в России: являлись ли институциональные реформы полиции результатом систематической рефлексии и публичной тематизации — например, в рамках общественных и внутриведомственных дебатов о функциях полиции, о приемлемости и эффективности тех или иных полицейских мер и т. д.? Или же они были, скорее, политическим или аппаратно-бюрократическим компромиссом? Чем в основном мотивировались решения по созданию и ликвидации того или иного полицейского органа — например, существовавшего непродолжительное время Министерства полиции (1810–1819), III отделения (1826–1880) или того же Департамента полиции (1880–1917)? Одним словом, насколько рефлексивным было полицейское институциональное строительство, или это, скорее, были конкретные решения *ad hoc*, за которыми не стояла никакая теория общественного порядка и государственной безопасности типа упомянутой «*Policeywissenschaft*», являвшейся тогда просто наукой о государственном управлении?

З. П. Основным фактором здесь как всегда были люди, приходившие к власти и назначавшиеся главами полицейских органов. Например, когда в начале XX века готовилась реформа полиции, то московский генерал-губернатор, а впоследствии товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский, участвовавший в разработке проекта реформы, писал в своих воспоминаниях: «Россия ждала реформу полиции, не более и не менее как 50 лет... Когда в 1861 г. последовало освобождение крестьян от крепостной зависимости, то, казалось бы, следовало бы подготовить и реформу полиции, а между тем она оставалась с екатерининских времен только с некоторыми изменениями»¹⁰.

То есть осознание необходимости реформ часто присутствовало, но никак не могли к ним приступить. Так, создавался целый ряд комиссий, но эти комиссии опять-таки по каким-то причинам ликвидировались.

Что касается создания Департамента полиции, то когда в 1880 году главой Верховной распорядительной комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия назначили графа М. Т. Лорис-Меликова, III отделение,

9. <http://www.polithistory.ru/filial-gorohovaya-2-iz-istorii-politicheskoy-policii-i-organov-gosudarstvennoy-bezopasnosti-rossii>

10. Джунковский В. Ф. (1997). Воспоминания. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых. С. 135.

несмотря на то, что оно было подчинено императору, воспринималось как неоперативное, неактивное, забюрократизированное ведомство, плохо связанное с местными учреждениями полиции. Сам Лорис-Меликов был человеком либеральных взглядов, который видел все недостатки существующей системы. Кроме того, безусловно, большую роль играла общественно-политическая обстановка и рост революционного движения. И сама эта обстановка подталкивала постановку вопроса о необходимости что-то менять, что-то решать и делать.

Ольга Кононова. В этой связи особый интерес представляют попытки сочетать в деятельности полиции функции сыска и социального попечения, т. е. заботы о благополучии подданных, причем социальных низов. Так, в проекте «Инструкции членам, состоящим в распоряжении директора Департамента полиции, по заведованию охраняемыми пунктами», разработанном уже упоминавшимся С.В. Зубатовым в рамках полицейской реформы министра внутренних дел В. К. Плеве в 1902 году, был пункт, согласно которому полиция, наблюдая за социальными низами, должна была содействовать «изысканию законных средств к устранению в их среде каких-то недоразумений, могущих вызвать нарушение общественной безопасности и порядка»¹¹. Но еще раньше, в апреле 1898 года, Зубатов пишет известную докладную записку московскому обер-полицеймейстеру Д. Ф. Трепову, который представил ее в виде доклада московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу. В ней были прописаны основные принципы решения рабочего вопроса: одних репрессивных мер мало, необходимы меры по реальному улучшению положения рабочих. Как известно, подобную идею «попечительства» полиции над социальными низами многие исследователи приписывают исключительно Зубатову. Однако существует как минимум еще один документ подобного содержания, вышедший из-под пера высокопоставленного правоохранителя: в июле 1898 года командир Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенант А. И. Пантелеев также пишет записку о том, что одной фабричной инспекции недостаточно для решения рабочего вопроса, и предлагает учредить особую фабричную полицию. Насколько подобные представления о попечительских функциях полиции были распространены в охранительной мысли? Это что, был своеобразный полицейский «мейнстрим» на фоне остро стоявшего тогда рабочего вопроса?

З. П. Скорее это было характерно для наиболее выдающихся личностей, т. е. отдельных персон. Массово этого явления я не вижу по источникам. Хотя полицию было принято ругать, но наиболее талантливые и способные сотрудники понимали необходимость изменения ситуации. Причем эти полицейские чины смотрели гораздо дальше, чем предприниматели! Но, естественно, эта их забота об интересах рабочих была политически мотивирована, т. е. была направлена на поддержание общественного спокойствия. Несколько лет назад я выпустила книгу воспоминаний руководителей полицейских органов — там собраны мемуары как раз наиболее способных представителей полицейского сообщества¹².

11. Цит. по: Овченко Ю. Ф. (1993). Полицейская реформа В. К. Плеве // Вопросы истории. № 8. С. 155.

12. Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. 2 тт. М.: НЛО, 2004.

С. О. Возвращаясь к фигуре начальника Московского охранного отделения Зубатова, давшего свое имя легальному рабочему движению под контролем властей («зубатовщина»), нельзя не удивиться его попытке выдать собственное стремление к «полицейскому социализму» за политику правящего режима в целом. Ведь говоря от имени государства, он скорее проявлял свою личную инициативу...

З. П. Да, конечно, личную, но когда Зубатов руководил охранкой в Москве, он пользовался поддержкой дяди императора и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, а позже — главы МВД Плеве, и поэтому считал, что может это говорить.

С. О. А теперь хотелось бы поговорить о системе правоохранительных органов империи как таковой. Вы пишете, что система полиции в России была не просто сложной, а порой даже запутанной, что сами ее сотрудники не всегда более или менее ясно понимали свои задачи. В подтверждение этого Вы приводите поразительное признание бывшего директора Департамента полиции А. А. Лопухина: «...не только обывателю, но даже должностным лицам, даже центральному, ведающему дело полиции органу МВД нет иногда возможности определить, для какой местности какие полицейские органы в ней действуют»¹³.

Еще один регулярно встречающийся мотив полицейской рефлексии, о котором Вы пишете, — необходимость ликвидировать институциональный хаос различных видов полиции, часто находившихся в различном подчинении. Здесь достаточно вспомнить Отдельный корпус жандармов: его учреждения на местах были подведомственны Корпусу по строевой и хозяйственной линии, а по оперативно-розыскной подчинялись Департаменту полиции. Одновременно корпус как отдельное воинское формирование входил в систему Военного министерства¹⁴. Как такая запутанная конструкция правоохранительных органов вообще могла функционировать?

З. П. Тем не менее она функционировала и, между прочим, не так уж плохо. Некоторые исследователи даже утверждают, что если бы в 1917 году власти призвали жандармские дивизионы, охранные отделения и ГЖУ, то в Петрограде не случилось бы того, что случилось. А там для усмирения революции были призваны воинские части, которые перешли на сторону восставших. А дивизионы — и Петроградский, и Московский — были отстранены от выполнения этих задач, хотя они лучше подходили для этого. Но не потому что их сотрудники были более бесчеловечными, а просто потому что они были более подготовлены для выполнения этих задач и как военные люди оставались верны своей присяге.

С. О. Следующий вопрос связан с дискуссиями внутри самого полицейского ведомства. Вы пишете, что на страницах ведомственной прессы Министерства внутренних дел велись жаркие дебаты на тему «Что такое полиция?». Так, дискуссия о наиболее точном определении видов полиции развернулась на страницах журнала

13. Лопухин А. А. (1907). Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции. М.: В. М. Саблин. С. 9–10.

14. Перегудова З. И. (2013). Политический сыск России (1880–1917). М.: РОССПЭН. С. 124.

«Вестник полиции»¹⁵. О чем это свидетельствует: правоохранители Российской империи с трудом представляли, что они призваны охранять, или скорее это были попытки выхода из дорефлективного состояния полицейского дела? Насколько подобные дебаты типичны для русского полицейского дискурса? Каковы их результаты и влияние на практику реформирования?

З. П. Я думаю, что эти дебаты никак не повлияли на ход реформ. Но в любом случае тогда никто не додумался до простого переименования правоохранительных органов...

С. О. *Что же тогда являлось источником идей для реформирования системы МВД? Можно ли говорить о какой-либо зависимости русской полицейской практики и проектов по ее реформированию от западного дискурса полицейского государства? Насколько западные варианты организации полицейского дела воспринимались в качестве образца? Так, и о Зубатове бывший сотрудник охраны Заварзин в своей изданной после революции в Париже книге прямо писал, что тот «первый поставил розыск в империи по образцу западноевропейскому»¹⁶. На какие образцы ориентировалось руководство МВД Российской империи при подготовке проектов реформ ведомства?*

З. П. Все, что касается розыска — дактилоскопия и т.п., — это целиком и полностью было заимствовано у Запада. В конце 1906 года была задумана реформа полиции, поскольку революционные события показали, что режим стоит на краю гибели. Ведь еще немного напора, и уже тогда могла бы установиться демократическая республика. При создании комиссии сенатора Макарова по реформе полиции директор Департамента полиции М.И. Трусевич был послан за рубеж для сбора материалов и изучения работы германской, французской и английской полиции. Он привез из поездки много документов, которые потом изучались и использовались при подготовке различных проектов. Быть может, и из-за этого все так долго готовилось и в результате ни к чему не пришли — реформаторы столкнулись с необъяснимыми для них вещами: во Франции была одна организация полиции, в Англии — иная. Например, встречали где-то институт полицейской стражи и начинали думать, как ввести ее в России. То есть речь шла не только о названии для нового учреждения, которое хотели ввести, но и об отличающихся функциях этих учреждений. И конечно, роль сыграло то, что люди, которые начинали реформу, потом ушли, и этот интерес пропал. То есть опять человеческий фактор, о котором мы уже говорили. А у пришедших на их место эта работа не вызывала никакого энтузиазма. Потом погиб Столыпин, который все же поддерживал замысел и хотел провести эту реформу. Конечно, они пытались что-то заимствовать у полиции европейских стран. Очень тесные связи у Департамента полиции были с западными коллегами по уголовной части, и особенно с английской полицией. Например, то, что касается служебного собаководства, питомников собак, — все это не отечественное изобретение.

С.О. *А как можно объяснить, что функционал основного структурного подразделения МВД — т.е. Департамента полиции — странным на первый взгляд образом*

15. Вестник полиции. 1907. № 1. С. 14.

16. Заварзин П. П. (1924). Работа тайной полиции. Париж. С. 63.

являлся комбинацией функций общей полиции и полиции политической. Почему на протяжении всей истории поздней империи не были институционально разделены государственная полиция и полиция охраны правопорядка, включая криминальную?

З. П. Тем не менее с общей полицией тайная полиция взаимодействовала в основном на уровне незначительной помощи со стороны общей полиции при наблюдении и при арестах и обысках. Это было обязательным. А что касается уголовной полиции, то более тесные контакты с нею начались после начала революции 1905 года. А когда начались поджоги имений, было разрешено создавать полицию на частные средства. И здесь была взаимозависимость, хотя куратором являлась политическая полиция. И уже через несколько лет, в 1908 году, в Департаменте полиции создается специальный отдел не только для наблюдения, но и для создания сыскных отделений, поскольку их было очень мало на всю Россию. Таким образом, тайная полиция оказывала поддержку криминальной полиции, т. е. уголовному розыску.

У нас, в Государственном архиве РФ, сохранились материалы комиссии сенатора Макарова. Там встречаются документы, фиксирующие сложную организацию полиции. Не было единой системы, поскольку она складывалась постепенно и не по одному общему образцу: входившие в нее организации возникли в разное время, под влиянием потребностей момента, чем «в общем-то, и объяснялась ее многосложность»¹⁷, бюрократизм и иерархичность. Поэтому одной из целей работы комиссии было объединение всех этих видов в одну общую полицию. Вот что об этом писал Лопухин: «Полиция в России делится на общую и жандармскую, наружную и политическую, конную и пешую, городскую и уездную», далее перечисляя множество ее видов: сыскная, фабричная, железнодорожная, портовая, речная, горная, волостная, сельская, мызная, полевая и т.п.¹⁸ Это была просто ужасная неразбериха!

С. О. *Также интересно обсудить проблему подготовки полицейских кадров: как было поставлено образование полицейских различных уровней, на что ориентировалось руководство ведомства в качестве образца. Насколько была разработана учебная литература по полицейскому делу? Какова здесь роль учебных пособий типа известных учебников полицейского права Андреевского¹⁹ и Дерюжинского²⁰?*

З. П. Я не изучала специально подготовку кадров для криминальной полиции, но что касается Москвы и Санкт-Петербурга, то там были очень сильные руководители уголовного сыска — И. Д. Путилин, А. Ф. Кошко, В. Г. Филиппов и др. В журнале «Каторга и ссылка», выходявшем в первые советские годы, можно прочитать о том, как осуществлялась подготовка филеров и пр. Но больше всего внимания обращалось, естественно, на подготовку сотрудников учреждений ГЖУ и охранных отделений. Для этого были созданы специальные курсы при штабе корпуса жандармов. Там из-

17. Краткая объяснительная записка и заключение Межведомственной комиссии под председательством сенатора А. А. Макарова по преобразованию полиции в империи. СПб., 1911. С. 17.

18. Лопухин А. А. Из итогов служебного опыта. С. 10.

19. Андреевский И. Е. (1883). Лекции по истории полицейского права и земских учреждений в России. СПб.: Тип. В. Грацианского.

20. Дерюжинский В. Ф. (1911). Полицейское право. СПб.: Сенатская типография.

учали и полицейское право, и международное право, и историю. Потом встал вопрос об изучении истории революционного движения. Поскольку сложилась такая ситуация — революционеры изучали и знали российскую полицию, а полицейские не знали о революционном движении. Я пишу в книге «Политический сыск в России» о том, как создавались учебные пособия — таблицы различных партий, их структур, целей. Позже известный деятель охраны А. И. Спиридович выпустил очерки о деятельности двух крупнейших революционных партий — об эсерах²¹ и социал-демократах²². А что касается подготовки сотрудников полиции более низкого ранга, то я в свое время опубликовала специально разработанный для них «Вопросник по истории революционного движения»²³. В нем содержались вопросы и ответы: «Кто такие декабристы?», «Кто такие социалисты?», «Кто такой Ленин?» и т. д.

С. О. *Вы пишете о поразительных вещах: деятельность русской полиции регулировалась множеством узаконений и положений, принятых в различные эпохи, не согласованных между собой и давно устаревших. Так, некоторые положения «Устава о предупреждении и пресечении преступлений», которым руководствовалась полиция в начале XX века, относились к XVIII и даже XVII веку! Как можно объяснить такую организационную архаику в ведомстве, призванном стоять на страже режима?*

З. П. Все это я взяла как раз из материалов комиссии сенатора Макарова — когда ее члены начали разбирать законодательную базу, то увидели, что очень многие акты устарели. Именно по этому поводу возмущался Джунковский, когда писал, что полиция оставалась неререформированной с екатерининских времен. У нас в архиве есть сборники Департамента полиции с различными положениями, выписками из указов. И там видно, что частично они противоречат друг другу. Их в свое время не отменили, а издали новые. Правда, некоторые чиновники вообще ничего не исполняли. Как, например, начальник Киевского охранного отделения Н. Н. Кулябко, который вообще не читал никаких распоряжений. Все, что ему присылали сверху, он просто складывал в стопку. Ну а тех, кто серьезно относился к документам, такие вещи, естественно, ставили в тупик. Также в рамках деятельности комиссии Макарова был составлен целый свод обязанностей, который нужно было снять с полиции. Например, полицейские разносили повестки в суд и вообще выполняли то, что мог сделать дворник или почтальон. Накопился целый список обязанностей, который давно было пора снять с полицейских учреждений. В основном это касалось общей полиции.

Как я уже говорила, предпринимались попытки объединить все виды полиции в одну, но этого сделать не смогли, поскольку сопротивлялись и губернаторы, и начальники ГЖУ, и начальники охранных отделений. Ведь кто-то должен был пойти в подчинение, а каждый хотел сохранить свою самостоятельность. Время шло, обсуж-

21. Спиридович А. И. (1916). Революционное движение в России. Вып. 2: Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Петроград: Типография Охранного отделения.

22. Спиридович А. И. (1914). Революционное движение в России. Вып. 1: Российская социал-демократическая рабочая партия. СПб.: Типография штаба отдельного корпуса жандармов.

23. Вопросник по истории революционного движения // Неизвестная Россия: XX век. 1992. № 2. С. 353–374. Публикация подготовлена З. И. Перегудовой.

дались различные положения и проекты реформы. В конце концов, в 1915 году забастовали сами полицейские...

С. О. *Вы затронули забастовку полицейских. Наш следующий вопрос связан с самосознанием служителей полиции в контексте негативного их восприятия со стороны «прогрессивной» части общества: на материале русской литературы XIX века легко реконструируется не слишком привлекательный образ тогдашних правоохранителей. Ведь даже в противостоянии полиции с террористами, часто убивавшими ни в чем не повинных людей, «общество» было скорее на стороне бомбистов. Современный писатель Борис Акунин создал *post hoc* образ благородного охранителя Эраста Фандорина, прекрасно осознающего всю обреченность архаичного режима Романовых: «Вечная беда России. Все в ней перепутано. Добро защищают дураки и мерзавцы, злу служат мученики и герои»²⁴. А как реальные фандорины воспринимали свое служение непопулярной власти? Как они переживали такое мощное психологическое давление со стороны общества?*

З. П. В Петербурге вышла книга «Жандармы России». В ней собраны статьи многих авторов, а также опубликованы воспоминания жандармского офицера А. Полякова²⁵. Сразу скажу, что они мне не понравились, так как для офицера штаба корпуса жандармов слишком непатриотичны. Я часто сталкивалась с материалами корпуса жандармов — у нас очень большой фонд с личными делами и различными записками руководителей этих учреждений. По ним видно, с какой болью они писали эти докладные записки. Так что некоторые относились ко всему этому очень серьезно, понимая всю необходимость этих учреждений. С другой стороны, они видели, что методы их работы, направления деятельности — не всегда были оправданны. А некоторых сотрудников, которых, возможно, было даже большинство, служба в корпусе жандармов привлекала только высоким жалованьем. Как сейчас в ФСБ получают больше, чем в МВД, так и тогда в корпусе жандармов получали больше, чем в обычной полиции. А. И. Спиридович в «Записках жандарма»²⁶ пишет, что отношение к голубому мундиру в обществе было соответствующее, хотя и не все в корпусе это признавали. Так, его сестры стеснялись его места службы и скрывали, что их брат — жандарм, поскольку это имело не очень приятный привкус. Кстати, возникает впечатление, что вначале его также привлекала только оплата.

Но были и другие, среди которых я очень ценю начальника петербургской охраны Глобачева — его воспоминания мы недавно опубликовали²⁷. Это был человек совсем другого плана — очень интеллигентный, за что его критиковал Спиридович, утверждавший, что Февральская революция 1917 года произошла из-за нерешительности таких интеллигентов во власти, не способных подавить бунт. Возможно, Глоба-

24. Акунин Б. (2007). Статский советник. М.: Захаров. С. 81.

25. Поляков А. М. (2002). Записки жандармского офицера // Жандармы России / Сост. В.С. Измозик. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС. С. 482–543.

26. Спиридович А. И. (1928). Записки жандарма. Харьков: Пролетарий.

27. Глобачев К. И. (2009). Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / Под ред. З. И. Перегудовой. М.: РОССПЭН.

чев действительно был где-то нерешительный и слишком интеллигентный, но очень компетентный — он окончил Академию Генерального штаба. В предисловии я написала: в отличие от Глобачева, начальник Петербургского охранного отделения в 1905–1909 годах А. В. Герасимов был способен подавить революцию 1905 года в столице, но во времена Глобачева при власти находились премьер Б. В. Штюрмер, министр внутренних дел А. Д. Протопопов и директор Департамента полиции А. Т. Васильев, которые были в полной растерянности, не зная, что делать. А во время службы Герасимова правительство возглавлял Столыпин и подобные ему люди...

Таким образом, в полиции встречались разные люди с очень разным отношением к своей службе. Среди них были патриоты и не очень, «жесткие» и «мягкие» — как везде в жизни.

С. О. Также хотелось бы затронуть вопрос о роли первого лица в функционировании полицейского государства. Речь идет о феномене русского царя-жандарма, который не просто замыкает на себя всю конструкцию полицейского порядка, но и непосредственно занимается полицейской работой — вплоть до проведения дознания. Ведь известно, что не только Николай I лично занимался следствием, но и его сын — великий реформатор Александр II. Насколько часто последние Романовы непосредственно вторгались в деятельность правоохранительных органов, или это скорее было исключение из правил?

З. П. Они подключались только в случае особо важных дел, которые действительно требовали высочайшего вмешательства. Мы издаем дневники Николая II, судя по которым, он принимал участие в делах, затрагивавших высшие сферы. Мелкие дела до него не доходили. Но в дневниках упоминаются еврейские погромы, которые его беспокоили, а также история с «Протоколами сионских мудрецов». То есть им рассматривались дела, затрагивавшие серьезные проблемы. Например, дело о заговоре лейтенанта Никитенко, потому что это было вообще очень близко к императорской семье в Царском Селе. Также он серьезно подошел к убийству Столыпина и, по моему мнению, совершил при этом серьезную ошибку. Николай лично курировал следствие, смотрел все материалы и, несмотря на результаты ревизии деятельности Киевского охранного отделения и служб охраны, проведенной сенатором М. И. Трусевичем, и выводов следствия под руководством сенатора Н. З. Шульгина, распорядился закрыть дело в отношении высокопоставленных лиц, обвиняемых в преступном бездействии. Это и породило миф о том, что заказчиком убийства был сам двор. Премьер В. Н. Кокорев прямо говорил царю об ошибочности этого решения, поскольку в случае суда виновник был бы назван и общество было бы удовлетворено, на что царь ответил следующее: наследник почувствовал себя хорошо, и он на радостях наложил именно такую резолюцию...

С. О. Следующий вопрос связан с историей, связанной с законодательством о чрезвычайном положении. Лишь в декабре 1904 года было созвано «Особое совещание по пересмотру установленных для охраны государственного порядка особых законоположений», более известное как Особое совещание под председательством графа А. П. Игнатьева. В рамках работы этого учреждения был подготовлен проект закона об

«исключительном положении». Но парадоксальным образом, когда такое положение наступило, т. е. когда началась революция 1905 года, правительство сочло нецелесообразным его рассматривать! То есть, перефразируя знаменитое высказывание немецкого правоведа Карла Шмитта, в самодержавной России суверен — тот, кто отказывается вводить чрезвычайное положение. Как объяснить этот парадокс в рамках институционально-правовой истории империи последних Романовых?

З. П. Все материалы Совещания Игнатъева перешли Комиссии сенатора Макарова. Она занималась рассмотрением предшествующих наработок. Что касается режима чрезвычайного положения, то здесь нужно вспомнить про «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», которое еще называли «мартовским», — оно было введено после убийства Александра II 1 марта 1881 года. Его В.И. Ленин даже назвал «фактической русской конституцией». Оно было введено временно, но просуществовало до 1917 года. В нем были пункты о введении «режима чрезвычайной охраны» с подробной регламентацией.

С. О. *Наш последний вопрос связан как раз с деятельностью комиссии сенатора А. А. Макарова. Ведь это тот случай, когда высшие чиновники прямо признают ненормальность существующего в государстве полицейского аппарата. Вы приводите слова Макарова (1908), актуальные и сегодня: «Необходимо сознаться, что ввести полицию в норму и привести ее деятельность в соответствие с нормальным течением жизни в государстве представляется делом весьма трудным»²⁸. По сути, глава комиссии по реформированию полиции признавал невозможность подобной нормализации. Не менее резкими и звучащими вполне по-современному были слова одного из генерал-губернаторов, открыто рассуждавшего о противостоянии общества и полиции: «И это неестественное состояние не изменится к лучшему не только частичным увеличением содержания отдельных чинов, но и многократным увеличением этого содержания». А ведь нынешние российские власти делают как раз это — просто значительно увеличили денежное содержание сотрудников милиции, переименовав их при этом в полицейских. Однако их исторический предшественник прямо называет наилучший способ решения проблемы восстановления доверия общества к одиозной машине полицейского государства: «Создайте новые, соответствующие времени полицейские законы, облеките полицию полной властью, но отдайте эту власть не под контроль административный, а суда, создайте законы о неприкосновенности личности под защитой того же суда и будьте уверены, что доверие общества сразу появится»²⁹.*

З. П. Я думаю, что эта программа нормализации отношений общества и полиции не реализована в России до сих пор. Здесь достаточно сравнить отношение к полицейским у нас с отношением к ним на Западе, где они находятся в совершенно ином общественном статусе. И я полагаю, что пока этой нормализации не произойдет, отношение к служителям правопорядка со стороны общества у нас будет только ухудшаться...

28. Цит. по: Перегудова З. И. Политический сыск России. С. 386.

29. Там же. С. 388.

Глоссарий*

Карл Шмитт

Аннотация. Продолжение публикации фрагментов дневниковых записей Карла Шмитта конца 1940-х — начала 1950-х гг., вышедших посмертно в 1991 г. Публикуемые фрагменты содержат рассуждения Шмитта об утопии, легитимности и легальности, философии Т. Мора, Ф. Бэкона, Т. Гоббса и М. Хайдеггера, отклики на события зимы—весны 1948 г. в Чехословакии.

Ключевые слова: Утопия, Томас Мор, Шекспир, Фрэнсис Бэкон, Томас Гоббс, Мартин Хайдеггер, «das Man».

10.2.48

Что такое утопия? Отрицание (*Aufhebung*) бесконечных возможностей человека в конечной реализации; сначала [это] лишь помыслено, затем осуществлено. Ибо осуществляется всякая мысль человека. Греховность утопии состоит в том, что реализация в конечном должна снять страх, который заключен в возможности бесконечного; что конечная реализация должна спасти нас от жала бесконечного, что она должна убить как паразитов досаждающих нам пчел Божьих^{1**}.

Утопия — это рай, находящийся в отдаленном, но достижимом будущем. Способность мыслить дальше уменьшается. Поэтому утопист XIX века должен перейти от утопии к позитивной научности и утверждать, что рай может наступить уже завтра, если только мы быстро и радикально устраним и уничтожим, без остатка искореним последнее препятствие — капиталистов, евреев, иезуитов или Гитлера. К сожалению,

* Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. А. Ф. Филиппова. Источник: Schmitt C. (1991). *Glossarium. Aufzeichnungen der Zeit 1947–1951* / Hrsgg. v. Eberhard Frhr. v. Medem Berlin: Duncker & Humblot. S. 94–97, 107–113. Все сноски, кроме специально отмеченных, сделаны редактором немецкого издания.

В этот раз мы отходим от принятого ранее по умолчанию принципа непрерывности записей внутри одной публикации. Несколько записей в феврале—марте 1948 г. образуют тематическое единство, которое мы решили продемонстрировать с возможной полнотой, опуская при этом некоторые другие сюжеты.

© Коринец Ю. Ю., 2013

© Филиппов А. Ф., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Возможно, Шмитт имеет в виду старую немецкую поговорку: «Willst Du Gottes Wunder sehen, mußt Du zu den Bienen gehen» — «Чтоб увидеть Божье чудо, отправляйся к пчелам». Однако не исключено, что на заднем плане присутствует и намек на «Басню о пчелах» Б. Мандевилля. — *Прим. ред.*

** На полях, очевидно позже, Карл Шмитт приписал: «Гоббс хочет быть непосредственно практичным, никакой платонической утопии или Атлантиды».

кое-что всегда остается в остатке. «*Pauca tamen suberunt priscae vestigia fraudis*»², так что всегда остаются еще отговорки и время для конструирования нового последнего врага. «*Erunt etiam altera bella*»³. Но это другой вопрос. С темой «утопия» сегодня все ясно. Ясен и утопический характер всего этого рационализма, Просвещения, позитивизма.

Чего желает Гоббс: публичного покоя и безопасности; но он еще знает: *plena securitas in hac vita non expectanda*⁴; итак, попытаемся достичь возможного; это скромные, пока еще трезвые утописты. Они еще не верят в глобальный мир во всем мире. И Томас Мор в это еще не верит. Но существенное, *Peccatum*⁵, заключается в организации для устранения страха; *securité*⁶. Единственными людьми, кто знал об этом *Peccatum* и кто постиг грех, были лютеране. Кристиан Давид, созидатель первого дома гернгутерского поселения (ок. 1730 года), говорит: «Так мы боремся с врагами, с высокомерием, сладострастием, безопасностью, ленью, инертностью». Но так думали только мирные земли⁷. Господствующая тенденция была активистско-утопической. Хотя бы немного безопасности. Машина — не средство счастья, но средство утопии. Однако у Мора (в отличие, видимо, от Кампанеллы) еще не появляются машины; «недействительное», нереальное остро ощущалось французами, легальность, то есть государство и машина, суть два транспортных средства этой нереальности и в этом смысле — утопического.

Утопия Томаса Мора еще не является научной утопией; это скорее эвтопия: «More's gay genius»⁸ был не способен к машинной утопии; и что он, историк великой сцены 4 третьего акта в «Ричарде III»⁹, имел в виду имманентное машине тоталитарное планирование, метафизически и судьбически невероятно. Но что означает то, что он нашел название «утопия»? Разве это не относится к *Peccatis*¹⁰ нейтрализующего гуманизма, как *Relectiones* Фр. де Витория¹¹? И Эразм и все эразмианство?

2. «*Pauca tamen suberunt priscae vestigia fraudis*» (очевидная ошибка в книге — «Ranca» вместо «Pauca» — исправлена) — цитата из IV Эклоги Вергилия. См. в русском переводе С. Шервинского: «Все же толика еще сохранится прежних пороков». — *Прим. ред.*

3. См. там же: «Боле того, возникнут и новые войны». — *Прим. ред.*

4. Полной безопасности в этой жизни ожидать нельзя (*лат.*). Шмитт использует эту формулу, приписывая ее Августину, в издании «Понятия политического» 1933 г., но после «Глоссария» больше не повторяет. — *Прим. ред.*

5. Грех (*лат.*). — *Прим. ред.*

6. Безопасность (*фр.*). — *Прим. ред.*

7. Мирные земли (нем.: *Stillen im Lande*) — так называли себя друзья Герхарда Терстеегенса, немецкого поэта и богослова (1697–1769). Они предпочитали вести жизнь уединенную и созерцательную. Само выражение взято из Псалмов Давида в немецкой (лютеровской) Библии, Псалом 35, стих 20. В русском переводе — Псалом 34, стих 20. — *Прим. ред.*

8. Блестящий гений Мора (*англ.*). — *Прим. ред.*

9. Шекспир написал «Ричарда III», основываясь во многом на труде Мора «История Ричарда III». В сцене, которую упоминает Шмитт, Ричард велит немедленно казнить лорда Гастингса (уверенного в своей силе и лояльности), придираясь к его словам и намеренно превратно толкуя их смысл. — *Прим. ред.*

10. Грехам (*лат.*). — *Прим. ред.*

11. Имеется в виду книга «*De Indis et de Iure belli Relectiones*» Франциско де Витория, испанского

Я должен был бы использовать это время, чтобы прояснить для себя эти гуманистические нейтрализации, перечитать «Актуальность готики» Конрада Вейса 1924 года¹², лучше проанализировать свой энтузиазм по поводу несостоявшейся книги (Unbuch) Кристофа Штединга¹³, осознать глубинные корни моего доклада в Барселоне в октябре 1929 года¹⁴. Лишь тогда моя интерпретация Витория была бы зрелой. Что меня удерживает? Внезапно с полной ясностью осознав, как я обманут, я сформулировал и записал это (21.7.1914 г.)¹⁵ следующим образом: «Такое чувство, что ничего нельзя изменить. Вот оно появилось, и умный ничего не говорит и не обороняется». «Как оборонишься ты от смерти?» Так и написано, слово в слово, более 33 лет назад. Я снова обманут; я снова избежал обмана. Я вновь понимаю, «и замираю, словно бы вот она — моя судьба, словно бы я — человек, которого на следующий день казнят и который сдержанно обращает взор к смертному часу, не ощущая собственно ужаса». Именно такую запись, дословно, я сделал 21 июля 1914 года. Вот оно: чувство, что ничего изменить нельзя; то и другое — часть смерти, которая ведь тоже неизменна, или, правильнее сказать: часть или только выражение, случай неизменного.

Прочел дневниковую запись от 12 октября 1913 года: «Вы можете себе это позволить», — сказал мне тайный советник. Трогательно читать это сегодня. Это формула моей жизни. Я мог много себе позволить и много позволял себе; *se payer quelque chose*¹⁶ можно перевести это так, тогда это звучит еще менее обманчиво и учитывает издержки.

11.2.48

Слишком сильно не нравятся мне дневники и ведение дневников. Большинство авторов дневников представляются мне детьми, сосущими пальцы и все, что попадает им в руки. Но есть чудесные дневники, например, дневники Делакура, и великие счетоводы Абсолютного¹⁷, как Леон Блуа. Но другие, начитанные и литературно об-

богослова, впервые заговорившего о применении принципов права народов к народам колонизируемой Америки. Шмитт подробно рассматривает подход Витория в книге «Номос земли» (1950), которую он готовит к публикации как раз в это время. — *Прим. ред.*

12. Шмитт имеет в виду (неточно припоминая название и дату издания) книгу: *Weiß K.* (1927) *Das gegenwärtige Problem der Gotik: Mit Nachgedanken über das bürgerliche Kunstproblem.* Augsburg: Dr. B. Filser Verlag. О значении Вайса Шмитт писал в книге «*Ex captivitate salus*». — *Прим. ред.*

13. Кристоф Штединг (1903–1938) не успел завершить свой труд, который вышел посмертно. См.: *Steding Chr.* (1938). *Das Reich und die Krankheit der europäischen Kultur.* Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt. Впрочем, Шмитт, возможно, имеет в виду тематически более близкую ему в данном случае (и представляющую собой извлечение из первого) книгу того же автора: *Steding Chr.* (1941). *Das Reich und die Neutralen.* Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt. — *Прим. ред.*

14. Доклад в Барселоне — «Эпоха деполитизаций и нейтрализаций». См.: *Шмитт К.* (2001). [Эпоха деполитизаций и нейтрализаций](#) / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Социологическое обозрение Т. 1. № 2. С. 48–58.

15. Речь идет о дневниковой записи. Шмитт вел дневники на протяжении нескольких десятилетий. — *Прим. ред.*

16. Буквально: «кое-что для себя оплатить» (*фр.*) в отличие от немецкого «сделать» (*leisten*). — *Прим. ред.*

17. Игра слов: *Tagebuch* — дневник; *Buchhalter* — счетовод, бухгалтер. — *Прим. ред.*

разованные Пипсы — это действительно лишь сосунки, даже если они являются изощренными самотерзателями, а не нарциссами, как Самуэль Пипс^{18*}.

Остров (у Мора) является диалектическим *а́топос* между самой прочной прикреплённостью к месту (*Verortung*) и утопическим лишением места (*Entortung*). В этом жутком промежуточном пункте находится святой Томас Мор со своим островом Утопия, который в действительности является именно *эвтопией*^{**}. Это чудесно; так что его канонизировали с полным историческим правом, скажем осторожнее: его оправдали от невольных последствий его *Peccatum*. Витория не причислят к лику святых, хотя и он является таким диалектическим *а́топос*.

12.2.48

Искушение Франциско Витория состояло не в том, чтобы представлять официальное учение (которого не было) или молчать (как это банально интерпретирует Фердрос¹⁹, послушный официальной доктрине сегодняшнего послевоенного времени); искушение было в нейтрализующей гуманизации, *eritis sicut logos*²⁰, оно состояло в эразмианстве. Святой Дух — не скептик. Мор не был клерикалом, он был просто клерком-интеллектуалом²¹, писателем, но не священником. В этом заключена тайна его неслышного, даже неощутимого большого превосходства.

«Благородный остается в своей комнате. Если он правильно оформляет свои мысли, то ему не нужно их публиковать, он услышит эхо за тысячи миль» (Конфуций). Мор и есть таинственный *Scrivener*²² из «Ричарда III», действие III, сцена 6; «Enter a scrivener»²³, почти непосредственно после чудесной 4-й сцены того же акта, которая, несомненно, восходит именно к Томасу Мору; особенно в изображении ярости тирана по поводу «ifs» («если») ²⁴. Эврика! Великий клерк; и Боден был таким. Гоббс же, напротив, был одиноким волком.

18. Самуэль Пипс (Pepys) (1633–1703) — английский чиновник и государственный деятель, в юные годы вел дневник, благодаря которому и стал впоследствии известен (дневник Пипса был издан в 1825 г. и приобрел большую популярность). — *Прим. ред.*

* На полях указание Карла Шмитта: «ср. дневниковую запись 5.4.48».

** На полях, очевидно, позднейшая стенографическая запись Карла Шмитта: «Это еще не законченный обман, иначе это было бы и упразднением противоположности земли и моря».

19. Альфред Фердрос (Verdroß-Droßberg) (1890–1980) — австрийский юрист и дипломат, специалист по международному праву, ученик Г. Кельзена. — *Прим. ред.*

20. Аллюзия на Книгу Бытия (3,5): *Eritis sicut dii, scientes bonum et malum* (Будете как боги, знающие добро и зло). Заменяя «Боги» на «логос», Шмитт, возможно, имеет в виду «*kai Theos ên ho Logos*» («И слово было Бог», Ин, 1:1). — *Прим. ред.*

21. К фигуре клерка-интеллектуала Шмитт неоднократно обращается в «Глоссарии», в частности, в связи с книгой «Предательство интеллектуалов» Ж. Бенда. — *Прим. ред.*

22. Писец (*англ.*). — *Прим. ред.*

23. «Входит писец» (*англ.*). — *Прим. ред.*

24. Ср. в русском переводе: «Хестингс: Ну, если их виной... Глостер: Что! Если? / Ты, покровитель непотребной шлюхи, / Глумишься надо мной своими „если“»? (пер. М. Донского). — *Прим. ред.*

* * *

2.3.48

Основа моего стиля — внутреннее вырастание отдельных фраз, фрагментов и т. д., многие из которых, как и слова латинского предложения, можно извлекать и переставлять местами. Это, впрочем, в противоположность «мозаике» представляет собой именно реализм понятий (ср.: [запись] 21.2.48).

Я наблюдаю за событиями и процессами в Праге, как сейсмолог за землетрясением. Итак, теперь Бенеш оказывается в роли Гахи и узнает на собственном опыте, каково бывает человеку в таких случаях²⁵. В целом все происходящее показывает, что развитие [ситуации] 1929–1932 гг. в Германии можно считать моделью [для всех прочих ситуаций такого рода]. Моя книга «Легальность и легитимность» является единственным научно адекватным свидетельством этого типичного хода событий²⁶. Аналогичных случаев, когда исполнителям приходится меняться ролями, бывает множество. Чем же объясняется, что точнее и ближе всего к реальности этот характер [ситуации] как модели был описан не в социологическом исследовании, не в исследовании по психологии масс, не в экономическом, но в юридическом конституционно-правовом исследовании о легальности и легитимности? Это объясняется тем, что правильно примененный реализм понятий, свойственный науке публичного права, превосходит всякий иной род научного созерцания. Для своей эпохи Морис Ориу важнее всех прочих. Кто упрекнет меня за то, что я горжусь реализмом своих понятий?

Но сколь трагична ситуация чехов, которые сознательно под руководством Масарика и Бенеша приняли решение в пользу Запада, а теперь получили урок: проблема большого пространства актуальна, независимо от меняющихся режимов. Если уж такому маленькому народу, как чехи, столь вредит поспешный выбор, что же тогда произошло бы с нами, немцами, если бы мы опрометчиво захотели принять решение в пользу Востока или Запада и практиковали мнимый децизионизм²⁷?

Движения сопротивления против вчерашнего врага! На этой основе можно пользоваться новыми привилегиями. Прекрасные движения сопротивления! Прекрасное

25. Шмитт отзывается на события февраля 1948 г. в Чехословакии, когда в результате кризиса ушло в отставку коалиционное правительство, которое возглавлял коммунист К. Готвальд. Президентом страны был Э. Бенеш (1884–1948), второй, после Т. Масарика, президент Чехословакии (в 1935–1938 гг. — президент, в 1940–1945 гг. — президент в изгнании). Э. Гаха (1872–1945) — третий президент Чехословакии (1938–1939, после отставки Бенеша) и президент образованного немцами «Протектората Богемии и Моравии» (1940–1945). В результате кризиса в конце февраля коммунисты фактически пришли к власти. Вскоре после этого Бенеш ушел в отставку и в том же году умер. — *Прим. ред.*

26. См.: *Schmitt C.* (1932). *Legalität und Legitimität*. Berlin: Duncker & Humblot. — *Прим. ред.*

27. Смысл этого рассуждения примерно таков: Децизионистское понимание права предполагает, что конечной инстанцией полагания права является решение, например решение парламента. Если считать народ суверенным законодателем, возникает коллизия: право привязано к пространству, на котором оно действует, но это не обязательно пространство данной страны, данного народа в его границах. А в большом пространстве ограничена значимость суверенного решения. — *Прим. ред.*

сопротивление противнику, который уже не может бороться, беспомощному, на которого можно наступить! *Gueydan**: *le mâquis est une creation posthume*²⁸.

3.3.48

Винкельману²⁹: «Я хотел бы знать Ваше мнение, содержит ли этот труд («Легальность и легитимность») как научно адекватная картина ситуации-модели и развития-модели диагноз и прогноз, в отличие от всех социологических, философских, посвященных психологии масс исследований этих интересных лет, в которых уже содержались все зачатки последующих событий. Я очень горжусь моим предметом, наукой *Jus Publicum Europaeum* и ищу молодого человека, в котором я хотел бы пробудить такую же гордость. Вы не должны стыдиться своего предмета»**.

5.3.48

*Cuius regio eius justitia*³⁰ (*justitia* также и в значении «юстиции»); впрочем, старый тезис: *Cuius regio eius religio*³¹ означает лишь то, о чем говорит Гоббс, а именно *cuius jurisdictio eius religio*³². Итак, не удивляйся покорности юстиции. Благодаря упразднению различия врага и преступника разрушается не только право, но и юстиция как конкретный порядок, как *Ordo*³³.

Э.К.***: Вы всё еще боретесь с Версалем и теперь выигрываете эту битву, подобно тому, наверное, как неизвестный солдат Первой мировой войны *posthum*³⁴ победил

* William Gueydan de Rousselle (1908–1996) — французский историк и политический деятель. В 1936 г. в его переводе на французский вышла книга Шмитта «Легальность и легитимность». Гейдан де Руссель был учеником и сотрудником Бернарда Фая, французского историка, известного своими анти-масонскими и антисемитскими взглядами. Во время оккупации Франции Фай и Гейдан де Руссель, возможно, во взаимодействии с гестапо, способствовали преследованиям масонов. Оба эмигрировали в Швейцарию: Гейдан — с середины 1940-х гг., Фай — после побега, проведя пять лет в заключении по решению суда, приговорившего его к пожизненной каторге за коллаборационизм. — Прим. ред.

28. Гейдан: маки — творение посмертное (*фр.*). Речь идет о том, что маки (французские партизаны, участники Сопротивления) самым заметным образом выступили уже после начала отступления немецких войск. Тенденциозность этой оценки объясняется биографически (см. предыдущее примечание). — Прим. ред.

29. Йоханнес Винкельман (1900–1985) — юрист, редактор-издатель основного массива сочинений Макса Вебера. — Прим. ред.

** Из одного примечания на полях следует, что он сообщил эти мысли 7.4.48 профессору Арнольду Гелену, в 1954 году — журналисту Шикелю и проф. Г. Румпфу, Бонн, а также доктору Штедтеру, Гамбург.

30. Чья власть, того и правосудие (*лат.*). Слово *justitia* имеет несколько значений. — Прим. ред.

31. Чья власть, того и вера (религия) (*лат.*). — Прим. ред.

32. Чья юрисдикция, того и вера (религия) (*лат.*). — Прим. ред.

33. Порядок (*лат.*). — Прим. ред.

*** Речь идет о специалисте в области государственного права и международного права Эрихе Кауфмане (1880–1972). [Размежевание с Кауфманом, ссылки на его формулировки нередко встречаются в послевоенных сочинениях Шмитта. Историческим фоном их является то немаловажное обстоятельство, что Кауфман, еврей по происхождению, был при нацистах изгнан из Берлинского университета при самом деятельном участии Шмитта и по его инициативе. После войны Кауфман становится одним из самых влиятельных юристов ФРГ]. — Прим. ред.

в проигранной Первой и тут же проиграл Вторую мировую. У графа Йорка (в переписке с Дильтеем*) есть удивительное высказывание, на которое я снова натолкнулся у Хайдеггера (в «Бытии и времени»): «Для естествоиспытателя, именно наряду с наукой, остается, как некоторого рода средство человеческого успокоения, только эстетическое наслаждение»³⁵. Это ключ к образованию XIX века, по существу, только эстетическому, и особенно культу Гете в Германии. Ранке для Йорка — большой окуляр и т. д.³⁶ Как часто я видел все это и навлекал на себя вражду, которую влечет за собой в Германии такое познание.

К понятию утопии: то, что Хайдеггер именуется сущностно пространственным бытием-в (бытием-в-мире)³⁷, в утопии не отрицается, но напротив особенно интенсивно подтверждается в пользу иного бытия-в. В этом ложь утопии, которая сегодня обнаруживается. Можно задать вопрос, может ли вообще быть святым в христианском смысле человек, написавший такую утопию³⁸. Этот вопрос еще более настоятельный, чем вопрос (возникший, например, по поводу канонизации Роберто Беллармина), можно ли причислить к лику святых того, кто написал автобиографию³⁹.

Хайдеггер становится безвкусно-банальным, когда он выдавливает из себя такие слова, как «жутко» (с. 188 «Бытия и времени»), а «повседневное толкование речи бытия-вот»⁴⁰ оказывается для него достаточным как доказательство и даже как онтологически-экзистенциальное средство интерпретации. Его критика «Ман»⁴¹ — это обычная критика эпохи; полемика против «голых толков понятливости людей»⁴² остается именно полемикой и остается на уровне не очень-то и глубокого протестантизма

34. Посмертно (лат.). — Прим. ред.

* Переписка В. Дильтея и графа Йорка вышла в 1923 году.

35. Heidegger M. Sein und Zeit. S. 400. [Хайдеггер ссылается на издание: Briefwechsel zwischen Wilhelm Dilthey und dem Grafen Paul Yorck von Wartenburg 1877–1897. Halle a. d. S. 1923]. — Прим. ред.

36. «Ранке это большой окуляр, от которого что ускользнуло, не может стать действительностью... Из общей манеры Ранке объясняется и ограничение исторического материала политикой. Только в ней — драматизм» (Ibidem.; пер. В. В. Библихина: Хайдеггер М. [1997]. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Ad Marginem). — Прим. ред.

37. См. §§ 12, 22–24 «Бытия и времени». — Прим. ред.

38. Томас Мор был причислен к лику святых как мученик за веру в 1935 г. Шмитт не смог добиться от католической церкви признания недействительным своего первого брака с исчезнувшей первой женой, и ситуация с Мором, отказавшимся одобрить новый брак короля Генриха VIII и казненным, имеет для него далеко не только богословский и теоретический смысл. — Прим. ред.

39. Роберто Беллармин (Беллармине) (1542–1621) — кардинал, великий инквизитор, один из учителей Католической церкви. Канонизирован в 1930 г. — Прим. ред.

40. Шмитт немного искажает слова Хайдеггера, что делает невозможным цитирование русского перевода В. В. Библихина. У Хайдеггера: «die alltägliche Daseinsauslegung und Rede» (Sein und Zeit. S. 188). В переводе Библихина (Бытие и время. С. 188): «повседневное толкование присутствия и речь». У Шмитта: «die alltägliche Daseinsauslegung der Rede». — Прим. ред.

41. В переводе В. В. Библихина — «das Man» — «люди». См. сн. 42. — Прим. ред.

42. Фрагмент дан в переводе В. В. Библихина. Ср. у Хайдеггера (Sein und Zeit. S. 296 / Бытие и время. С. 296): «Der Ruf stellt vor das ständige Schuldigsein und holt so das Selbst aus dem lauten Gerede der Verständigkeit des Man zurück» / «Зов ставит перед постоянной виновностью и так извлекает самость из голых толков понятливости людей». — Прим. ред.

и этической характерности. Замечательны, напротив, такие фразы, как «молчание — сущностная возможность речи» (дважды: с. 164 и с. 296); [таков же] изначальный протестантский аффект в отрывке о «двусмысленности»⁴³; но все это является по сути этически-характерным и никоим образом не онтично и не онтологично.

Может быть, [это следует адресовать] Рольфу Штёттеру⁴⁴: под впечатлением ясно понятой (и в «Легальности и легитимности» ясно описанной, а в эти дни в Праге снова дающей о себе знать) ситуации-модели: в Гераклитовом течении вещей юриспруденция должна утратить свое основание, — считал Г. Йеллинек, и Рольф Штёттер соглашается с ним без оговорок. Это ведь всего лишь позитивистский иллюзионизм *Status quo nunc*⁴⁵. Это означает отказ от всякого реализма понятий, который все-таки составляет суть юридического мышления. Институты улавливают и переводят в *équilibre*⁴⁶, как это называет Морис Ориу, во взвешенное состояние и действительности-модели и даже диалектические противоречия. Но что касается смерти Христа, то здесь, напротив, нет равновесия, а есть творимые⁴⁷ ангуляции; например, возникает венец, то есть сопряжение мужа и семьи, исторгнутое из поверхностного течения времени, однако же и не потусторонне-вечное, не верность и почва. Это исторически творимая ангуляция, не институт; институт уже слишком рационален и является переходом к конституции. Человек, семья (когда это начали называть расой?), часть земли, исторический момент, событие (например, битва при Лехе⁴⁸), все это срastaется, и появляется связь, она выглядит как венец, и носить его может человек.

*La juridicidad es la lepra de los pueblos latinos*⁴⁹ (читаю в статьях Переса Буэно⁵⁰, 1921 год); он желает модернизировать Испанию, испанский аналог французского: *la legalité tue*. Все же так. Он говорит еще *juricidad, a ne legalidad*⁵¹.

6.3.48

Пространство — это магия; время — это волшебство; скорость — это не что иное, как чародейство; время течет, пространство неподвижно стоит или лежит. Движение снимает пространство, делая его пустым вместилищем своего процесса.

43. Конъектура. В оригинале «Ureffekt», что очевидно бессмысленно. О двусмысленности см.: Бытие и время. § 37. — Прим. ред.

44. Рольф Штёттер (1909–1993) — немецкий юрист. — Прим. ред.

45. Нынешнего положения дел (лат.). — Прим. ред.

46. Равновесие (фр.). — Прим. ред.

47. Конъектура. В книге: «konaturierten Angulationen»; предлагается читать «kreaturierten Angulationen»; исправлено по аналогии со следующим предложением. — Прим. ред.

48. В 955 г. немцы разгромили венгров в битве при реке Лех. Это событие часто называют временем рождения немецкой нации. — Прим. ред.

49. Юридичность — бич латинских народов (исп.). — Прим. ред.

50. Фернандо Перес Буэно (1877–1934) — испанский юрист. Речь идет о сборнике его статей: *Bueno F. P.* (1925). *Actualidad política: profecía de la Dictadura: inteligencia e intelectualismo: patria única* (artículos y discursos) 1904–1921. Madrid: Tipografía de la Revista de Archivos, Bibliotecas y Museos (указано А. В. Мареєм). — Прим. ред.

51. Юридичность, [а не] легальность (исп.). — Прим. ред.

7.3.48

*O mors, ero mors tua; morsus tuus ero, inferne*⁵² (из хвалы в Субботу на Страстной неделе); *innocens Deus occisus*⁵³. Это мое христианство; моя любовь к старым распятиям; Древо Креста; Страстная неделя.

8.3.48

Таинственная мифичность Бэкона: например, рыба ремора⁵⁴; упоминание Пана, который не вступает в брак и женится только на своем эхо⁵⁵; *idola specus*⁵⁶ и т. д. Это большая тема, важная для Шекспира и Гоббса, у которого этот мифический смысл, как представляется, совершенно отсутствует, поскольку, видимо, последовательно им вытеснялся, ибо Левиафан — это именно великий мифический образ. Как диковинно, что Гоббс становится публичным только в зрелом возрасте! Что за процессы происходили в нем во времена его юности?*

Но вернемся к Пану, который может жениться только на своем эхо. Это символ возвращающегося к природе постхристианского язычества и гетевского гуманизма, да и всего немецкого образования, насколько оно определено эстетически. Все усилия этих забронированных в своем Я гедонистов оканчиваются браком со своим эхо. Почему Г. Ф. Юнгер⁵⁷ забывает об этой тенденции в (чудесном, впрочем) изображении Пана? Почему он забывает о браке Пана со своим эхо? Ах, ведь только образование, а не панический ужас двигает этими открывателями Пана.

Я тоже может жениться только на своем эхо и неспособно к другому браку; оно неспособно иметь другую собственность и другую могилу**. Как брак, так и собственность являются для него феноменами «*Man*». Прислушайся к тому, что в точности говорит Мартин Хайдеггер: «Самое *Man* громче и чаще всего говорит Я. Я, потому

52. Латинская Библия: Кн. Пророка Осии, гл. 13, ст. 14; 1-е Послание Коринфянам ап. Павла. В русском синодальном переводе: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?». — *Прим. ред.*

53. Невинный Бог убиен (*лат.*). — *Прим. ред.*

54. Бэкон упоминает ремору как рыбу-прилипалу, хоть и небольшую, но сильно замедляющую движение корабля. Таковы же, в отношении познания, поиски конечных причин. Встречается у него упоминание реморы и в других контекстах. Традиционно, впрочем, ремору считали огромным мифологическим чудовищем, а сейчас так иногда называют некоторые виды прилипал. Ср. в русском переводе: Бэкон Ф. (1977). Сочинения: в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль. С. 229–230. — *Прим. ред.*

55. Строго говоря, Бэкон толкует в эссе «Пан, или Природа» (в собрании «Опыты и наставления нравственные и политические») миф о том, что Пан женится на нимфе Эхо: «Наконец, нет ничего удивительного в том, что Пан никого не любит (исключение — его брак с Эхо). Ибо мир довольствуется самим собой и всем, что есть в нем; ведь тот, кто любит, хочет пользоваться тем, что любит, а изобилие не оставляет места стремлению» (Бэкон Ф. [1978]. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль. С. 253). — *Прим. ред.*

56. Призраки пещеры (*лат.*) — по Бэкону, ошибки познания, возникающие в силу индивидуальных особенностей человека. — *Прим. ред.*

57. Имеется в виду Фридрих Георг Юнгер. [См.: Юнгер Ф. Г. (2006). Греческие мифы. СПб.: Владимир Даль]. — *Прим. ред.*

* Карл Шмитт заметил на полях: «ср. 11. 1. 48 и 20. 2. 48».

** Здесь на полях, очевидно позже, Карл Шмитт заметил: «местом могилы является историчность».

что оно в основе своей не есть, собственно, оно самое и уклоняется от собственной возможности бытия» (Бытие и время. С. 322)⁵⁸.

9.3.48

Прекрасная отчаянная сила абстракции Томаса Гоббса; его отчаянное *vis superba formae*⁵⁹ номиналистского понятия; совершенная сила образования понятий; таковы великие юристы этой эпохи; подобно тому, как Кеплер и Галилей являются ее великими физиками. Ж. Вьялату⁶⁰ — всего лишь апологет, он вталкивает других в тупики альтернативы, а потом при помощи «Amour»⁶¹ выдает себя за победителя. Тогда уж лучше Гоббс.

10.3.48

В. Дильтей (Gesammelte Schriften 11. S. 150)*: Следует уже констатировать собственные взгляды Бодена. Мои тоже. *De nobis ipsis silemus, jurisconsulti*⁶². Утопия: рай марионеток Моцартовой композиции; звон колокольчиков Папагено и танцующие мавры⁶³. Дильтей говорит (S. 323): «От практически эффективных социально-церковных мечтаний крестьян, спиритуалистов, анабаптистов и Савонаролы (!) прослеживается одна связь с романами о государстве Томаса Мора и Кампанеллы». Это духовно-историческое духовидчество. Такой термин, как «романы о государстве»**

58. Шмитт, вопреки собственному призыву, неточно цитирует Хайдеггера. В точном переводе В. В. Библихина это место звучит так: «Человеко-самость всего громче и чаще говорит Я-Я, ибо по сути она не есть собственно она сама и уклоняется от собственной способности-быть». — Прим. ред.

59. Превосходящая сила формы (лат.). Строка из стихотворения Яна Секунда (1511–1536) «Basium 8». Гете посвятил ему стихотворение «К духу Иоганна Секунда». — Прим. ред.

60. Конъектура. В тексте фигурирует Vialatius, в именном указателе к «Глоссарию» названный «итальянским юристом XVII в.», однако более вероятно, что речь идет о современнике Шмитта, французском философе Ж. Вьялату, авторе работы «La cité de Hobbes» (Vialatoux J. [1935]. La cité de Hobbes: théorie de l'état totalitaire. Paris, Lyon: J. Gabalda et cie). В завершении этой работы речь действительно идет о любви как одной из причин рождения государства и о любви к миру. — Прим. ред.

61. Любви (фр.). — Прим. ред.

* Dilthey W. (1914). Das natürliche System der Geisteswissenschaft im 17. Jahrhundert, Bodins Vergleichung der Religionen // Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. 11. Leipzig, Berlin: B. G. Teubner.

62. О самих себе мы молчим, юрисконсульты (лат.). Здесь Шмитт обыгрывает слова Ф. Бэкона из «Великого восстановления наук», которые И. Кант сделал эпиграфом к «Критике чистого разума»: «О самих себе мы молчим; но в отношении предмета, о котором идет речь, мы хотим, чтобы люди считали его не мнением, а делом и были уверены в том, что здесь закладываются основания не какой-либо секты или теории, а пользы и достоинства человеческого». — Прим. ред.

63. Эпизод «Волшебной флейты» Моцарта: Пamina и Папагено, заблудившись, встречают преследующего их мавра Моностатоса. Волшебные колокольчики Папагено заставляют его пуститься в пляс. — Шмитт критически высказывался о «Волшебной флейте» еще в «Римском католицизме». — Прим. ред.

** Здесь на полях стенографическая карандашная пометка Карла Шмитта: «Осторожно: роман о государстве? Быть может, государство — это роман? Каждое государство есть утопия, а сегодняшние конституции — романы о государстве?»

можно допустить у славного Роберта Мооля⁶⁴, но не у Дильтея. Он должен был точно определить сущность* романа и романического: процесс движения проблематичного индивида к самому себе (G. Lukács. *Die Theorie des Romans*. S. 75)⁶⁵, ирония в отношении реализации идеального. Элементы иронии очень сильны в некоторых утопиях, например, в *Erewhon* С. Батлера⁶⁶; у Кампанеллы она совсем отсутствует; у С. Батлера она сильно окрашена в биографические тона и в этом отношении скорее является романом (*Erewhon* — это утопический роман, а не чистая утопия). Специфичность утопии заключается в лишенном юмора планировании. Ирония и юмор у Мора, Батлера, Хаксли — английская приправа**, не сущность иронии. Утопия для них — средство критики эпохи, средство иронии и т. д. Для французских утопистов это крайне серьезная полемика.

64. Роберт фон Мооль (Mohl) (1799–1875). — *Прим. ред.*

* Здесь на полях Карл Шмитт заметил: «Сущность: социальная рационалистика; рациональная конструкция разумного общественного строя (Gemeinwesen), это и есть утопия».

65. Имеется в виду книга Д. Лукача «Теория романа». См. в русском переводе: Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 19–78.

66. О Батлере и «Erewhon» см. примечание к [предыдущей публикации «Глоссария»](#) (сн. 9). — *Прим. ред.*

** Здесь Карл Шмитт на полях заметил: «Англичане как индивиды неспособны к чистой, безоговорочной утопии, поскольку неспособны к безоговорочной преданности общественному строю (Gemeinwesen) как таковому».

«Дамский круг» славянофильства: письма И. С. Аксакова к гр. М. Ф. Соллогуб, 1862–1878 гг.¹

*Андрей Тесля**

Аннотация. Публикуемые письма И. С. Аксакова к графине М. Ф. Соллогуб содержат богатую информацию о политических и общественных взглядах Аксакова, круге его общения, в том числе о неформальных сторонах и способах обеспечения его влияния во властных сферах. Письма подробно прокомментированы и снабжены краткой вступительной статьей.

Ключевые слова: И. С. Аксаков, неформальное влияние, общественное мнение, панславизм, славянофильство.

Публикуемые письма представляют интерес не только своим содержанием, но и как образчик переписки Ивана Сергеевича Аксакова с «дамским кругом» славянофильства. Исторически так сложилось, что после опубликования писем молодого Аксакова, адресованных родным и составляющих своего рода эпистолярный дневник 1844–1856 гг., в дальнейшем издавались преимущественно его письма к публицистам, государственным деятелям и т.п. персонам — выбор казался логичным с точки зрения контактов и информационной насыщенности. Однако даже в эти первоначальные эпистолярные подборки вошли (опубликованные в IV томе переписки: Аксаков, 1896) письма к графине Антонине Дмитриевне Блудовой, поскольку их значение для истории жизни и деятельности Ивана Сергеевича несомненно. Сами по себе они, однако, не представляют собой исключения из довольно многочисленных писем Аксакова, обращенных к дамам, — назовем лишь переписку со Свербеевой или с княгиней Черкасской. Роль «дамского круга» в истории славянофильского направления не то чтобы недооценена, но явным образом «недопроговорена»: славянофильство по своему типу социальной организации принадлежит к «идейным» направлениям конца XVIII — первой половины XIX века, т. е. основой вхождения в круг и пребывания в нем является не только (а иногда даже и не столько) идейная близость, сколько связи родства и свойства, иногда соседские — и гораздо реже общая служба или пребывание в одном учебном заведении (см.: Цимбаев, 1986; Тесля, 2012). Соответственно,

* **Тесля Андрей Александрович** — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии ТОГУ. Email: mestr81@gmail.com

© Тесля А. А., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ №МК-2579.2013.6. Тема: «Социальная и политическая философия поздних славянофилов: между либерализмом и консерватизмом».

вхожими в круг оказываются не отдельные лица, а семейства. В русском дворянском обществе первых двух третей XIX века большую и одновременно в значительной степени непубличную роль играет «женская половина», выстраивавшая сети контактов и влияний, которые для внешнего взгляда остаются малообъяснимыми.

Так, например, осведомленность Аксакова о планах верховной власти связана с придворным положением его жены Анны Федоровны и ее сестер — Дарьи и Екатерины, дочерей Федора Ивановича Тютчева, фрейлин императрицы. В письме от 15 августа 1878 г. он уведомляет Свербееву, что по сообщению Дарьи и Екатерины Тютчевых, они смогли узнать об обстоятельствах, сопровождавших решение о закрытии Московского Славянского общества и о высылке Аксакова из Москвы: «...причина остается им положительно неизвестною и держится в секрете, по крайней мере для главнейших представителей женского персонала при дворе»². Это говорило об уровне секретности операции; равно как, напротив, снятие «опалы» с Аксакова и дозволение вернуться в Москву было связано — по крайней мере, отчасти — с поддержкой, которую он имел на половине императрицы.

Иными словами, это ситуация еще «политики старого стиля», когда центром принятия решений является двор. Ориентация на такого рода политику (в модернизированном варианте — поскольку одновременно учитывается и общественное мнение, его пытаются формировать и мобилизовывать — но объектом целевого воздействия оказывается в конечном счете двор), помимо прочего, объясняет причины упадка «политического славянофильства» в 1880-е годы. Со времен Николая I все в большей степени решения вырабатываются и принимаются в рамках бюрократической машины — современники отмечают, что если раньше принадлежность ко двору давала власть, то теперь обладающие властью (такие министры как Вронченко, поднявшиеся по всем ступеням бюрократической лестницы) становятся придворными *ex officio*. Проблема, с которой сталкивается абсолютная монархия в условиях нового времени и формирования профессионального аппарата управления, — как сохранить в своих руках власть, не допустить перехода к конституционной монархии и вместе с тем сохранить автономию по отношению к бюрократии. Александр II будет решать ее, в частности, поддерживая конфликты между министрами и ведомствами, не давая возможности ни одному из бюрократических кланов одержать победу и составить министерство лишь из своих членов. Характерна логика министерских назначений, когда одновременно с некоторым поворотом «вправо» в 1861 г. (отставку — притом демонстративно «опальную» — получают основные деятели, готовившие крестьянскую реформу и разрабатывавшие проекты связанных с нею реформ других частей управления) на пост министра народного просвещения назначается один из лидеров «константиновцев» А. В. Головнин, или когда в 1874 г. шеф III Отделения граф П. А. Шувалов, достигнув максимума административного влияния (получив прозвища Петр IV и Вице-император), именно в этот момент получает отставку и назначение на пост посла в Великобритании. То, что выглядит непоследовательностью и «сеяньем раздора», необходимо для сохранения императором контроля над правительствен-

2. ИРЛИ Ф. 3. Оп. 2. Ед.хр. 50, л. 20.

ной системой — а другой сферой, дающей и альтернативную информацию, и другую площадку для борьбы между соперничающими силами — становится двор: он уже не самостоятельная сила, а пространство, где разворачиваются конфликты и сталкиваются интересы, решаемые в правительственных учреждениях. Закат этой системы пришелся на царствование Александра III, который использует уже не двор и не свет как некую альтернативу бюрократии, а выстраивает сеть неформальных контактов с отдельными лицами — с чем связана роль Победоносцева, кн. Мещерского и нескольких других лиц. Аксаковская модель политического влияния предполагает преимущественно воздействие на двор и организацию там влияния своей точки зрения, а также «общественное» и «народное мнение» как внешнюю реальность, которая должна придать убедительность, уверенность в наличии оснований у отстаиваемой точки зрения. По мере того как ослабевает роль «придворной политики», падает и реальная возможность Аксакова воздействовать на политику. Со своей стороны, он пытается искать новые способы работы с «общественным мнением», понимая, что оно теперь все дальше выходит за границы привычного ему дворянского и высшего купеческого круга. Как писал Аксаков своему другу Г. П. Галагану в последние годы жизни: «Нужно какое-то новое слово современному русскому миру, — наше старое слово его уже не берет, — новое, которое было бы тесно связано со старым — но секретом этого нового слова я очевидно не обладаю»³.

Если личность Ивана Сергеевича Аксакова достаточно известна, то об адресате его писем необходимо сказать несколько слов. Мария Федоровна Самарина (1821–1888) была сестрой Юрия Федоровича Самарина, близкого друга Ивана Сергеевича, Дмитрия Федоровича Самарина, тесно приятельствовавшего с Аксаковым, а также Петра Федоровича Самарина. Самаринское семейство, со своим особым, крепким духовным складом, играло большую роль в жизни Аксакова, поддерживавшего отношения той или иной степени близости со всеми членами этого многочисленного семейства, и в истории славянофильства. Его представители, второе поколение самаринского семейства, смогли (в отличие от Дмитрия Хомякова, также претендовавшего на эту роль — без достаточных способностей) сохранить славянофильство как некое «семейное предание», счастливо избегнув его «мумификации», чтобы дать ему новый импульс — правда, в сфере, весьма далекой от политической, в деятельности «новоселовского» кружка, рассматривая его в первую очередь как способ осмысления православного учения. Мария Федоровна вышла замуж за графа Льва Александровича Соллогуба (1812–1852) — советника русского посольства в Вене, знатока искусств, брата гр. В. А. Соллогуба, известного писателя, также достаточно близко знакомого с Аксаковым (о спорах и беседах с которым — и обмене поэтическими посланиями — во время отдыха на Серных Водах в 1848 г. последний красноречиво рассказывал в письмах к родным; см.: Аксаков, 1988: 382–385), а еще до того выбранного в качестве объекта критических размышлений Юрием Федоровичем Самариным, приобретшего первоначальную журнальную известность статьёй «Тарантас, соч. графа Соллогуба» (Самарин, 1877: 1–27). Число точек пересечения легко увеличить, поскольку речь

3. ИРЛИ Ф. 3 Оп. 2. Ед.хр. 11, л. 24об (письмо от 17 октября 1884 г.).

идет о Москве, не очень далекой от «грибоедовской», т. е. о достаточно узком круге высшего и верхней части среднего дворянства, максимум полутора-двух тысячах семейств, которые и будут основной аудиторией славянофильского круга. Б. Н. Чичерин, другой представитель той же среды, оставил о Марии Федоровне выразительную мемуарную зарисовку:

«Это была одна из самых достойных женщин, каких я встречал в жизни. И ум, и сердце, и характер, все в ней было превосходно. Она имела самаринский тип, волосы рыжеватые, лицо умное и приятное. Образование она получила отличное и, когда хотела, умела вести блестящий светский разговор, приправленный свойственным семье юмором и иронией, однако без всякой едкости и язвительности. Но обыкновенный ее разговор был серьезный; ум был твердый, ясный и основательный. Она не возносилась в высшие сферы, но с большим здравым смыслом судила о людях и о вещах. К этому присоединялся самый высокий нравственный строй. Одаренная мягким и любящим сердцем, всецело преданная своим обязанностям, она никогда не думала о себе и всю свою жизнь жила для других. Никакое мелочное женское чувство не западало в эту чистую и благородную душу. Твердость и постоянство характера смягчались прирожденною ей ласковостью и обходительностью. В ней не было ничего жесткого, резкого или повелительного. Казалось, у ней было все, что нужно человеку для полного счастья: и ум, и сердце, и образование, и богатство. А между тем немного счастливых минут довелось ей испытать в жизни. В молодости первые порывы сердца были резко остановлены; она ушла в себя и решила подчиниться воле родителей. Устроена была, по-видимому, хорошая партия: она вышла замуж за графа Соллогуба, брата известного писателя. Но еще будучи невестою, она заметила в нем что-то странное; однако, давши слово, ничего о том не сказала. Вскоре после брака обнаружили признаки таившейся в нем болезни; он мало-помалу впал в идиотизм. Несколько лет она прожила, таким образом, нянчась с мужем; а после его смерти все ее заботы обратились на единственного сына⁴, над которым она ежеминутно дрожала, боясь проявления в нем отцовской болезни. Благодаря неусыпным ее попечениям он вырос добрый, мягкий, как воск, с артистическими наклонностями. Скоро он женился по страсти. Помня свою молодость, Марья Федоровна не хотела препятствовать браку; но для нее он сделался источником нового горя. Умная и красивая, но сухая и своенравная невестка делала все, что от нее зависело, чтобы огорчить свекровь⁵. Марья Федоровна недолго с ними осталась жить. Она поселилась в Серпухове, недалеко от которого лежало ее имение. Там она основала приют и школу и всецело предалась этому взлелеянному ею учреждению, которое шло отлично под непосредственным ее управлением. Нередко она приезжала к братьям в Москву и там скончалась, окруженная всеобщою любовью и уважением» (Чичерин, 2010: 215–216).

Аксаков поддерживал с Марией Федоровной отношения на протяжении 1860–1880-х гг., многократно упоминая ее в письмах к другим корреспондентам, однако эпистолярное наследие не очень велико, потому что собеседники, как правило, общались лично. Данная публикация содержит тексты писем, оригиналы которых хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО

4. Соллогуб Федор Львович, граф (1848–1890) — известный русский художник, работавший в основном в театре, а также выступавший как актёр и поэт-любитель.

5. Соллогуб Наталья Михайловна, графиня (урожд. баронесса Боде-Колычева, 1851–1915).

ИРЛИ РАН): Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 2. Ед.хр. 52. Оригиналы писем частично датированы карандашом — вероятно, это было сделано при подготовке писем к печати (в рамках мемориального издания переписки И. С. Аксакова, начатого вдовой). Эти датировки нами сохранены и даются в верхнем левом углу, в угловых скобках с подчеркиванием (<...>), недатированные письма датированы нами примерно, датировка аналогична, без подчеркивания (<...>).

При подготовке к публикации сохранены случаи написания, имеющие выраженный индивидуальный характер, и варианты, которые носят смысловой оттенок.

Набор, подготовка писем к печати, перевод иноязычных слов и выражений (за исключением указанных отдельных), а также комментариев — А. А. Тесля. За помощь в работе над текстом выражаем глубокую признательность проф. Р. А. Лошакову и Е. Ю. Резединовой.

* * *

I

<11 Июля 1862>

Не можете ли Вы мне сказать, Графиня, где теперь находится Юрий Федорович и не собирается ли он в Москву. Вот уже на три телеграммы мои и на несколько писем я не получаю ответа. Вы, может быть, уже знаете, что он утвержден Редактором «Дня»⁶. Чижову⁷ в его просьбе Министр отказал, и даже не счел нужным, хоть ради приличия, чем-нибудь мотивировать этот отказ. Тогда я представил в Редакторы (разумеется — номинальные) Юрия Федоровича, согласно его собственному вызову. Мне бы и в голову не пришло представить в редакторы человека, официально отсутствующего из Москвы и официально пребывающего на службе в Самаре, но Юрий Федорович сам первый телеграфировал мне об этом, а потом прислал мне и форменное письмо с предложением себя в Редакторы. Странность этого, кажется, ему и в голову не приходила, а если и приходила, то может быть, он намерен ее устранить, выйдя в отставку? Но сбыточно ли это? Если бы это могло стать, я бы поблагодарил

6. За отказ назвать автора корреспонденции в 31 «Дня» о беспорядках в Остзейском крае в июне 1862 г. Аксаков был отстранен от редактирования, и издание газеты с 34 № приостановлено. Формальным поводом к закрытию «Дня» послужил отказ Аксакова назвать имя автора статьи о положении православного духовенства в Виленской губернии (К-ъ. Очерк местного православного духовенства // «День» от 10.05.1862). По цензурным правилам Аксаков как редактор обязан был это сделать, но ему стало известно, что автору статьи (проф. Еленевскому) грозят серьезные неприятности со стороны церковных властей. В качестве своих возможных преемников в роли редактора-издателя газеты Аксаков указал цензуре на Ф. Чижова, В. Елагина, Ю. Самарина. Головнин сразу же отверг кандидатуру Ф. Чижова, со времени неудачного издания «Паруса» и «Парохода» считавшегося неблагонадежным. 26 июня Аксаков подал в Московский цензурный комитет прошение, где предлагал кандидатуры В. Елагина, Ю. Самарина и А. Н. Аксакова. Редактором газеты был утвержден Ю. Самарин, живший в то время в своем самарском имении (Мотин, 2013б: 3, 7). Опасения Аксакова о планах Головнина оказались безосновательны.

7. Чижов Федор Васильевич (1811–1877) — славянофил, предприниматель, издатель газеты «Акционер».

судьбу за случившееся со Днем — но именно на все мои вопросы об этом он ничего не отвечает. Тем не менее я послал, через Цензурный Комитет, к Головнину⁸ письмо Юрия Федоровича, — и тотчас же последовало утверждение, без всяких оговорок. Но Ценз. Комитет не принимает, однако же, от меня статей, и уверен, что это действие со стороны Головнина, новая его плутня, что тут скрывается какая-нибудь западня: ему слишком хорошо известно, что Ю<рий> Ф<едорович> служит в Самаре⁹, а утверждая его редактором, свидетельствуя перед ним полную свою готовность и проч., он может потом сказать, что препятствия возникли не от него. А препятствия непременно возникнут. Цензурный комитет послал Ю<рию> Ф<едоровичу> запрос в Самару: где он намерен устроить Редакцию, — чтоб сообщил адрес. Не говоря о том, что ответ на этот запрос последует только через три недели — а эта проволочка крайне для меня невыгодна, — самый ответ очень затруднителен: сказать, что в Москве — будут принимать в соображение его отсутствие, время — пересылки (мнимой) статей из Москвы в Самару на его утверждение и проч. Головнин думает про себя: а, вы хотите устроить номинальную передачу — я же вас поймаю на слове, я утверждаю Самарина Редактором, и Ценз<урный> Комитет будет наблюдать, чтоб Редактором был Самарин, а не Аксаков.

Сделайте милость, Графиня, вызовите Ю<рия> Федоровича в Москву хоть на две недели. Я сам ему пишу об этом, но я не знаю, где он находится — в Самаре или в деревне. Я заезжал нынче в Ваш дом: там мне сказали, что от него недавно получено письмо и послано в Серпухов. Если Вы знаете что-нибудь о его планах, будьте так добры, напишите мне, адрес просто: в редакцию Дня.

Преданный Вам

Ив. Аксаков.

11 Июля

1862

Москва.

II

<2-я половина апреля 1864 г.>

Поздравляю Вас, Графиня, с Принятием Св. Тайн. Вот две карточки матушки: одна для княгини, другая для Юрия Федоровича¹⁰; также одна моя для Катерины Алексеевны, в обмен на ее карточку, которую буду ждать.

8. Головнин Александр Васильевич (1821–1886), с 1861 по 1866 г. — министр народного просвещения.

9. После завершения работ Редакционных комиссий Самарин служил членом губернского присутствия по крестьянским делам в Самаре (1861–1864), считая, как и ряд других славянофилов, своим долгом непосредственно способствовать введению новых отношений в деревне.

10. Т. е. Ю. Ф. Самарина.

Бедная графиня Баранова! И подумать об ней тяжело: казалось бы — только бы жить поживать им в любви, в счастье, цветущей семьей!.. Неисповедимы судьбы Божии¹¹.

К Субботе Вы, верно, вернетесь, и тогда я надеюсь поздравить Вас с наступившими, а не наступающими праздниками. Мы собираемся всей семьей встретить праздники у Троицы: Маменьке слишком тяжело встречать его здесь.

Преданный Вам

Ив. Аксаков.

III

<12 Июня 1864>

Благодарю Вас, любезнейшая Графиня, за присылку адреса Юрия Федорович. Получил от него одно письмо из Венеции и потом несколько строк из Вены, а сам писал ему, адресуя в Берлин. О здоровье он не пишет ни слова, но в письме из Венеции говорил, что в ней так хорошо, что он забывает и Польшу, крестьянское дело и День, и всю Россию — чему я очень порадовался.

Боюсь, что его таки притянут в Варшаву¹². Его увлечет открывшаяся там борьба его друзей с нашими же Русскими врагами, желание поддержать их, не оставить одних в беде. Вчера Кошелев уехал из П<етер>бурга в Варшаву. Скоро отправится туда и Соловьев¹³, и Черкасский не будет один. Но Берг¹⁴, чтоб не остаться в меньшинстве,

11. *Баранов Павел Трофимович* (1814–1864) — генерал-майор, в 1857–1862 годах тверской губернатор, был женат на Анне Алексеевне (урожд. Васильчиковой; 1827–1890), имел высокую репутацию в обществе, скоропостижно скончался 15 апреля 1864 г.

12. Речь идет о привлечении Ю. Ф. Самарина к работе Учредительного комитета по крестьянским делам Царства Польского. Хотя Ю. Ф. Самарин принял большое участие в разработке законоположений по крестьянской реформе в Царстве Польском и целого ряда других вопросов, связанных с действиями имперских властей в ответ на польское восстание 1863–1864 гг., от занятия официальной должности он отказался.

13. *Соловьев Яков Александрович* (1820–1876), окончил Санкт-Петербургский Императорский университет, с 1843 г. служил по ведомству Министерства внутренних дел, с 1857 по 1863 г. — начальник земского отдела министерства, принимал деятельное участие в подготовке Крестьянской реформы 1861 г., а затем в реализации Положений 1861 г. В 1864 г. по рекомендации Н. А. Милютина назначен членом Учредительного комитета по крестьянским делам в Царстве Польском. В его обязанности входило заведывание делами Комитета и личным составом крестьянских комиссий, а также и общее наблюдение за их деятельностью. С 1865 г. председательствовал в центральной комиссии по крестьянским делам, учрежденной для рассмотрения ликвидационных табелей (уставных грамот), разрешения жалоб на местные комиссии и разработки проектов постановлений по всем предметам поземельных отношений владельцев имений и крестьян. По закрытии Учредительного Комитета в 1867 г. назначен сенатором (IV департамент).

14. *Берг Федор Федорович, фон*, граф (нем.: Friedrich Wilhelm Rembert von Berg; 1794–1874) — русский государственный деятель, дипломат, географ и военачальник (генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал). В 1854–1861 генерал-губернатор Финляндии. С 1863 года и до кончины — наместник Царства Польского.

упросил Государя позволить ему посадить и от себя Членов: Государь согласился и членами Учредит. Комитета, по представлению Берга, назначаются: Генерал-лейтенант Заболоцкий¹⁵ и Брауншвейгский и Подольский губернатор Брауншвейг¹⁶. Я очень рад за Подольскую губернию, что она освобождается от такого губернатора, который был очень вреден для Русского дела и держал руку Польских помещиков, но не поздравляю Черкасского с таким сочленом. Все Немцы, которые прехладнокровно вешали повстанцев (напр., Берг, князь Зайн-Витгенштейн¹⁷, отличавшийся особенно жестокостью), приняв восторженно, как только дело дошло до аристократического и до патримоньяльного принципа, и приняли сторону помещиков.

Маменька с сестрами переехала в Абрамцево¹⁸, куда и я нынче (пятница) еду дня на два. Как ни тяжело ей там, но все же лучше, чем в Москве, где она под конец была просто больна от жару, действовавшего вредно на желчь. Москва пустехонька, душна и пыльна так, что выходить из дому можно только к ночи.

Прощайте, Графиня, вашу ручку,

Ив. Аксаков.

12 Июня

—
1864 г. Москва.

IV

<30 Июля 1864>

Благодарю Вас, многоуважаемая Мария Федоровна, за присылку адреса, но я еще за два дня до получения Вашего письма уже послал Юрию Федоровичу большое обстоятельное письмо именно по этому адресу. В Субботу на прошлой неделе пришло от него письмо из Рагаца¹⁹ — весьма краткое, с требованием отчета подробного о всем, что делается в России. Во все время его бродяжничества по Англии я не имел от

15. *Заболоцкий Василий Иванович* (1802–1878) — генерал-лейтенант; с 1861 г. один из организаторов подавления восстания в Варшаве, в 1863–1864 гг. минский губернатор.

16. *Брауншвейг Рудольф Иванович* (1822–1880) — тайный советник, сенатор. С 3 апреля 1860 г. назначен и.д. подольского гражданского губернатора (23 апреля 1861 г. утвержден в должности губернатора), в 1864 г. (с 12 июня) назначен членом Учредительного Комитета и Совета управления Царства Польского, с 17 ноября — председателем ликвидационной комиссии. 11 декабря 1866 г. назначен главным директором правительственной комиссии внутренних дел Царства Польского, с оставлением в прежних должностях; 31 марта 1868 г. Брауншвейг был назначен сенатором, но еще несколько лет оставался в Варшаве, пока местные комиссии, в коих он участвовал, не покончили своих работ и не были закрыты. С 1872 г. — в I департаменте Сената.

17. *Витгенштейн-Сайн-Берлебург, Эмилий-Карл Людвигович* (1822–1878) — генерал-лейтенант, с 1863 г. состоял при наместнике Царства Польского В.К. Константине Николаевиче, в 1866 г. вышел в отставку.

18. *Абрамцево* — подмосковное имение (с 40 душами крепостных), купленное Сергеем Тимофеевичем Аксаковым в 1843 г. и принадлежавшее аксаковскому семейству до 1870 г., когда было продано С. И. Мамонтову.

19. *Бад-Рагац* (нем. Bad Ragaz) — небольшой швейцарский курорт, неподалеку от Цюриха.

него писем и узнал об этом только от Княгини Черкасской²⁰. Он вкратце теперь перечислил места, где он был, упомянул, что виделся с Герценом²¹ (вот, вероятно, то самое, о чем Ваша матушка не позволяет Вам писать мне по почте), и обещает сообщить подробности о своем путешествии в другом письме. Не знаю, ведет ли он свой дневник: это было бы лучше, чем писанье писем к знакомым и родным, писем, по которым рассеяны то там, то здесь его заметки и впечатления. Он также пишет мне, что принимается за разбор писем Хомякова²², на что я ему отвечал тоже, что Вы, т. е. что эта работа не успокоительная, не легкая, и что он теперь должен всячески баловать себя и думать только о своем развлечении.

От княгини Вы, вероятно, имеете частые письма. Она мне писала накануне казни пяти членов Жонда²³: эти минуты для наших друзей должны быть особенно тяжелы. Петр Федорович²⁴, разумеется, ни слова. Кошелев также. Вообще я в этом отношении чрезвычайно недоволен ими.

Управляющий Ваш еще не приходил ко мне.

Юрий Федорович ведь опять поедет в Англию? По крайней мере, так надобно полагать — по некоторым выражениям его письма. Предполагая застать его еще в Лондоне, я отправил по почте к Е. И. Попову²⁵ рукописный перевод Хомяковской статьи «о Церкви»²⁶ (т<ак> наз<ываемый> Катехизис) и Русский текст. В письме к Попову я объяснил, в чем дело. Перевод этот (на англ. язык) сделан одним моим знакомым и сотрудником *Дня* (по части финансовых статей) полковником Пфейфером²⁷ (православным). Говорят — переведено прекрасно. Попов должен верить, поправить, а Юрий Федорович — напечатать там в Лондоне. Я потому особенно убедил Пфейфера заняться этим переводом, что Англичанам и Американцам, ищущим сближения и соединения с православием, — недостает именно понятия о Церкви. Она им представляется каким-то учреждением государственным, с определенной регламентацией, в которой можно изменить или прибавить несколько параграфов. Это меня особенно

20. Черкасская Екатерина Алексеевна, княгиня (урожд. Васильчикова, 1825–1888), жена кн. В. А. Черкасского.

21. Об отношениях Ю. Ф. Самарина и А. И. Герцена см., в частности: Емельянов, Тесля, 2012; Тесля, 2013.

22. В это время Самарин занимался подготовкой издания сочинений А. С. Хомякова — и в первую очередь составлением и подготовкой к заграничному изданию (по причине цензурных затруднений) т. 2 собрания (в которое вошли богословские работы Хомякова), вышедшем в Лейпциге в 1867 г.

23. *Народный жонд* (польск. Rząd Narodowy: «национальное правительство») — центральный коллегиальный орган повстанческой власти во время восстания 1863–1864 гг., И. С. Аксаков (как и многие современники) употребляет данный термин нередко как общее обозначение повстанцев или, по крайней мере, лиц, причастных к руководству восстанием на отдельных территориях.

24. Самарин Петр Федорович (1831–1901), участник Крымской войны, после объявления Манифеста 1861 г. оставил службу и стал мировым посредником Богородского уезда Московской губернии, затем — Тульским губернским предводителем дворянства. С 1880-х отошел от общественных дел.

25. Попов Евгений Иванович (1813–1875), протоиерей посольской церкви в Лондоне с 1842 г.

26. Имеется в виду работа А. С. Хомякова «Церковь одна» (впервые опубликована посмертно, в 1864 г.).

27. Также похищен у меня Польшей. Кошелев взял его к себе в помощники. — Прим. И. С. Аксакова.

поразило прошлого года в разговоре с Американцем, мудреное имя которого я забыл (Baleigh или что-то в этом вкусе).

Маменька и сестры в Абрамцеве, т. е. в нашей Подмосковной. Я бываю у них каждую неделю, отправляюсь туда, как школьник или чиновник, по Субботам, выдав №. Это довольно удобно, потому что мы всего в 1½ верстах от станции железной дороги (Хотьковской). Маменька здорова, но очень грустит, очень скучает.

Ну а Вас нескоро дожدهмся в Москву, я думаю. Вы не можете себе вообразить, как пуста теперь Москва. Я совершенно одинок. Прощайте, Графиня.

Преданный Вам

Ив. Аксаков

30 Июля

1864 г.

Москва

V

<22 октября 1867 г.>

Благодарю Вас от всей души, Графиня. К моей радости и к изумлению, Анна не только вне опасности, но и вообще провела ночь очень порядочно. Трудно этому поверить, когда вспомнишь страдания 80 часов и мучения операции²⁸. Но жена выказала энергию необычайную как физической, так и нравственной своей природы. Не знаю, что будет дальше, но в виду мертвого ребенка (она ни на минуту не теряла сознания) она даже и не выразила ни ропота, ни жалобы, а испугавшись своего горя и его победы над нею, тотчас же призвала священника, исповедалась и причастилась и стала разом на почву должную. Дай Бог на ней и удержаться, но теперь это помогает выздоровлению. Ребенок был просто великан, не то что недоношенный, а переносенный и перерослый.

Весь ваш Ив. Ак.

Воскр.

VI

<22 или 29 октября 1867²⁹>

Жена просит меня написать Вам, любезнейшая Графиня, что ей было бы очень приятно Вас видеть, если только Ваше здоровье позволяет Вам выдержать поездку. Она поправляется, но медленно. Хотел сам лично быть у Вас, но никак не успеваю.

Преданно Ваш

Ив. Аксаков.

Воскрес. 12 ночи.

28. 21 октября 1867 г. Анна Федоровна родила мертвого ребенка. В письме М. Ф. Раевскому Аксаков от 22 октября сообщал: «Родился мальчик, совсем сформированный, 15 вершков, но мертвый, умерший от продолжительности мук» (Мотин, 2013а: 76–77).

29. Письмо датируется предположительно, по связи с предыдущим.

VII

<конец мая — начало июня 1877 г.>

Как мне дороги Ваш привет, многоуважаемая Графиня, и Ваш отзыв о моем послании к Ригеру³⁰. Мне еще не известно, какое впечатление он произвел в публике: Москва пуста и в газетах о нем пока еще не говорят — верно, будут бранить. Но всего интереснее знать, как отнесутся к нему в Праге. Может быть, на некоторых он подействует в смысле невыгодном для нас и охладит сочувствие к России. Этого бояться нечего, это пусть и будет пробным камнем — сколько лежит правды во всех Чешских демонстрациях. Хотя Ригера и потянули было к суду, но по последним известиям, прокурор не нашел поводов к обвинению и суд не состоялся.

Мы непременно с благодарностью воспользуемся Вашим приглашением. Но до 6 Июня исполнить это невозможно — жду со дня на день Черняева, который будет в Москве проездом на Кавказ³¹, и должен передать ему саблю от Чехов, а Анна Федоровна ждет свою *belle-mere*³², которая также должна проехать через Москву около 6-го. От 6-го до 13-го Июня для Вас неудобно — и так наш приезд к Вам может состояться после 13-го. Мы предполагаем приехать к Вам на лошадях: это будет гораздо проще, тем более что на нашем Кунцовском полустанке почтовые поезда <sic!> не останавливаются, а пассажирский поезд проходит в неудобный час. Поехать же в Москву только для того, чтобы отправиться оттуда по железной дороге — возьмет столько же времени, сколько нужно, чтобы доехать до Вас. От нас до Измайлова будет не больше 13 верст, из которых верст 10 по шоссе. Впрочем, до 13 Июня мы еще спишемся.

К великому нашему удовольствию, Катерина Федоровна уехала наконец вчера с Д<митрием> Ивановичем к себе в деревню. Ей так нужен был отдых после усиленных занятий в Складе³³. Надеюсь в Июле навестить и ее. Нынешнее лето мне посвободнее, чем в прошлом году.

Преданный Вам душою

Ив. Аксаков.

Анна Федоровна Вам от всего сердца кланяется.

30. Речь идет об «Ответе И. С. Аксакова на послание к нему д-ра Фр. Лад. Ригера <от 3 мая 1877 г.>», под каковым заглавием он опубликован в Собрании сочинений: Аксаков, 1886: 308–315. Оригинал хранится: ИРЛИ Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 57.

31. *Черняев Михаил Григорьевич* (1828–1898) — русский генерал, командующий сербской армией в войне 1876 г. против Порты, после неудачных военных действий и заключения перемирия отправился в Австрию (в Чехию), которую был вынужден покинуть по настояниям австрийского правительства, справедливо усмотревшего в его деятельности «панславистскую пропаганду». После начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. вновь поступил на военную службу, но назначения не получил — затем отправился в действующую армию на Кавказ (но и там остался без назначения). Новый карьерный взлет приходится уже на царствование Александра III, назначившего его в 1882 г. туркестанским генерал-губернатором, однако конфликты (в частности, с Сенатом) привели его к отставке в 1884 г.

32. *Belle-mere* — мачеха (*фр.*). Речь идет о баронессе *Эрнестине Пфэффель* (нем.: Ernestine von Pfeffel; 1810–1894), в первом браке баронесса Дёрнберг, вторая жена Федора Ивановича Тютчева.

33. Имеется в виду Склад Московского Славянского благотворительного комитета (общества), через который осуществлялось снабжение добровольцев и помощь сербам, черногорцам и болгарам. В его работе деятельное участие принимала К. Ф. Тютчева.

VIII

<11 Июля 1877 г.>

Посылаю Вам, дорогая Графиня, письмо Кн. Черкасского, присланное мне Княгинею³⁴, а кстати и ее письмецо, из которого Вы увидите, куда следует его переслать. Вот какой великой исторической деятельности сподобился Черкасский³⁵, и я надеюсь, что значение переживаемых им минут, впечатления им испытываемые, сила и разум совершающихся событий направят, настроят, вразумят его мысли и волю в духе исторической истины. О деятельности его гораздо более пишут иностранцы, и все сведения о нем я почерпаю из того, что перепечатывается Петерб<ургскими> Газетами из Немецких и Английских.

Вот куда мы шагнули — почти в Филипполь и Адрианополь... Если что еще страшно, так только то, что весь этот результат добыт почти без выстрела, без разбития неприятельской армии... Но зато на Кавказе много позора и еще больше кровавых потерь.

Мы еще не ездили в Варварино, к Екат<ерине> Федоровне³⁶, — потому что Анна Федоровна все хворает, но теперь ей лучше и, может быть, мы съездим к концу Июля. Недавно я переслал Дм. Федоровичу³⁷ корректуру 1-го листа II Тома³⁸ с некоторыми моими замечаниями. Он ошибся в своих примечаниях относительно времени прибытия Юрия Федоровича в Киев на службу, означая это время концом 1848 года. Это было не в 1848 г., а или в самом начале 1850 г., или же в конце 1849-го. В Январе 1849-го он сидел в Крепости³⁹ — кажется, до конца Апреля пребывал в Москве — потом отправился в Симбирск, и уже оттуда переведен в Киев, но когда именно, не помню: все же месяца четыре он пробыл в Симбирске.

Заметка же о Мицкевиче, написанная карандашом на обертке Книги, — вещь превосходная и стоит любой статьи. Я очень рад, что Дм<итрий> Ф<едорович> ее

34. Т. е. княгиней Е. А. Черкасской.

35. Кн. В. А. Черкасский во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был уполномоченным при действующей армии от центрального управления Общества Красного Креста. Как заведующий гражданским управлением Болгарии, занимался устройством гражданской администрации на оккупированной территории; вводил сельское, городское и земское самоуправление, подготовленная им записка была одобрена Императором и легла в основу Конституции Болгарии 1879 г.

36. *Тютчева Екатерина Федоровна* (1835–1882), младшая из дочерей Ф. И. Тютчева от первого брака, сестра Анны Федоровны, жены И. С. Аксакова. П. А. Бартенев писал в некрологе: «Основательное, многостороннее образование, при полном отсутствии педантизма, живая прелесть ума, крепкого и цельного, но в то же время изящно-женского, сообщали необыкновенную привлекательность ее беседе. Лучшие произведения всех веков и образованных народов были ей близко знакомы, и предметы политики, словесности, истории, богословия занимали ее постоянно» (РА, 1882, № 2. С. 560).

37. *Самарин Дмитрий Федорович* (1827–1901) — брат Ю. Ф. Самарина, земский деятель, сотрудник изданий деятельный сотрудник изданий И. С. Аксакова.

38. Имеется в виду издание: Самарин, 1878.

39. Память несколько подвела И. С. Аксакова — арестован и заключен в Петропавловскую крепость Ю.Ф. Самарин был 5 марта 1849 г., причиной чему послужило распространение в петербургском обществе «Писем из Риги». См. подробнее: Самарин, 1889: L–СХХХ.

отыскал, и нахожу, что ее следует непременно напечатать⁴⁰. Она совершенно современна и крупнее всего, что им было высказано о Польше.

Я еще надеюсь повидаться с Вами в Измайлове.

Преданно Ваш

Ив. Аксаков.

11 Июля

—

77.

Моя храбрая матушка в Одессе и радуется, что ближе к театру войны!

IX

<21 Июня 1878>

Завтра, дорогая Марья Федоровна, будет заседание Славянского Общества, и буду я держать речь по случаю нынешних обстоятельств. Завтра, т. е. 22 Июня, в час полудни, в доме Беланиного, на Молчановке. Так как публики предвидится мало, то оно будет проходить в самом помещении Слав. Общества. Приятно мне было бы видеть Вас в числе слушателей. Во всяком случае до свидания⁴¹.

Ваш душою Ив. Аксаков.

21 Июля.

От Д<митрия> Ф<едоровича> не имею ни слуху ни духу.

X

<11 Июля 1878 г.>

Спешу довести до Вашего сведения, дорогая Марья Федоровна, что дня три тому назад, через Генерал-Губернатора, объявлен был от имени Государя «Высочайший строгий выговор». Я было очень обрадовался такому благополучному исходу и видел в этом хороший признак. Но сегодня (11 Июля) получено и объявлено новое Высочайшее Повеление: «немедленно отрешить меня от должности Председателя Москов<ского> Славянского Общества»... Это уже очень дурной симптом — и произведет негативное впечатление на Славян, особенно на Болгар. Вероятно, придется

40. Заметка Ю. Ф. Самарина, озаглавленная «По поводу книги *L'eglise officielle et le messianisme par Adam Mickewicz*», была опубликована Д. Ф. Самариным в 1-м томе Собрания сочинений брата: Самарин, 1877: 351–352.

41. Речь идет о знаменитой речи И. С. Аксакова, произнесенной в Московском Славянском обществе 22 июня 1878 г. с протестом на планирующиеся решения Берлинского конгресса, в первую очередь на планы разделения Болгарии на княжество и Восточную Румелию (под властью особого губернатора).

Публики, действительно, было немного: в письме к М. С. и Е. А. Томашевским от 24 июня 1878 г. Аксаков пишет, что «в Собрании было человек 50, не больше» (ИРЛИ Ф. 3. Оп. 2. Ед.хр. 56, л. 1), а Г. П. Галагану сообщает: «на заседании, по случаю лета, было не больше 40 человек» (ИРЛИ Ф. 3 Оп. 2. Ед.хр. 11, л. 106; письмо от 23 августа 1878 г.).

передать должность Н. А. Попову. Впрочем, в Пятницу мы совещаемся в Совете. Последовало и еще ограничение прав Слав<янского> Общества: велено денежные суммы за границу не пересылать самим, а препровождать их в М<инистерст>во Ин. Дел для отсылки!.. Это значит, что решились идти по пути Конгресса!.. До свидания

Ваш душою Ив. Акс.

11 Июля вечером

78

XI

<24 Июля 1878 г.>

Дорогая Графиня. Вчера курьер прискакал в Волынское, вызвал меня к Долгорукову⁴². Ночью получена была телеграмма: «Выс<очайше> повелено обязать меня подпискою немедленно выехать из Москвы в свое имение, где и оставаться впредь до особого распоряжения». Именья мои и жены распроданы. Я дал подписку, что «выеду в имение кого-либо из родственников или близких людей»⁴³. Мы желали было ехать в

42. Долгоруков Владимир Андреевич, князь (1810–1891) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, московский градоначальник, московский генерал-губернатор в 1865–1891 годах.

Отношение Аксакова к кн. Долгорукову в это время вполне характеризует письмо к брату, Григорию Сергеевичу от 15 апреля 1879 г. с описанием юбилея генерал-губернатора: «<...> Москве, настоящей народной Москве не дано было принять участие в торжестве приема Царя, избавившегося чудесным образом от пули пяти пуль, а за то ей предоставлен был полный простор праздновать... юбилей Долгорукова. С раннего утра загородили для простых извозчиков переулки, ведущие к Тверской, и торжество было такое, какого не удостаивался ни Веллингтон в Англии, да и ни один государственный знаменитый муж в истории. Подарков нанесено не на одну сотню тысяч. Это что-то совсем новое: получать подарки, состоя на службе, от подчиненных и подведомственных. Например, от трактирщиков массивного серебра позолоченный полный чайный сервиз, от жидов библия в переплете с драгоценными камнями — тысяч, говорят, до 20 рублей ценою!.. Флаги на Тверской, иллюминация! Я, конечно, не участвовал и даже отказался подписать адрес Миссионерского Общества, ни малейшего отношения к Генерал-Губернатору не имеющего. Кроме того, что мне не хотелось участвовать в этой повальной пошлости, я считаю Долгорукова главным, хотя и тайным виновником разгрома Моск<овского> Славянского общества. Вчера один господин, встречаясь со мною на улице, говорил мне: “Если Москва так празднует и чествует юбилей Долгорукова, как же бы она будет праздновать государственного мужа с действительными, крупными заслугами перед Отечеством?” “Никак, — отвечал я ему. — Крупные заслуги меньше всего оцениваются массою и меньше всего получают возмездие”. Недалеко ходить: в Москве состоит корпусным Командиром старик Ганецкий, остановивший напад<ение> Осман-паши в последний день Плевны: Москва даже стакана не подарила ему... Мне известно, что старообрядцы терпеть не могут Долгорукова, он дурно с ними обращается, а между тем поднесли ему подарок ценою в 5000 рублей!

Что это все за мерзость! Вот на что растрачиваются деньги, время и силы!» (ИРЛИ Ф. 3 Оп. 16. Ед. хр. 15, лл. 450б–460б)

43. Черновик подписки, данной Аксаковым, сохранился; приводим его вместе с авторской правкой: «Я, нижеподписавшийся, согласно объявленному мне его Сиятельством, Московским Генерал-Губернатором, Князем Долгоруковым Высочайшему повелению, обязуюсь <вписано над строкой, чер-

имение Ив<ана> Фед<оровича> Тютчева⁴⁴, Овстуг⁴⁵, где никто не живет, Оловск<ой> губ<ернии> Брянского уезда, 17 верст от Орлов<ско>-Витеб<ской> ж<елезной> дороги. Вечером в-это я передал об этом заявлении Долгорукову, выговоря себе крайний срок отъезда — Среду. Между тем ночью пришла телеграмма о том, что Овстуг не обитаем, — все разрушено. Приходится переводиться за Волгу, в имение брата⁴⁶. Это не совсем желательно во многих отношениях. По совету Китти⁴⁷ решаюсь обратиться к Вам — не разрешите ли Вы нам жить на первое время в Рождественском, конечно, только пользуясь комнатами и мебелью, не больше⁴⁸. Не знаю, надолго ли эта высылка? Может быть, впоследствии можно будет перебраться в другое место, но теперь надо в Среду уже выехать. Можете представить, сколько возни и хлопот!..

Не знаю, здесь ли Вы? Китти сегодня в с почтов<ым> поездом уехала в П<етер>бург и оттуда за границу. Ее здоровье лучше. Анна Фед<оровна> здесь и до 4½ дома. Я же в хлопотах, но если Вы у себя, черкните словечка два с посланным, я буду в Банке⁴⁹ до 4 часа.

Весь Ваш

Ив. Ак.

24 Июля.

нилами: немедленно> отправиться в имение кого-либо из моих родственников <вписано над строкой синим карандашом: или близких людей> по соглашению с ними, <вписано над строкой синим карандашом: где и оставаться вплоть до особого распоряжения>, так как ~~собственные мои имения проданы, равно и имение моей жены~~ <вписано над строкой синим карандашом: в настоящее время нет ни у меня собственного имения, ни у моей жены>. О том же, какое имение и где ~~именно~~ будет избрано мною, я немедленно доведу до сведения Его Сиятельства.

Надворный Советник Иван Аксаков.

Июля 23 1878 г.» (ИРЛИ Ф. 3. Оп. 2. Ед.хр. 56, л. 7)

44. *Тютчев Иван Федорович* (1846–1909) — младший сын Ф. И. Тютчева от второго брака (с Эрнестиной Пфедфель). Окончил Императорское училище правоведения (1867), поступил на службу в VI департамент Сената (московский). В следующем году перешел в Смоленскую палату уголовного и гражданского суда, затем служил товарищем прокурора Смоленского окружного суда (1870) и членом Московского окружного суда (1872). Был мировым судьей в Дмитровском уезде Московской губернии (1875–1888), участковым мировым судьей в Москве (1875–1904) и почетным мировым судьей Москвы (1890–1907). Занимался публицистикой, сотрудничал в газете И. С. Аксакова «Русь». Имел придворный чин гофмейстера.

45. *Овстуг* — усадьба дворянского рода Тютчевых на берегу речки Овстуженки, в одноименном селе (Жуковский район Брянской области). В пореформенный период была фактически заброшена, господский дом разобран в начале XX в.

46. *Аксаков Григорий Сергеевич* (1820–1891), в 1852–1853 гг. — оренбургский вице-губернатор; в 1855–1858 гг. — самарский вице-губернатор; [в 1858–1859 гг. — член от правительства в Оренбургском дворянском комитете по устройству быта помещичьих крестьян]; с 1864 г. — оренбургский губернатор, с 1867 г. — самарский губернатор. В 1884–1891 гг. — предводитель самарского дворянства. Во время года 1873 и 1880 годов лично занимался оказанием помощи крестьянам.

47. Т. е. Е. Ф. Тютчевой.

48. В оригинале подчеркнуто 4 чертами, первая проведена три раза.

49. И. С. Аксаков, после Ф. И. Чижова, был избран председателем правления Общества взаимного кредита, на каковом посту и пребывал до самой смерти, многократно сетуя на обременительность обязанностей, которые был вынужден нести, не имея других средств к существованию.

XII

С. Варварино

9 Авг. 78.

Вот уж и дней 10 прошло нашему пребыванию здесь, дорогая Графиня. Не знаю, что будет позднее, когда начнется осень, разденется вся эта прекрасная местность и оденется в смурый и хмурый видом кафтан, а потом и в снежную шубу, но покуда это истинно прекрасный уголок, и я не могу попрекнуть Е<катерину> Ф<едровну>⁵⁰ в пристрастии к своему Варварину. Сад, благоухающий весь цветами, очень изящен, но и очень невелик, — так же и дом — небольшой, хотя замечательно удобный и уютный, притом милый и щеголеватый, и из этого — украшенного, цветочного, ароматического, простого и незатейливого, но изящного и щеголеватого приюта, как из рамки, виды в даль и в ширь бесконечную, с селами и церквями, с нивами и лугами, а на ближайшем плане — довольно широкая река Колокша, семью излучинами вьющаяся по зеленой долине... Вообще местность здесь очень гористая; это красиво, но для прогулок неудобно. Рощи — лесов больших здесь нет — расположены все по оврагам и скатам, все — чернолесье, дубы, вязы, редко береза, орешник. Но уж какой мир, какая тишина! Такая, о которой Вы и понятия не имеете. Село — дворов каких-нибудь 50 или 60 — примыкает вплоть к саду, так что от балкона до улицы нет и ста шагов, но его не слышать: нет ни кабака, ни собак, народ умный — Владимирцы — но все хлебопашцы (здесь земля черноземная, и сеют пшеницу). Фабрик в окрестности близко нет, нет ни соседей близких. Из городских жителей со мной еще никто не познакомился... Этот мир для меня очень кстати.

Вообще — я ведь человек старосветский, т. е. принадлежащий к поколению, воспитанному на любви к природе и на эстетике. Луна, ея сияние ночью — каюсь — сохраняет для меня и до сих пор неотразимую прелесть. Этого даже не поймут или, пожалуй, осмеют теперь воспитанники наших классических гимназий. Как бы то ни было, но изящество тишины производит на меня самое благотворное действие, и красивая безмятежность этого сельского, нашего Русского простора облегчает жизнь.

Вообще лично в глубине души я нисколько не злобствую и совершенно тих; только когда отнесусь извне, как посторонний к бесправию и грубому насилию, надо мной совершенному, — тогда только возмущаюсь. И всего возмутительнее, что не объявили и не объявляют причины. Теперь Дарья Ф<едоровна>⁵¹ и Е<катерина> Ф<едровна> живут в Царском⁵² и имели бы, кажется, возможность узнать, но обе утверждают, что причина держится в секрете, и по всей вероятности дипломатическая. Говорят, что

50. Т. е. Е. Ф. Тютчеву, которой принадлежало с 1873 г. имение Варварино (во Владимирской губернии), где она основала школу и амбулаторию (была близка по взглядам на народное образование с С. А. Рачинским, чьи письма, посвященные данному предмету, публиковались в «Руси» И. С. Аксакова).

51. *Тютчева Дарья Федоровна* (1834–1903) — дочь Ф. И. Тютчева, сестра Анны Федоровны, жены И. С. Аксакова, камер-фрейлина.

52. Т. е. в Царском Селе, излюбленной летней резиденции Александра II и Марии Федоровны. Сестры Тютчевы были близки ко Двору, по связям отца и в первую очередь по личной близости с императрицей, фрейлинами которой были.

этого требовала Австрия. По правде говоря, это в порядке, в логике вещей. После Берлинского Трактата Правительству нельзя было оставлять Слав<янское> дело в руках того Общества и того человека, которых свежие, очень свежие предания идут наперекор новому направлению в политике. Беконсфильд⁵³ <sic!> в речи на банкете у Лорда-мэра недавно с радостью повестил, что «отныне воинственная (т.е. националистическая) партия в России будет лишена возможности заниматься судьбами Славянства». Австрия, в объяснение встреченного ею в Боснии сопротивления⁵⁴, уверяющая (как это было перепечатано в Моск. Вед.), что «mot d'ordre⁵⁵ был дан из Москвы», обвинят не иного кого, как Моск<овское> Слав<янское> Общество и меня. Ни Общество, ни я — мы тут ни душой, ни телом не виноваты; однако ж действительно перед Конгрессом я получил от боснийских инсургентов на свое имя, адрес, в котором они, указывая на прежние мои речи и их будто бы действие, взывали ко мне о новом слове в их пользу, клянутся, что будут с оружием в руках сопротивляться Австрийскому нашествию и предпочтут смерть или даже Турецкое иго — игу Австрийскому, под которым они неминуемо погибнут духовно. Он написан очень красноречиво, имеет 70 подписей, из которых некоторые по уполномочию от целых отрядов... Я оставил его без ответа, да и как, кому отвечать? Если бы и мог отвечать, я сказал бы то же, что говорил и некоторым нашим членам, что поощрять их боснийцев к сопротивлению — это было бы теперь грешно, потому что у нас и средств нет, и нет за спиной России, еще не вступавшей в войну, — как это было летом 1876 года. С этими Южными Славянами беда. Они еще живут в эпических временах — их не разуверить теперь в силе и значении Славянского общества и в моем личном; я не решился даже прочесть этот адрес не только в Общем собрании, но даже в Совете: так нелепы были возлагаемые ими на меня надежды! Но я помню, что рассказывал о нем между прочим и Е<катерине> Федоровне, указывая именно на то, что подобный адрес прислан по почте — через Австрию!! Становясь на австрийский landpakt⁵⁶, я не могу и винить последнюю, но если последняя пожаловалась, так нашему правительству следовало бы наперед справиться, отвечал ли я.

53. Дизраэли Бенджамин (с 1876 г. граф Биконсфильд; англ. Benjamin Disraeli, 1st Earl of Beaconsfield; 1804–1881) — английский государственный деятель, тори, 40-й и 42-й премьер-министр Великобритании в 1868 г. и с 1874 по 1880 г., член палаты лордов с 1876 г.

54. После завершения Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Босния и Герцеговина номинально были оставлены в составе Османской империи, однако в провинцию были введены австро-венгерские войска и территория оказалась под протекторатом Австро-Венгрии (вплоть до аннексии 1908 г.). При вводе австро-венгерских войск турецкие военные части, ополчение и местное население оказали сопротивление, подавленное в основном в течение трех недель. Напряжённость в дальнейшем сохранилась в некоторых частях провинции (в частности, в Герцеговине); после оккупации началась массовая эмиграция преимущественно мусульманского населения. Однако австро-венгерским властям удалось стабилизировать обстановку и начать социальные и административные реформы.

55. Mot d'ordre — приказ (фр.).

56. Landpakt — закон страны (нем.).

Я знаю, что теперь мое изгнание и закрытие Общества многие объясняют протоколом, это рассказывает теперь и О.Ф. Кошелева⁵⁷ со слов некоторых придворных дам, которых она видела. Но эти дамы ведь ничего не знают и повторяют лишь то, что между про<чим?> счел возможным пустить в ход покойный Мезенцев⁵⁸. За протокол я отвечать не могу, а может отвечать Нил Попов⁵⁹, который его писал как председатель; он же подписал и бумагу, ко при которой сообщил копию с протокола Долгорукову. В этом заседании Совета председательствовал уже не я, а Нил Попов, и я из деликатности даже не вмешивался в Редакцию Протокола, так что и не обратил внимания на его редакцию. Редакция же действительно составлена была очень неловко⁶⁰.

Весьма возможно, что упомянутые придворные дамы выражали мнение, что напрасно Д<олгоруко>в поторопился, что напрасно не было просьб от некоторых членов Общ<ест>ва, что произнесено было имя «Басилея». Но ведь вся эта история произведена скрытно от женской половины, и не случайно, а весьма сознательно. Трудно даже обвинить Долгорукова, когда три бумаги к нему последовали одна за другою, из которых две я сам читал, а третья, в форме телеграммы, была мне им передана. Во всех требовалось совершить закрытие и ликвидацию — «немедленно», «в

57. Кошелева Ольга Федоровна (урожд. Петрово-Солово, 1816–1893), замужем за А. И. Кошелевым с 1835 г., после его смерти издала в Германии (дабы избежать цензурных ограничений) «Записки» покойного с приложениями. Отличалась, по крайней мере в 1850-е годы, некоторым неумеренным «бытовым» славянофильством (см. переписку, частично опубликованную: Колюпанов, 1892; также примечания и комментарии Т. Ф. Пирожковой в издании: Кошелев, 2002).

58. Мезенцев Николай Владимирович (1827–1878) — начальник III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, шеф Отдельного корпуса жандармов. Был убит на Михайловской площади в Петербурге С. М. Кравчинским (членом народофильской террористической организации).

Громкое убийство Мезенцева в самом центре Петербурга и притом на виду у нескольких жандармов — было, разумеется, предметом горячего обсуждения в это время. В письме к сестре, М. С. Тхоржевской, и ее мужу Егору Анатольевичу Аксаков непосредственно соотнесет свое положение и убийство Мезенцева, тем более что последний по должности имел прямое отношение к высылке Аксакова из Москвы: Что за ужас это убийство Мезенцева среди бела дня, около самого Невского в Петербурге! Ни души — полицейской кругом, — когда до 12 полицейских чиновников, в том числе и переодетые (напр<имер>, Ловягин) участвовали при моих проводах на жел<езной> дороге; четверо городских стояли у нашего дома до самого отъезда Анны и записывали приезжающих; и когда Анна поехала в Волынское проститься с Приютом, так сзади коляски в Волынское трясся на извозчике и полицейский офицер. Меня разоряют, ссылают, а тут упускают убийц!..» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед.хр. 56, лл. 11–110б), а в письме к Г. П. Галагану от 23 августа 1878 г. восклицал: «Мезенцов проглядел собственных убийц, а был одушевлен страхом Славянофилов! Да еще как! как возмущался Моск<овским> Слав<янский> Обществом!..» (ИРЛИ Ф. 3 Оп. 2. Ед.хр. 11, л. 4).

59. Попов Нил Александрович (1833–1891) — русский историк, славист, архивист, член-корреспондент Петербургской АН (1883). Был товарищем председателя Московского Славянского общества, после удаления Аксакова от должности временно исполнял обязанности председателя.

60. Но Н. Попову не было даже и замечания, сколько я знаю. Стало быть, странно карать меня за протокол. — Прим. И. С. Аксакова.

кратчайший срок» и притом как можно тише. Если кого тут можно обвинить, так Нила Попова, который усердно улаживал все трудности к закрытию⁶¹.

Я очень рад, что Ольге Федоровне удалась ее поездка, и она была права, что поехала, очень рад также, что выше придворных дам она не могла иметь объяснение. Пришлось бы тогда неминуемо коснуться самого Слав<янского> Общества и меня, во входе ли заступничества или отступничества, что во всяком случае было бы нежелательно... Я должен сознаться, что еще за четыре дня до ее поездки, возмущенный усердием Попова, и скрытностью ликвидации, и озабочиваясь участью как мальчиков, так и девочек, я с оказией послал горячее письмо к одной известной Вам, близкой мне особе, только что перед тем отправившейся в Петербург, очень умной и очень дельной, как Вы знаете, с целью заинтересовать, через общего нашего приятеля П<обедоносцева>, некоторую часть мерзкого персонала в судьбе Слав<янского> Общ<ест>ва, но преимущественно учащихя обоего пола⁶². Заинтересовать не уда-

61. Анна Федоровна Аксакова описала ретроспективно события тех дней и роль Н. А. Попова следующим образом: «14-го <июля> был созван совет комитета и принято освобождение моего мужа от полномочий председателя, и временно они были возложены на его помощника — Попова.

Я не могу точно передать, что там произошло. Протокол заседания по оплошности либо по злому умыслу был так двусмысленно отредактирован, что послужил поводом для недоброжелателей усмотреть в нем неприличную выходку Славянского общества, тем более что в нем содержались выражения от лица общества благодарности моему мужу за его деятельность на посту председателя. Попов и несколько других членов комитета Славянского общества уже давно были недовольны моим мужем. Не удивлюсь, если эти господа потихоньку делали все, чтобы добиться закрытия общества и устранения моего мужа, потому что они понимали, что пока во главе общества будет мой муж, член комитета, живущий в Москве, в том же доме, где помещается Славянский комитет, его влияние будет неизменным и он всегда будет центром и душой общества. Так что, возможно, протокол был отредактирован именно с такой задней мыслью, чтобы отстранить от дел моего мужа и вызвать закрытие общества. Так оно и случилось, но верных доказательств относительно виновников у меня нет.

Муж вернулся в Волынское немного расстроенный. Он сказал, что самым тяжелым в заседании было для него выслушивать банальные выражения благодарности от Попова, те самые, которые потом ему же поставили в вину. <...>

Попов с величайшим усердием принялся за ликвидацию общества. В мгновение ока все бумаги были вынуты из шкафов, беспорядочно сложены в ящики и отправлены в московские архивы. Трех дней хватило, чтобы все было развеяно, а мебель продана с молотка. Среди всего этого хаоса мелькали испуганные лица болгар и сербов, в ужасе приходивших справляться о том, что же случилось. <...>

Попов исполнил то, чего от него ждали, с усердием лакея, а русское общество и в этом случае, как и во многих других, доказало, что оно довольно существующим режимом и вполне его заслуживает» (Тютчева, 2008: 546, 550–551).

62. Во многом именно заботой о юношах и девушках, находившихся на попечении Московского Славянского общества, И. С. Аксаков после дозволения вернуться в Москву пытался мотивировать восстановление Общества перед властями. В письме к П. Н. Батюшкову от 26 февраля 1879 г. Аксаков набрасывает примерный текст записки для своего корреспондента, которого он предлагал в председатели восстановленного Общества (ввиду явной невозможности для властей после всего происшедшего собственной кандидатуры):

«Возобновление общественного в Москве органа, служащего посредником между заграничными, преимущественно Южными Славянами и Русским обществом, становится неотложною потребностью.

По упразднении Московского Славянского Благотворительного общества, осталось одних воспитанников-Славян более 120. Из них 50 мужского пола более или менее обеспечены в существовании своем до окончания курса из сумм Славянского общества, переданных в подлежащие ученые учреждения; но этих стипендий недостаточно для удовлетворения случайных вопиющих нужд, претерпеваемых сими воспитанниками, — всегда в прежнее время предупреждаемых или удовлетворяемых бывшим Московским Славянским обществом. Так, многие из сих воспитанников, уроженцы теплых стран, не выдерживают суровости нашего климата и заболевают: им нужны средства для лечения или для возвращения на родину, — но откуда же добыть им этих средств и к кому обратиться? Лучшие ученики, обещающие стать полезными деятелями для своей родины, нуждаются в книгах, инструментах, учебных пособиях, которых нельзя приобрести из 25 рублей, получаемых ими в месяцы, в виде стипендии из Университета, или 15 рублей, выдаваемых Семинарей.

Кроме того, необходим постоянный ближайший надзор за всеми этими молодыми людьми: надзор за их учением, поведением и внешними условиями жизни; последнее особенно важно для них как для чужестранцев, незнакомых с особенностями столичного русского быта, способных легко подвергнуться всяким обманам и соблазнам. Надзор за успехами представляет также немалую важность: те, которые оказываются вовсе не способными учиться с успехом, могли бы и должны бы быть возвращены на родину, а деньги, употребляемые на них, послужили бы, таким образом, на воспитание более даровитых.

В таком почти положении обретаются и девицы — Юго-Славянки. Правда, попечение о них возложено на одну из Московских дам, но она одна, без помощниц и без правильной организации всего дела, не в состоянии, при всех своих стараниях, иметь надзор за 72 девочками и девицами, разсеянными по разным заведениям, монастырям и приютам — и даже не обеспеченными в денежных средствах, так как сумм, отчисленных на воспитание сего числа Славянок, недостаточно для уплаты за полный курс их учения. А между тем их уже не 72 в настоящее время, а 84...

Об упразднении Московского Славянского общества не дозволено было публиковать в газетах, и хотя, по слухам, велено было нашим консулам задерживать на месте и не пускать в Россию юных Славян, стремящихся получить образование не в Вене, Берлине или Париже, а именно в России, однако ж эта мера оказалась безуспешною.

Девочки и молодые люди не перестают прибывать, в полной уверенности, что Славянское Благотворительное общество существует и в Москве, подобно тому, как оно существует в Одессе, Киеве и Петербурге. Они обращаются к бывшим членам бывшего Общества, но кроме того, что последние не всегда располагают достаточными личными средствами для удовлетворения подобных требований, самое размещение их сопряжено с хлопотами и условиями, слишком затруднительными для частных лиц, действующих порознь, а не совокупно, в виде организованного общества. Поэтому не редкость видеть в Москве молодых людей из Славян, ходящих по домам и просящих даже не воспитания, а настоящего хлеба и средств возвратиться на родину из негостеприимной Москвы.

Но не одни молодые люди и не с одними просьбами о воспитании продолжают осаждать бывших членов Московского Славянского общества. Черногория молит о хлебе, Болгария вопиет о восстановлении богослужения в храмах, об облачениях и утварях, она же и Сербия просят русских учебников и книг... Моления, ходатайства, просьбы по-прежнему устремляются в Москву, имя которой известнее Славянскому миру, чем имена прочих городов, — и никаким объяснениям, что в Москве Общества уже не существует и средств для помощи не имеется, не дается веры.

А между тем средства бы, несомненно, нашлись, если б был какой-либо центральный общественный орган с исключительной целью благотворения Славянам. Многие бывшие члены Московского Славянского общества, находящиеся в Москве, получают нередко денежные приношения в пользу Славян, даже в форме прежних членских взносов, — и вынуждены отказывать в приеме оных, дабы не подвергнуться упреку, будто они пытаются негласно восстановить упраздненное Общество.

лось, П<обедоносцев> не решился, но я знаю, что письму моему, по-видимому, против моего ожидания, дан был ход туда, куда стремилась и О<льга> Ф<едоровна>. К счастью, в этом письме о себе я ничего не говорю. Конечно, придворные дамы, гр. Блудова⁶³ и пр. об этом ничего не знали. Тем более кстати был приезд самой Председательницы Дамского Отделения, потому что случилась переписка и дело становилось сейчас на легальную, практическую почву.

КиКу⁶⁴ в Царском Селе, Средняя Улица, дача №10, лечится очень серьезно у Красовского, который признает ее болезнь серьезною, но совсем не тою, как думал Боков⁶⁵.

Вот какое длинное, на досуге, написал я Вам письмо, дорогая и глубокоуважаемая Графиня. Написал отсюда большое письмо к Дм<итрию> Фед<оровичу>, в ответ на письмо, адресованное им еще в Москву, а на днях получил от него письмецо, уже адресованное в Варварино.

Дней через 10 ожидаю сюда к себе брата Григ<ория> Сергеевича.

Прощайте, целую ручки Ваши

Ваш душою

Ив. Акс.

Анна Фед<оровна> только теперь вполне почувствовала меру своего утомления. Возбуждению нервов настала реакция, и она — как осенняя <1 сл. нрзб.>. Поэтому только она сама Вам сегодня не писала, но сердечно благодарит Вас за Анну Заметчинскую. Тут вышло недоразумение. В Александр<овский> Институт⁶⁶ действитель-

Итак, с одной стороны — вопиющие нужды и мольбы о помощи; с другой — полная готовность удовлетворить нужды и оказать помощь: недостает только посредствующего органа.

Если Устав, утвержденный Правительством и преподанный в руководство славянским благотворительным обществам Одессы, Киева и С.-Петербурга, — признается вполне соответствующим видам Правительства, почему же этот Устав не может иметь такой же благодетельной силы и в первопрестольном городе Российской империи, Москве?» (ИРЛИ Ф. 3 Оп. 2. Ед.хр. 3, лл. 6–10).

63. *Блудова Антонина Дмитриевна*, графиня (1813–1891), дочь графа (с 1842) Д. Н. Блудова (1785–1864). Состояла при дворе, в 1863 г. став камер-фрейлиной, пользовалась значительным влиянием при дворе (несколько уменьшившись по кончине отца). Принимала большое участие в благотворительных организациях и акциях, имевших своей целью поддержку православия в западных губерниях. Переписка И. С. Аксакова с гр. А. Д. Блудовой опубликована: Аксаков, 1896.

64. Т. е. Е. Ф. Тютчева.

65. *Боков* — известный московский врач, его приглашал и Аксаков во время тяжелой болезни Анны Федоровны в январе 1883 г. (см. письмо М. С. и Е.хА. Тхоржевским от 20 января 1883, ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед.хр. 56, лл. 370б–38), он же лечил И. С. Аксакова в 1885 г., когда у него случился тяжелый сердечный приступ, вынудивший на время прекратить издание газеты «Русь».

66. *Московский Александровский институт* — образовательно-воспитательное женское учреждение в Москве. В 1804 г. при Московском Екатерининском училище благородных девиц было создано отделение для девиц недворянских сословий — дочерей обер-офицеров, мещан и прочих. С декабря 1807 г. оно стало именоваться Александровским. Учреждение мещанского училища преследовало две основные цели: расширить круг лиц, имеющих образование вообще, и лиц, воспитанных в заведениях императрицы Марии Федоровны. С 1842 г. отделение выделили в самостоятельное мещанское училище, которое с 1891 г. было преобразовано в Александровский женский институт.

но велено принять Анну, но не Заметчинскую, а другую, дочь одного священника Московского, тоже Анну, о которой Анна Федоровна просила два года тому назад. Тогда встретилось какое-то препятствие и А<нна> Ф<едоровна> совсем о том забыла. Она вновь написала Делянову⁶⁷, но всего лучше, чтоб девочка поступила теперь уже в Черняевское заведение.

ХIII

27 Авг. На 28-ое

78

С. Варварино

Вы правы, дорогая Марья Федоровна, мир, глушь, красота природы расшевелили в моей душе, казалось, заглохнувшие струны. Вот для первого дебюта послание в стихах к Екат<ерине> Федоровне, которое Вам и посылаю, получив наперед от нее разрешение. Она очень довольна стихами и сама раздает с них копии. Скоро ли Вы ожидаете в Москву Дмитрия Федоровича и можно ли еще успеть написать к нему в Сызрань?

У нас все тихо. Был князь Гагарин (он живет в Владим<ирской> губ<ернии> верст за 100), был мой брат Григорий Сергеевич с сыном, проездом в Киев. Оба могли удостовериться, как действительно труден к нам доступ благодаря сквернейшим дорогам.

Я имею некоторое понятие о статье Ламанского⁶⁸, не знаю только, окончил ли он ее; он читал мне начало еще в Петербурге и рассказывал содержание. Статья обещала быть очень хорошею, и оценка Юрия Федоровича действительно очень верна и тонка. Он стал было печатать в Новом Времени ряд статей о Славянофилах, но почему-то прекратил после двух-трех раз. Это было еще в прошлом году. Но утешительно думать, что в том же смысле и духе преподает он с кафедры. Странно подумать, что именно в Петерб<ургском> Университете это направление почти господствует, по крайней мере я знаю четырех профессоров, очень благотворно действующих на студентов⁶⁹ —

67. Делянов Иван Давыдович, граф (1818–1897) — камергер (1849), статс-секретарь ЕИВ (с 16 апреля 1867 г.), директор Публичной библиотеки в 1861–1882 гг., действительный тайный советник (с 1 января 1873 г.), член Государственного Совета (с 1 января 1874 г.), министр народного просвещения с 16 марта 1882 г. — и до самой смерти. В рассматриваемый период (с 1866 г.) — товарищ министра народного просвещения.

68. Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) — историк, славист, близкий к славянофилам. Наиболее активные контакты с Аксаковым приходятся на конец 1850-х — начало 1860-х гг., публиковался в газете «День», в дальнейшем принимал активное участие в работе славянских комитетов и славянского общества. Переписка В.И. Ламанского с И. С. Аксаковым частично опубликована: Аксаков, Ламанский, 1916а, 1916б, 1917.

69. Противопоставление Московского и Петербургского университетов в плане отношения к славянофильству характерно для Аксакова этого времени. Например, в письме к Г. П. Галагану от 28–29 октября 1878 г. (из Варварина) он пишет о Москве: «Университет никуда не годен. Молодежи кругом нет: она слишком радикальна и мало интересуется реальными, насущными вопросами...» (ИРЛИ. Ф. 3

именно в этом направлении, конечно, не все с равной степенью такта и разумения: это Ламанский, Градовский⁷⁰, Орест Миллер⁷¹ и Бестужев-Рюмин⁷².

Московский Почтамт продолжает добросовестнейшим образом пересылать мне письма, адресованные на мое имя, но как Председателю Слав. Общества. Это все еще письма из Слав<янских> земель, но преимущественно из Южной Болгарии и Македонии: стоны и вопли. «Скажи, Москва, что нам делать, и мы повинуемся Твоему Гласу!» и пр. в таком же роде. Тут есть письма и от Митрополитов, стало быть, сановитых лиц. Но полагаю, что эти писания скоро прекратятся, благодаря иностранной прессе, которая с единодушным злорадством встретила весть о ликвидации Общества и моем изгнании, обзывая Общество *le comite panslaviste revolutionsire*⁷³, и, конечно, теперь довело о том до сведения и Болгарских захолустьев. Меня очень затрудняют эти письма. Что могу я на них ответить! Всё и все увязли в каком-то болоте, из которых мыслью и словом не вылезть.

Многому поучает непосредственное ощущение нашего сельского мира. Тут еще такие непочатые руды всяческой силы и преимущественно силы духовной. Им, этим миром, только и держится Россия. Может хоть опять разбиться в дребезги Государство, как в 1862 году, и опять эта почва возродит его снова... Все эти учения, доктрины нигилистов и социалистов — расстелятся по этому славянскому простору, как дым по степи. Как она хороша, эта Русь, именно тем, что казенная правда никак не влезает в ее душу и не вытесняет в ней закона совести, как это мы видели в Германии, в других странах, где сама душа народа уже отравилась началами внешней, формальной, государственной правды. Кстати, я полагаю, что многие не поймут в стихах моих выражения: звук победной песни, забыв, что на литургии ежедневно возглашается: «победную песнь певце, вопиюще... осанна Вышний».

Вчера получил письмо от Е<катерины> Фед<оровны>⁷⁴, в котором она пишет, что Эдитта Фед<оровна>⁷⁵ привезла ей всю свою переписку с Ю<рием> Ф<едоровичем>⁷⁶,

Оп. 2. Ед. хр. 11, л. 70б), а в письме (от 22 мая 1880 г.) к сестре Марии Сергеевне, в замужестве Томашевской, и ее мужу, Егору Антоновичу, утверждает: «<...> Университет Московский с университетскою молодежью стали истинным гнездом Западничества, тогда как в Петербурге очень сильная партия между профессорами в нашем направлении» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 56, л. 170б).

70. *Градовский Александр Дмитриевич* (1841–1889) — экстраординарный (с 1869) и ординарный (с 1870) профессор права Петербургского университета, известный публицист.

71. *Миллер Орест Федорович* (1833–1889) — известный профессор истории русской литературы Петербургского университета, в дальнейшем принимал деятельное участие в качестве сотрудника газеты И. С. Аксакова «Русь», после смерти Аксакова один из составителей Собрания сочинений покойного (в 7 т., 1886–1887).

72. *Бестужев-Рюмин Константин Николаевич* (1829–1897) — русский историк, один из основателей отечественной школы источниковедения. С 1860-х годов близок к славянофильскому направлению, много сделал для научного признания и популяризации взглядов Н. Я. Данилевского.

73. *Le comite panslaviste revolutionsire* — «панславистским революционным комитетом» (*фр.*).

74. Т. е. Е. Ф. Тютчевой.

75. *Раден Эдитта Федоровна*, баронесса (ум. 1885) — из курляндского дворянства, фрейлина В. К. Елены Павловны, после кончины последней причислена к фрейлинам императрицы.

76. Т. е. Самариним.

и она (Екатерина Федоровна) с увлечением и наслаждением ее читает⁷⁷. Она в восторге от писаний самой Mlle Raden.

Целую Ваши ручки, любезная Графиня. Будьте все-таки осторожны с Маттеелем. Его лекарства сильные и неизвестные яды. Ваш душой Ив. Аксаков.

XIV

5 Окт. 78.

Варварино

Как я рад и счастлив, дорогая Марья Федоровна, если мог хоть неволью своими — кстати подвернувшимися под Ваши глаза — стихами рассеять Ваше недоумение

77. Речь идет о переписке Ю. Ф. Самарина с баронессой Э. Ф. фон Раден. Позднее она была опубликована: Самарин, Раден, 1893. В переписку с Ю. Ф. Самариным выступила в 1861 г., основная часть переписки приходится на 1864–1876 гг.

Аксаков познакомился с этой перепиской в 1876 г., сразу же по кончине Ю. Ф. Самарина. В письме к матери и сестре Софье от 14 мая 1876 г. он пишет: «Дня три-четыре, которые я провел в Петербурге, употребил я почти исключительно на знакомство с письмами Самарина к Э. Ф. Раден, фрейлине В. Кн. Елены Павловны, девушки лет под 50, замечательной по необыкновенному уму и возвышенному христианскому строю духа. Самарин вел с ней переписку в течение 12 лет, преимущественно философско-богословского содержания. Хотя она Протестантка, но Самарин говорил ей неоднократно в письмах, что после Хомякова он ни с кем не вел таких бесед, или на самом деле не был расположен [так — вписано сверху] раскрываться душою в отношении к вопросам религиозным, как с нею. Она дорожит этими письмами как сокровищем, не хочет выпускать их из своих рук и объявила, что передаст права ими воспользоваться только мне. Мы и читали их с нею, и условились, как с ними быть; прежде всего она займется их перепискою, потому что печатать их было бы теперь слишком рано. Письма эти удивительно как хороши, глубоки, важны и дают то понятие о Самарине, которые не дают его напечатанные сочинения и его письма к прочим друзьям (писем его к Хомякову не сбереглось ни одного, как сказал мне Хомяков Дмитрий*), именно понятие не только об его религиозных убеждениях, но и о силе его внутреннего религиозного чувства; он является в них не только стороною ума, во всеоружии несокрушимой логики, но и стороною души, всецело верующей» (ИРЛИ Ф. 3. Оп. 15. Ед. хр. 17, лл. 63–63об).

В некрологе, опубликованном в № 15 «Руси» от 1885 г., Аксаков вновь рассказал об этой переписке: «Она долгое время состояла фрейлиной при покойной Великой Княгине Елене Павловне, любившей, как известно, собирать на своих петербургских вечерах все выдающееся умом, образованием и талантом — ученых, писателей, даровитых людей государственной службы. Там, во дворце Великой Княгини, можно сказать, дебютировали в начале своей карьеры оба Милютины** и иные молодые начинающие деятели, впоследствии сподвижники важных реформ прошлого царствования; там, в эпоху освобождения крестьян и даже раньше, собирались и все подготовители, а потом и главные работники величайшего из преобразований: Самарин, кн. Черкасский и многие другие. Кроме, разумеется, самой Великой Княгини, одним из притягательных центров общества на этих исторических вечерах была Э. Ф. Раден. Она состояла в дружбе с лучшими из посетителей, и в особенности с Ю. Ф. Самариным. После смерти последнего Эдита Федоровна привела в порядок всю свою переписку с ним... Нам удалось прочесть некоторые из писем Самарина: это целые блестящие статьи, поражающие глубиной мысли, меткостью слова и притом согретые тою искренностью, которой обыкновенно лишены сочинения, предназначенные для печати».

* Хомяков Дмитрий Алексеевич (1841–1918) — старший сын А. С. Хомякова.

** «Оба Милютины» — т. е. Николай и Дмитрий Алексеевичи Милютины.

и удержать Вас при Вашем деле. Обязательное внешнее дело — вещь спасительная, — по-видимому, отвлекает, в сущности помогает внутреннему строению человека, отвлекая его от постоянного разбереживания душевных ран, от обессиливающего *grübeln*⁷⁸... Не напоминают ли Вам, и Александре Николаевне Бахметевой⁷⁹ и еще, может быть, некоторым мои стихи то давно прошедшее время, когда поэзия и вообще «эстетика» так много значили в жизни? С ними даже неудобно было бы и выступить в печати в настоящую пору... Я имею некоторый повод думать, что мое возвращение, стало быть, и ~~мое возвращение~~ наше свидание не состоится так скоро, именно потому между прочим, что прямого повода к ссылке не было, что скорое возвращение совершенно бы обессмыслило принятую меру. И в самом деле, если это кара, то она может быть вразумительна и назидательна, когда знаешь за что, а этого именно в настоящем случае и нет; но даже и как кара, удаление в деревню два ~~ме~~«~~сяца~~» или три месяца <вставлено над строкой: лета и> прекрасной осени — едва ли соответствует такому смыслу: это <вставлено над строкой: было бы> не больше как *une villégiature forcée*⁸⁰. Если эта мера предпринята не столько в виде кары, сколько в видах административного удобства или из иных расчетов, так нет причины полагать, что эта мера удобства стала излишнею...

В своих бумагах я нашел стихи, написанные мною в Петербурге, через несколько дней времени после ареста Ю<рия> Федоровича⁸¹ в 1849 г., в Марте месяце — и за несколько дней до моего собственного ареста⁸². Оно озаглавлено: «Ответ на письмо N. N.». Я припоминаю, что был приглашен на какой-то раут или обед или ужин одним из знакомых Юрия Федоровича и нашел неприличным такую затею для приятелей арестованного. Но такая досада, никак не могу припомнить, от кого было приглашение и кому я отвечал! Был ли это граф Дм. Андр. Толстой⁸³, или А. Вл. Веневитинов⁸⁴,

78. Размышления (нем.).

79. Бахметева Александра Николаевна (урожд. Ховрина; 1823/1824–1901) — писательница, почетный член Общества любителей российской словесности. Кроме литературной деятельности заявила себя и как деятельный член отдела Общества любителей духовного просвещения по распространению духовно-нравственных книг (была в числе учредителей этого отдела).

80. Вынужденный отпуск (фр.).

81. Т. е. Самарина.

82. И. С. Аксаков был арестован 18 марта 1849 г. (основанием к чему стали неосторожные выражения, допущенные им в письмах к родным) и освобожден из Петропавловской крепости — после дачи им ответов на вопросные пункты и резолюции императора, адресованной начальнику III Отделения гр. А. Ф. Орлову: «Призови, прочти, вразуми и отпусти» — 22 марта 1849 г.

83. Толстой Дмитрий Андреевич, граф (1823–1889) — русский государственный деятель и историк; член Государственного совета (1866), сенатор, обер-прокурор Св. Синода (1865–1880), министр народного просвещения (1866–1880), министр внутренних дел и шеф жандармов (1882–1889).

Возможно, ошибка памяти или описка — поскольку в Петербурге в 1849 г. он был достаточно близок (по крайней мере для того, чтобы вместе разговеться) с Дмитрием Николаевичем Толстым (1806–1884), чиновником особых поручений при министре внутренних дел, в дальнейшем в 50-е годы губернатор рязанский, калужский, воронежский, с 1861 по 1863 г. директор департамента полиции, в 1876–1879 гг. председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете.

84. Веневитинов Алексей Владимирович (1806–1872) — камергер, действительный статский советник, товарищ министра уделов, брат поэта. Был дружен с А. С. Хомяковым.

или Кн. П. А. Вяземский⁸⁵ <вписано над строкой: или А. О. Смирнова⁸⁶ (едва ли)> — никак не припомню, но в то время (я только что приехал в Петербург из Бессарабии⁸⁷) у меня других знакомых, которые бы могли дать пиры или рауты, никого не было⁸⁸. Конечно, Ю<рий> Ф<едрович> никогда не узнал об этих стихах, потому что

85. *Вяземский Петр Андреевич*, князь (1792–1878) — русский поэт, литературный критик, историк, переводчик, публицист, мемуарист, государственный деятель (с 1855 по 1858 г. — товарищ министра народного просвещения).

86. *Смирнова Александра Осиповна* (урожд. Россет; 1809–1882) — фрейлина императрицы Александры Федоровны. С 1832 г. замужем за Николаем Михайловичем Смирновым (1807–1870). Хомяков, Самарин, Конст. и Ив. Аксаковы были с нею в достаточно близких отношениях, И. С. Аксаков познакомился со Смирновой в 1846 г. в Калуге (где был губернатором ее муж) и поддерживал отношения до самой смерти.

87. В октябре 1848 г., перейдя на службу из Министерства юстиции в Министерство внутренних дел, Аксаков был командирован по распоряжению министра, Льва Алексеевича Перовского, в Бессарабию с секретным поручением по исследованию раскола, откуда он вернулся в Петербург в январе 1849 г.

88. О мыслях и настроении Аксакова того времени, к которому относятся его эпистолярные воспоминания, можно судить по письму к родным из Петербурга от 31 января 1849 г.: «В субботу <т. е. 29 января> Самарин получил записку от Вяземского, где он приглашает его и меня, хоть я у него и не был, к себе на вечер для празднования юбилея Жуковского, по случаю 50-летия его литературной деятельности. Мы отправились и, к удивлению, нашли почти всех в белых галстуках и в орденах: скоро узнали мы, что на этом вечере будет наследник <...>. Тут было множество народу: был Киселев, Блудов и вообще цвет петербург<ских> придворных умов. Приехал наследник, и Блудов прочел стихи Вяземского, на сей случай написанные. Стихи очень плохи. Блудов читал их, беспрестанно прикладывая лорнет к глазам и тряся голос для эффекта. Если б мне не было противно и досадно, мне было бы смешно. Да, я забыл сказать, что все это началось пением „Боже, царя храни“, пели бывшие тут артисты, Оболенские (Дмитрий и Родивон), Бартеньева и некоторые другие дамы; прочие шептали губами из усердия. Когда Блудов читал стихи, то некоторые дамы прослезились, несколько раз раздавался ропот неудержимого восторга из уст этих чопорных фигур в белых галстуках; когда кончилось чтение, то послышались жаркие похвалы и суждения в таком роде: „Отважный юноша, как это хорошо, какая мысль, отважный, как это по-русски“; „Да, да, — повторял другой какой-нибудь граф, не расслышав, — важный, c'est charmant, c'est sublime“!.. <...> После этого пропеты были куплеты стариком Виельгорским; после каждого куплета хор повторял refrain**:

Наш привет ему отраден
И от города Петра
Пусть домчится в Баден-Баден
Наше русское ура!

Надо было видеть, с каким жаром эти белые галстухи кричали: „наше русское ура!“ После этого подан был лист бумаги, на котором все посетители должны были написать свои имена, начиная с наследника. Делать нечего, и я вписал свое имя, только почти предпоследним... Наконец великий князь уехал, и тогда Глинка, музыкант, стал петь разные свои романсы... Это только меня и утешило.

Предоставляю вам судить, что испытал и переживал я в первую половину вечера! <...> Я решительно не хотел сблизиться с этим обществом и ни с кем не познакомился. Карамзины просили Оболенского и Самарина познакомить тут меня с ними; я отказался. Хорошо племя, нечего сказать» (Аксаков, 1988: 462).

* Прелестно, бесподобно (*фр.*). ** Припев (*фр.*).

он уехал из Петербурга, когда я еще сидел в III Отделении⁸⁹, а меня Перовский потом удерживал в Петербурге до конца Апреля. Не помню, был ли он еще в это время в Москве⁹⁰, где я остался дней 10, не больше, проездом в Ярославль — по службе. Я сам об этих стихах совсем забыл! Они не попались при обыске, потому что дня за два до обыска А. О. Смирнова, почему-то беспокоившаяся, что и меня могут арестовать или по крайней мере обыскать, уговорила меня принести к ней на сохранение все мои рукописи, что я и исполнил, оставив у себя только «Бродягу»⁹¹ и несколько писем от родных. Стихи эти, конечно, очень молодые, что называется, «экзальтированные» и, вероятно, заставили весьма пожалть плечами тоже, кто их получил, но выписываю их здесь для Вас, так как Вам это может быть интересно.

N. N.

Ответ на письмо.

Противен смех и говор шумный
 Обычных суетных речей —
 Живой, законной и разумной
 Внезапной скорби наших дней!
 Ужели свет, ярому послушный,
 Не может ныне, равнодушный малодушный,
 Почтить страдание сполна,
 Уважить памятью особой,
 Когда бессмыслицей и злобой
 Святая правда поправа?..

Нет, ковом злым и делом черным
 До дна души возмущены,
 Мы все врагов клеймом позорным
 Клеймить без устали должны.
 Но если в ком души не станет,
 Кто совесть выгодой обманет
 И нищ пред силою падет —
 Тот жди грозы! Тот год от году

89. Ю. Ф. Самарин был отпущен 17 марта 1849 г. и прибыл в Москву 22 марта (Самарин, 1889: CV), в тот же день, когда И. С. Аксакова выпустили из Петропавловской крепости, в Москву же Аксаков (командированный Министерством внутренних дел в Ярославскую губернию) смог выехать только 4 мая.

90. Самарин с 22 марта и до начала августа находился в Москве, ожидая назначения, которое состоялось 3 августа 1849 г. — он был прикомандирован к симбирскому губернатору (со временным оставлением в должности чиновника особых поручений при министре внутренних дел) и прибыл в Симбирск 28 августа (Самарин, 1889: CXXVIII).

91. Поэма И. С. Аксакова, оставшаяся незавершенной. Писалась с 1848 по 1851 г.

Грешные Богу и народу!
И месть обоих призовет!..
Март. Петербург.

1848

Прощайте, целую Ваши ручки.
Сердечно Ваш Ив. Акс.

XV

27 Ноября 1878.

с. Варварино

Теми же словами начну я свой ответ, любезнейшая Марья Федоровна, какими Вы начали Ваше последнее письмо: «темно, неприветливо, серо». Можно прибавить: серо, серо и — говоря о Русской деревне — сиро, потому что нет ничего печальнее Русской деревни в мокрую, грязную осень, в бездорожье, в распутицу: ни на санях, ни на колесах, бедные лошададки изморились... Всегда забывают, сравнивая благосостояние наших крестьян с крестьянами западных стран, сколько первым приходится тратить сил и времени с борьбе с климатом, иметь и одежду, и экипаж и упряжь вдвойне. А потом — одна эта грязь имеет деморализирующее, угнетающее действие на душу...

Не знаю — этой ли грязи приписать и деморализацию Русского общества... Катковские дифирамбы получены были мною одновременно с описанием «Новой резни в Македонии», нами вырванной из Турецкого срама и вновь отданной Туркам на осрамление... Я все ждал — не скажется ли хоть в чем-нибудь настоящая правда народной мысли, народного чувства... Ни в чем. Как будто не пережили мы, не мы сами торжествовали и 20 Октября 1876 г., 12 и 23 Апреля 77 и 19 Февр. 78 года⁹². Точно ни в чем не бывало, все тишь да гладь да Божья благодать... И предание нескольких миллионов христиан опять на резню туркам возводят к добродетелям христианского смирения!! Спасибо хоть Амвросию: у него в речи хоть какой-нибудь намек есть, что остается еще желать кое-чего. Ничего не хочу я иметь общего с этим обществом, и если и возвращусь, так выйду из гласных Думы и Земства.

Я получил II Том Сочинений Ю<рия> Ф<едоровича>⁹³ и полюбовался изданием, и с какою-то гордостью солидарности с автором просмотрел этот памятник упорного труда и упорной думы, столько лет, изо дня в день направленных к одной великой заветной цели. Юрий Федорович говаривал про совершившееся освобождение кре-

92. 20 октября 1876 г. в Москве Александр II произнес речь, в которой выдвинул Порте ультиматум заключить с Сербией перемирие на два месяца (т. н. «московская речь») и предписал произвести частичную мобилизацию. Турция приняла требования Российской империи.

12 апреля 1877 г. — манифест об объявлении войны Турции, 23 апреля 1877 г. император принял в Кремле адреса от московского дворянства и городской думы, после чего был торжественный выход к народу и богослужение в Успенском соборе.

19 февраля 1878 г. подписаны прелиминарные мирные соглашения, завершившие Русско-турецкую войну (Сан-Стефанский мирный договор).

93. Т. е. Самарина. Речь идет об издании: Самарин, 1878.

стьян: одного этого дела достаточно на жизнь человеку, — кто удостоился на него потрудиться и принять участие в его совершении, тот может этим и удовольствоваться и не претендовать для себя в жизни на другие подобные праздники... Независимо от громадного таланта, какую он является рабочей силой, так что поневоле принимаешь его собственное сравнение, по поводу рабочей силы Журавского...⁹⁴ Одно это изучение Пруссии, положение Прусское изучить... вот это все равно что гранитные глыбы своротить с места! Конечно, немногие прочтут 2-й том, но кого интересует история мысли в Русском Обществе, тот должен прочесть, тот прочтет, чтобы видеть, как созидалось в сознании дело, с которого начинается новая эра в нашей истории... И важно при этом не просто либеральное стремление к освобождению крестьян из неволи: этого рода довольно дешевый либерализм существовал и в XVIII веке, — и И. С. Тургенев на этом основании приписывает себе участие в разрешении вопроса!.. А важно именно разрешение задачи в нашем народном Русском смысле, на основаниях, созданных историей. И тут невольно возникает вопрос: совершись это освобождение ранее, с точки зрения чисто западного либерализма, не было ли бы оно совершено так, как в 1819 г. были освобождены крестьяне в Лифляндии, как в 1812 г. освобождены Наполеоном в Польше?.. Разумеется, не иначе.

Вполне понимаю, что перечитывая этот том, вы переживаете вновь и личные Ваши стремления, влечения и усилия ввиду той же цели... Хорошо, что у Вас есть кому передать Ваши семейные предания: я понимаю семью Дмитрия Федоровича.

Отправив на днях отсюда целый воз с делопроизводствами бывшей Болгарской Комиссии, с составленными мною тремя историческими записками и денежными отчетами; это отняло у меня много времени, так как здесь нет у меня ни канцелярии, ни бухгалтерии, ни даже писца.

Перестанет ли Москва толковать теперь о нашем немедленном возвращении?

Меня чрезвычайно забавляет перевод моих стихов «Варварино» в Парижской газете Temps. Стихи: «О чудный мир земли родной, как полон правды ты разумной», переведены: Oh, surprenant paix de ma terre natale, quelle prison tu es pour la vérité et la Sagesse⁹⁵! И это без злого умысла. Поискал в лексиконе слово полон. Конечно, полон в смысле полный там нет, потому что это усеченная форма, а есть полон, плен. Но Француз, основываясь на этом, говорит Il est temps de comparer ironiquement les résultats du congrès à Berlin avec le repos à la champagne!⁹⁶ Каково! Прощайте, дорогая,

94. Журавский Дмитрий Петрович (1810–1856) — выдающийся статистик. Ю. Ф. Самарин, познакомившийся с ним во время службы в Киеве, оставил очерк «Воспоминание о Д. П. Журавском» (первоначально опубликованный в № 2 «Русской Беседы» за 1857 г.), изданный в 1-м томе сочинений: Самарин, 1877: 207–223.

Имеются в виду приводимые Ю. Ф. Самариным в «Воспоминании...» слова Д. П. Журавского: «Я был бы совершенно доволен, если бы на меня смотрели как на рабочую силу и ценили бы меня в меру моего труда. На это, кажется, я имел бы право, а большего не прошу и не приму. Но я знаю, как это трудно; знаю, что гораздо труднее добиться справедливости, чем милости» (Самарин, 1877: 215).

95. О, удивительный мир родной земли моей! Какой темницей ты являешься для истины и мудрости! (пер. с фр. Р. А. Лошакова).

96. Сейчас самое время сравнить с иронией окончание берлинского конгресса с деревенским отдыхом! (фр.).

любезная Мария Федоровна, крепко жму Вашу руку, — Анна велит сказать, что обнимает Вас и продолжает наслаждаться своим затворничеством.

Ваш Ив. Аксаков.

XVI

3 Дек. 78

С. Варварино

Вероятно, Вы уже знаете через Е. Ф. Тютчеву, дорогая Мария Федоровна, о том, что я получил известие о своем освобождении официальным путем — одновременно с Москвою или даже ранее, — утром 28-го Ноября... Хотя, думаю, я не только безропотно покорился бы продолжению моего изгнания, но с полным убеждением, что такой невольный досуг был бы плодотворен для тех именно литературных трудов, о которых Вы упоминаете, — однако ж ни Анна Федоровна, ни я ни на минуту не останавливались на мысли продолжить здесь пребывание наперекор разрешению и не воспользоваться своею гражданской полноправностью. К тому же эти четыре месяца дали мне столько свидетельств теплого участия и дружбы, что повидаться с старыми друзьями (от которых, собственно, и шли эти свидетельства) стало для меня истинною потребностью. Но хотя снегу и подпало немного, путь все еще не установился, а главное — нужно обеспечить себя квартирой, хорошо протопленной, чтоб было куда приехать с людьми, с вещами, со всем хозяйственным скарбом. В этом отношении явился таким же благодетелем нам добрейший доктор прав, который (и этим он резко отличается от ученых педантов <нрзб.>) не скупится тратить время на услуги и не брезгует никакими хозяйственными, практическими поручениями. Анна Федоровна желала бы иметь квартиру в доме Пороховщикова (на Тверской), так как они все отапливаются зимою, отданныя внаймы с хозяйскими дровами, снабжены подведенною водою и разными иными удобствами, но едва ли не все квартиры заняты.

Я надеюсь теперь быть гораздо свободнее — без Славянского Комитета, который отнимал у меня времени втрое более, чем Банк... Надеюсь оградить себя и от суеты Московской. Но как добыть нужного мира, если правда, что пишет Катков — о нашей возможности нашего согласия на передачу Константинополя Ан и проливов Англичанам?.. Его — при таких обстоятельствах — и здесь не добудешь, где мир — стихия, вас кругом объемлющая... Катков! Зачем он сам возвел дней 10 тому назад весь образ действий нашей политики чуть не в перл Христианского смирения?!

Прощайте, любезная и дорогая Марья Федоровна, до скорого свидания.

Весь ваш Ив. Акс.

XVII

13 Авг.
Суб.

Получил сегодня, дорогая Графиня, телеграмму П<етра> Фед<оровича>⁹⁷, которою он зовет меня в Измайлово. Поэтому я собираюсь завтра в Воскресенье ехать к Вам с пассажирским поездом, отходящим отсюда в половине первого, с тем чтобы вечером вернуться домой. Я послал Вам телеграмму, но на всякий случай пишу. До свидания,

Ваш Ив. Акс.

Литература

- [Аксаков И. С.] (1886). Сочинения И. С. Аксакова. Т. I: Славянский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи в Славянском Комитете 1876, 1877 и 1878. М.: Типография М. Г. Волчанинова.
- [Аксаков И. С.] (1896). Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2: Письма к разным лицам. Т. 4: Письма к М. Ф. Раевскому, к А. Ф. Тютчевой, к графине А. Д. Блудовой, к Н. И. Костомарову, к Н. П. Гилярову-Платонову. 1858–1886 гг. СПб.: Издание Императорской публичной библиотеки.
- Аксаков И. С. (1988). Письма к родным. 1844–1849 / Изд. подготовила Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука.
- [Аксаков И. С., Ламанский В. И.] (1916а). Переписка двух славянофилов / Сообщила О. В. Покровская-Ламанская; прим. Н. В. Ястребова // Русская мысль. Год тридцать седьмой. Кн. IX. С. 1–32.
- [Аксаков И. С., Ламанский В. И.] (1916б). Переписка двух славянофилов / Сообщила О. В. Покровская-Ламанская; прим. Н. В. Ястребова // Русская мысль. Год тридцать седьмой. Кн. XII. С. 85–114.
- [Аксаков И. С., Ламанский В. И.] (1917). Переписка двух славянофилов / Сообщила О. В. Покровская-Ламанская; прим. Н. В. Ястребова // Русская мысль. Год тридцать восьмой. Кн. III–IV. С. 56–70.
- Емельянов Е. П., Тесля А. А. (2012). «[Единственный голос, к которому прислушивается правительство](#)» // Социологическое обозрение. Т. 11. № 3. С. 45–59.
- Колюпанов Н. П. (1892). Биография Александра Ивановича Кошелева. Т. II. М.: Типо-литогр. И. Н. Кушнерева и Ко.
- Кошелев А. И. (2002). Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями / Изд. подг. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука.
- Мотин С. В. (2013а). Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 4: в 3 частях. 1861–1869: Редактор-издатель газет «День», «Москва» и «Москвич». А. Ф. Аксакова (Тютчева) и И. С. Аксаков. Ч. 1: 1861–1862 / Сост. С. В. Мотин, И. И. Мельников, А. А. Мельникова; под ред. С. В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России.
- Мотин С. В. (2013б). Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 4: в 3 частях. 1861–1869: Редактор-издатель газет «День», «Москва»

97. Т. е. Самарина.

- и «Москвич». А. Ф. Аксакова (Тютчева) и И. С. Аксаков. Ч. 2: 1862–1866 / Сост. С. В. Мотин, И. И. Мельников, А. А. Мельникова; под ред. С. В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России.
- [Самарин Ю. Ф.] (1877). Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. I: Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу / Издание Д. Самарина. М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко.
- [Самарин Ю. Ф.] (1878). Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. II: Крестьянское дело до Высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 г. / Издание Д. Самарина. М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко.
- [Самарин Ю. Ф.] (1889). Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. VII: Письма из Риги и История Риги / Издание Д. Самарина. М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко.
- [Самарин Ю. Ф., Раден Э. Ф., фон.] (1893). Переписка Ю. Ф. Самарина с баронессой Э. Ф. фон Раден / Издание Д. Самарина. М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко.
- Тесля А. А. (2012). Славянофильство сквозь призму неформальных отношений // Христианство и русская литература. Вып. 7. СПб.: Наука. С. 46–54.
- Тесля А. А. (2013). [Герцен и славянофилы](#) // Социологическое обозрение. Т. 12. № 1. С. 62–85.
- Тютчева А. Ф. (2008). Воспоминания. При дворе двух императоров / сост., вступ. ст., пер. с фр. Л. В. Гладковой. М.: Захаров.
- Цимбаев Н. И. (1986). Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Чичерин Б. Н. (2010). Воспоминания: в 2-х тт. Т. 1 / Предисл., примеч. С. В. Бахрушин. М.: Изд-во им. Сабашниковых.

Транснациональная и гендерная парадигмы в изучении международной мобильности: на примере Украины

Алиса Толстокорова*

Аннотация. Статья посвящена анализу новейших подходов в социальных науках: парадигме мобильности, транснациональной перспективе и гендерному подходу к изучению социальных явлений, рассматриваемых в диалектической взаимосвязи. Анализируются возможности применения транснациональной парадигмы в социальных науках и миграциологии; прослеживаются существующие подходы к изучению транснациональной семьи и трансграничного родительства на примере Украины; рассматривается гендерный подход к исследованию международной мобильности и миграции в Украине; раскрывается специфика женской независимой миграции в контексте «глобальных цепочек заботы и ухода».

Ключевые слова: международная мобильность и миграция, транснациональная парадигма, гендерный подход к изучению мобильности, украинская трудовая миграция.

С точки зрения футуролога Дж. Баркера (Баркер, 2007: 12), логика отсчета и система координат, используемые человеком для объяснения и интерпретации мира, задаются базовыми парадигмами мышления, необходимыми для процесса познания. Именно они определяют направление научной деятельности на каждом конкретном историческом этапе развития научной мысли. Еще несколько десятилетий назад нормой исследований в социальных науках была ориентация на изучение индивидов и групп, живущих в стабильном, статичном контексте, поскольку мобильность, главным образом в виде миграционных потоков, считалась нетипичным явлением. Сегодня эти исследовательские полюса поменялись местами. В эпоху «текущей модерности» (Bauman, 2000) социальная теория воспринимает реальность в динамике как находящуюся в процессе перманентного движения и изменения. Пришедший в движение мир вызвал к жизни новые исследовательские проблемы в науке об обществе, потребовавшие разработки новых парадигматических перспектив исследований для их решения. Одна из них — «парадигма мобильности» (Sheller, Urry, 2006), или «мобильностный поворот» (mobilities turn) (Hannam, Sheller, Urry, 2006), — сформулирована в Манифесте Джона Урри, провозгласившем мобильность новым основанием

* Толстокорова Алиса Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент, научный эксперт, Международная школа равных возможностей. Email: alictol@yahoo.com

© Толстокорова А. В., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

социального порядка и имевшем эффект «прорвавшейся плотины» (Запорожец, 2013) в социальных науках. Сегодня исследования мобильности, объектом анализа которых являются сети, ландшафты и потоки (Urry, 2000), охватывают изучение не только движущихся людей, объектов и капиталов, но и меняющихся рисков, образов, мотиваций, информации, практик неподвижности и т. д. При этом принимается во внимание, что траектории мобильности во многом определяются гендерным фактором и сами участвуют в создании значений и практик гендера, в то время как последние варьируют в зависимости от географического и социокультурного контекста (Valentine, 1989; Mandel, 2004; Hanson, 2010). Таким образом, мобильная парадигма смыкается здесь с другой новой парадигмой социальных исследований — гендерной. Семантической моделью, позволяющей концептуализировать порожденные глобализацией режимы мобильности с учетом их гендерной специфики, является «транснациональная парадигма» (Glick Schiller, Basch, Blanc-Szanton, 1992; Glick Schiller, 2013), или «транснациональный поворот» (Levitt, Sørensen, 2004), благодаря которому на смену линейным, биполярным и ассимиляционным моделям, характерным для традиционных подходов к социальным исследованиям, пришли антропологические методы, обогащенные идеями постколониальности и постмодернизма (Hondagneu-Sotelo, Avila, 1997). Транснациональную парадигму рассматривают как «новую аналитическую оптику» (Caglar, 2001: 607), визуализирующую процесс структурирования мобильными субъектами новой реальности, позволяющей им одновременно существовать в разных социальных контекстах, разделенных большим географическим расстоянием.

Объединение этих трех парадигм в исследовании глобальных социальных трансформаций, присущих эпохе постмодерна, — перспективная, но пока еще малоисследованная *научная проблема*. Причем если в зарубежных социальных науках уже отмечаются отдельные попытки применения такого интегрированного подхода к процессам международной мобильности (Fouon, Glick Schiller, 2001; Lutz, 2004; Morokvasic, 2004; Mummert, 2006), то на постсоветском пространстве он еще не привлек внимания исследовательского сообщества. Отсутствие интереса к данной проблеме можно объяснить недостаточной разработанностью теоретической, концептуальной и методологической основ для изучения этой новой области знаний, требующей меж- и трансдисциплинарного подхода к объекту исследования. Однако именно такой подход обеспечивает возможности для осознания и интерпретации процессов современного быстротечного глобализирующегося мира. Поэтому *актуальной научной задачей* сегодня является разработка концептуальной базы для анализа феномена современной международной мобильности с учетом ее гендерной специфики и транснациональной составляющей. Также необходимо проведение эмпирических исследований мобильности и миграции, предоставляющих материал для выработки и апробации новых концепций, методов и инструментария, позволяющих отразить суть исследуемого явления.

В Украине в последние годы сформировался социальный заказ на концептуализацию гендерных аспектов мобильности и миграции в силу возрастающей автономной

мобильности украинских женщин как исторически относительно нового феномена, ставшего объектом изучения лишь в последние годы. С формальной точки зрения гендерный порядок украинского общества наделяет женщину значительными правами и свободами, в том числе свободой пространственного передвижения. Благодаря этому в Украине не существует проблемы «социальной допустимости» миграции женщин отдельно от мужчин (Космарская, 1998), как, например, в республиках бывшего СССР с преобладанием мусульманского населения, где этот процесс воспринимается многими как ненормативное поведение, поскольку разрушает стереотипный образ женщины-мусульманки (Касымова, 2010). Это способствует наблюдающемуся в последние годы оттоку украинок за рубеж в поисках «лучшей жизни».

Украинская трудовая миграция, сформировавшаяся за период рыночных преобразований, приобрела характер массового явления — «заробитчанства», воспринимаемого обществом как «социальная норма» жизни, форма «самоотречения» и «жертвенности» его граждан (Пономарева, 2011). В заробитчанство вовлечены от 10 до 20% граждан трудоспособного возраста, что свидетельствует о существенной значимости данного феномена для жизнедеятельности украинского социума. При этом украинская трудовая миграция характеризуется тенденцией к феминизации потоков трудовой силы, усиливающейся в последние годы. В связи с этим *актуальной научной проблемой* является изучение такого новейшего социального явления, как независимая международная мобильность украинских женщин с позиций гендерно-ориентированного анализа и с точки зрения транснациональной перспективы.

Транснациональная парадигма в социальных науках и миграциологии

Транснациональная парадигма — одно из трендовых направлений исследований, сформировавшихся в социальных науках за последние десятилетия. С эпистемологической точки зрения она представляет собой попытку преодоления ограничений, присущих традиционным миграционным концепциям, в осмыслении реалий жизни индивидуумов и семей, связанных социальными, экономическими и политическими узами более чем с одним государством (Schmalzbauer, 2004). В соответствии с этой парадигмой транснационализм рассматривается как способность к совмещению физического отсутствия с социальным присутствием и участием (Carling et al., 2012). Мобильность и погружение расцениваются как взаимодополняющие аспекты парадоксального процесса «оседания в мобильность» (Morokvasic, 2004), рассматриваемого как проявление «растекающейся жизни» (Bauman, 2005) индивида эпохи постмодерна. Это объясняется тем, что, меняя место проживания, мигранты не просто перемещаются из одного населенного пункта в другой, но благодаря «капиталу мобильности» перекраивают жизненное пространство и значительно расширяют пределы своей повседневности (Бредникова, Ткач, 2010: 73). Благодаря этому создаются новые реальности — «транснациональное социальное пространство» (Pries, 1996) и «транснациональный габитус» (Kelly, Lusic, 2006), в котором люди оказываются

в раздвоенном состоянии, одновременно становясь «своими» и «чужими», «законными» и «незаконными», «семейными» и «несемейными», «бедными» и «богатыми» и т. д., переключаясь из одного регистра в другой по необходимости (Абашин, 2012: 10). Данный подход рассматривает мигрантов не как локализованных индивидов, а как «трансмигрантов» (Glick Schiller, Basch, Blanc-Szanton, 1992), ведущих «двойную жизнь» (Portes, Guarnizo, Landolt, 1999), которая позволяет развивать и поддерживать самые разнообразные трансграничные взаимоотношения: семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные, политические и т. д.

Одни исследователи предлагают рассматривать транснационализм с точки зрения «5 т», к которым относят семейные денежные трансферты, туризм, транспорт, телекоммуникацию и ностальгическую торговлю (Orozko et al., 2005). Другие считают, что к формам его проявления следует относить участие трансмигрантов в политике стран исхода, индивидуальные и коллективные денежные переводы, предпринимательство, передачу знаний, активное потребление ими услуг многих секторов экономики стран происхождения, таких как строительство, туризм, индустрия развлечений и средства массовой информации (Глуценко, 2005). Третьи (Бредникова, Ткач, 2010) обращают внимание на то, что в конце 1990-х — начале 2000-х годов с применением более гибких методов в изучении повседневности трансмигрантов в разработке транснациональной парадигмы отмечаются попытки объединения ее с ассимиляционным подходом на том основании, что первый вовсе не исключает другого, поскольку положение мигранта в географическом, социоэкономическом и культурном пространствах определяют и ассимиляционные, и транснациональные процессы одновременно (Morawska, 2005).

Таким образом, транснациональная перспектива обеспечивает принципиально новый подход к изучению как отдельных мигрантов, так и их семей и групп. В то же время идея «транснациональных миграционных циркуляций» (Portes, Bach, 1985), позиционируемая как новый теоретический вклад конца 1980-х и начала 1990-х годов, при ближайшем рассмотрении оказывается всего лишь переносом и переосмыслением идей, связанных с исследованиями внутренних миграций в развивающихся странах, на исследования международных перемещений (Кайзер, Бредникова, 2004). Несмотря на это, теория транснационализма по сей день остается малоизученной, недостаточно разработанной, неурегулированной на институциональном уровне и терминологически неупорядоченной. Кроме того, исследователи указывают на некоторую ограниченность транснациональной эпистемологии, которая иногда попадает в ловушку наивной нормативности, представляя транснациональные феномены в излишне позитивном свете (Amelina, Faist, 2012).

На постсоветском пространстве ни сам транснационализм, при всей его массовости, ни вызываемые им фундаментальные изменения в социальном пространстве «плюрилокальной семьи» как новой «семейной конфигурации» (Widmer, 2010) современной эпохи массовой мобильности еще не стали объектом специального изучения. Отчасти это можно объяснить тем, что постсоветская фамилистика не изжила последствия существенного спада исследовательской активности, отмечавшегося в пер-

вые годы после распада СССР, когда после отказа от методологической монополии марксизма-ленинизма в общественных науках новые концептуальные построения в этой области еще не были разработаны (Клёцин, 1996). Таким образом, *актуальной научной задачей* сегодня является исследование и концептуализация транснациональной семьи (ТС) и трансграничного родительства (ТР) как «модернизированной модели семейных отношений» (Толстокорова, 2013а), обусловленных возрастающей экономической мобильностью населения в результате глобализации, урбанизации, экономической реструктуризации и распространения новейших транспортных и информационно-коммуникационных технологий. При этом важно рассматривать экономическую мобильность как социальный процесс, предполагающий не только перемещение трудовой силы, но в первую очередь сложное взаимодействие человеческих личностей посредством семейной динамики, обуславливающей передачу практик и норм ухода и заботы, не исключая их трансформации во времени и пространстве (Gherghel, Le Gall, 2005).

Подходы к изучению транснациональной семьи и трансграничного родительства

Одной из ведущих тенденций в формировании «постсовременной семьи» (Голод, 2008) является увеличение разнообразия ее форм и типов (Семья и человеческое развитие, 2012). Современный «век миграции» (Castles, Miller, 2003) вызвал к жизни новые конфигурации семейных отношений, в частности трансграничные, составляющие основу социального пространства ТС трудовых мигрантов. Транснациональная семья определяется нами как модернизированная модель семейных отношений, порожденная международной миграцией и глобальным сетевым сообществом, основу которой составляет «воображаемый союз» (*imagined community*)¹ ее мобильных членов (Vuorela, 2002), существующий на основе трансграничных отношений, когда один или более из них работают за рубежом, но поддерживают регулярные родственные связи с членами семьи, оставшимися дома, исполняют свои семейные и родительские функции и дистантно участвуют в ведении домохозяйства. С этой точки зрения не все семьи мигрантов являются транснациональными, поскольку к последней категории относятся лишь те семейные союзы, в которых отъезд одного из членов на заработки приводит не к ослаблению или отмиранию родственных связей, а к их переформатированию на основе трансграничных отношений. Причем основную роль в поддержке или ограничении трансграничной семейной солидарности играют государственные политики и международные предписания (Levitt, Glick Schiller, 2007; Merla, Baldassar, 2010).

1. Понятие «воображаемое сообщество» (*imagined community*) предложено и разработано Бенедиктом Андерсоном (Anderson, 1991) преимущественно в применении к нации. В данном тексте этот термин переведен как «воображаемый союз», что представляется более приемлемым по отношению к семье.

ТС привлекла внимание миграциологов в качестве объекта анализа в начале 1990-х годов, когда стало ясно, что семейные обстоятельства (чаще всего финансовая нужда) играют решающую роль в принятии миграционных решений членами семей и в установлении их миграционных стратегий. Семья была определена как основная транснациональная единица (Kambouri, Zavos, 2011). Ее изучение в рамках теории транснационализма осуществляется с привлечением различных аналитических и методологических подходов. Так, некоторые исследователи (Baldassar et al., 2007) выделяют возможные модели транснациональной заботы и ухода, обращая внимание на комплекс таких принципиальных факторов, как способности к предоставлению транснациональной заботы, культурные представления об обязанностях по уходу за близкими, характер семейных обязательств и родственных связей между участниками трансграничного процесса и т. д. Другие (Gherghel, Le Gall, 2005) предлагают объединить транснациональную перспективу исследований с анализом жизненных циклов. Это предоставляет возможность создания всеобъемлющей модели для анализа социального и семейного поведения с учетом межпоколенных изменений, что необходимо для понимания индивидуального развития с точки зрения множественной темпоральности: социального, исторического и индивидуального времени. Третьи (Mummert, 2005) считают перспективным при изучении ТР учитывать процесс принятия решений на уровне как отдельного индивидуума, так и всей семьи и анализировать его с позиций глобальной политической экономики. Это объясняется тем, что такие факторы, как изменяющиеся условия рынка труда, миграционная политика, законодательство в отношении национальности и гражданства, контроль за пересечением границ и другие социальные, политические и культурные тренды вместе взятые, играют ключевую роль в принятии родителями решения о том, следует ли оставить детей дома или взять их с собой. Четвертые указывают на необходимость уделить особое внимание изучению многомерных связей, поддерживаемых трансмигрантами с обществами происхождения и семьями, оставленными дома, и оказывающих существенное влияние как на одних, так и на других. Эти социальные, культурные и экономические связи предлагается рассматривать с точки зрения понятия «габитус», введенного Пьером Бурдьё (см. Бурдьё, 1998) как эвристической основы для интеграции различных измерений жизни трансмигрантов и ТС (Kelly, Lusia, 2006). Еще одно направление исследований объясняет повышение интереса к транснациональной семье возрастанием потоков независимой женской миграции (Sørensen, 2005). При этом выделяются три модели транснациональных семейных отношений: транснациональное материнство, отцовство и детство. В последние годы началось исследование транснационального прародительства, т. е. роли бабушек и дедушек в поддержании ТС (Nesteruk, Marks, 2009; Tolstokorova, 2011; Tiaynen, 2011; Deneva, 2012).

Влияние транснационализма на семьи украинских мигрантов

Полевое исследование для данного проекта² показало, что социально-психологические последствия массовой миграции и транснационализма в Украине проявляются прежде всего в ослаблении семейных и брачных институтов, несущих основную ответственность за социальное здоровье общества, поскольку «по правилам игры, задаваемым миграцией, они не в состоянии выполнять свои социальные функции» (Николаевський, 2007: 122). Это подтверждается самими мигрантами: в соцопросах 85,7% из них указывали, что «семьи разделились из-за миграции», и 88% — что «детям тяжело расти без родителей, если один или оба родителя находятся за границей» (Иващенко-Стадник, 2013). Хотя украинские ТС являются порождением информационного общества и пользуются преимуществами новых информационно-коммуникационных технологий для поддержания семейных отношений в условиях больших расстояний, это не гарантирует им полноценных возможностей для качественного выполнения основных социальных функций. Исследование свидетельствует, что выполнение таких функций ТС, как прокреативно-репродуктивная, рекреационная и защитная, воспитательная, социализационная и функция первичного контроля, осложняется в условиях географической дисперсии ее членов. Даже выполнение хозяйственно-экономической функции, что является основной причиной миграции и считается наиболее успешным в ТС, может быть проблематичным по причине ослабления организационно-хозяйственного механизма семейной экономики мигрантов. Как было показано ранее (Толстокорова, 2013а), «фрагментированный» стиль жизни трудовых мигрантов производит эффект «социального контрацептива» для транснациональных супружеских пар, препятствуя появлению у них нового потомства. Кроме того, поскольку в условиях раздельного проживания детей и родителей функция воспитания и первичного социального контроля в ТС серьезно подрывается, то во многих случаях транснационализм, образно говоря, играет роль «социально-экономического яда» для детей мигрантов, способствующего формированию у них иждивенческого и потребительского отношения к родителям, зарабатывающих на жизнь в сложных условиях зарубежного трудоустройства. Свидетельством тому служат интервью с респондентами проекта:

«Вы знаете, так обидно, я же каждую копейку берегла, пока там работала, все откладывала, чтобы детям домой отослать. Иногда девчонки наши зовут: „Давай, мол, в кафе сходим, посидим, расслабимся“. Где там! Все для детей. А приехала домой, смотрю, сын на занятия в университет только на

2. В ходе полевого исследования было собрано 25 экспертных интервью и 41 интервью с украинским мигрантами, членами их семей и неформальных социальных сетей. Данная статья не преследует цели проанализировать результаты полевого исследования, используя их лишь для иллюстрации выводов, полученных на основе анализа теоретических источников. Более подробно о методологии полевого исследования, его основных этапах и результатах см.: Толстокорова, 2012а, 2012б, 2012в, 2013а, 2013б, 2013в; Tolstokorova, 2009а, 2012.

такси. Вечером — друзья, бары, пиво... Оказывается, растрывькал все деньги, что я высылала, да еще и назанимал. А потом приходит ко мне и говорит: „Мать, дай денег, мне нужно долг отдать, а то у меня будут серьезные неприятности“. Пришлось мне выкладывать все, что я там заработала, чтобы вытащить сына» (Ольга, экс-главный инженер коммунального предприятия, работала уборщицей в Москве) (Толстокорова, 2012б: 34).

«Одна девочка мне сказала: „Вы знаете, в группе, где я учусь, у половины студентов мамы работают в Италии. Поэтому они учатся, не напрягаясь, потому что мамы присылают им деньги, а они только платят за экзамены“. То есть миграция оказывает огромное влияние на детей, особенно на подростков. У них есть деньги, которые им присылают матери, это легкие деньги, и они начинают играть в азартные игры, пить, и им не нужно учиться, потому что они знают: мама пришлет деньги, зачем мне учиться» (эксперт женской неправительственной организации) (Толстокорова, 2012б: 35).

В плане рекреационной и защитной функций, выражаясь фигурально, «миграционность» производит на ТС эффект малоэффективного «социального витамина», который хотя и поднимает тонус семейного организма, но не способен излечить его от социально-экономических недомоганий, вынуждающих людей выезжать за рубеж на заработки. Наконец, работая за рубежом, чтобы обеспечить благополучие своей семьи, мигранты нередко лишаются и ее самой, и своих близких, поскольку их семейные союзы распадаются:

Респондентка: «Когда моя невестка уезжала на работу за границу, я ей сказала: „Галя, я готова взять на себя воспитание внуков, но только при условии, что мой сын поедет с тобой“. Потому что, понимаете, если бы она уехала одна, семья непременно распалась бы. Если муж и жена разлучаются, семья точно распадется. Это 100%».

Интервьюер: «И много таких семей?»

Респондентка: «Ой, много! Очень много. Да практически все. Как только муж и жена разъезжаются, все — семьи у них больше нет. И у детей семьи больше нет» (Нина, работающая пенсионерка, мать двух мигрантов, живущих с семьями в Италии) (Толстокорова, 2012б: 51).

Хотя с хозяйственно-экономической точки зрения миграция и транснационализм могут служить для многих украинских ТС действенным целебным снадобьем, позволяющим преодолеть бедность и нужду, для других семейных союзов они служат скорее «экономическим болеутоляющим» и «седативным средством», на время успокаивающим боль и снимающим стресс экономического кризиса, зачастую ценой разрушения семейного организма.

Несмотря на всю сложность и неоднозначность транснационализма как социо-географического явления, большинство авторов признают, что оно охватывает все большее количество семей и, следовательно, ТС становится типичным феноменом, требующим пристального внимания. При этом исследователи подчеркивают, что «миграция придает изменениям в семье гендерный характер» (Parreñas, 2005: 317) и что «родительские роли строго гендерированы, а транснациональное материнство и отцовство — принципиально разные явления» (Carling, Menjivar, Schmalzbauer, 2012: 192), подтверждая перспективность изучения гендерного измерения транснационального родительства как актуального направления исследований.

Гендерная перспектива исследования мобильности и миграции

Возрастающая феминизация международных миграционных потоков признается в качестве неотъемлемой характеристики современного миграционного процесса (Andall, 2000; Castles, Miller, 2003; UN-INSTRAW, 2007). Термин «феминизация (трудовой) миграции» используется для обозначения увеличивающегося количества женщин, уезжающих на заработки самостоятельно, а не в качестве сопровождения для своих мужей или других членов семьи и работающих на низкостатусной работе, часто в неблагоприятных условиях (сезонная или временная работа, опасная для жизни или здоровья и т. д.) (Beyond borders, 2010: 13). Согласно статистике ООН, только за период с 1965 по 1990 г. общее количество женщин-мигранток возросло с 35 до 57 млн, т. е. почти на 63%, что на 8% больше, чем мужчин (Zlotnik, 1998). В 1990-е годы доля женщин среди мигрантов составляла 48% (UN 1995), а в 2005 г. она увеличилась почти на 3% по сравнению с 1960 г. В последнее время женщины-мигрантки составляют 3% от населения земного шара (Jolly, Reeves, 2005). Они становятся самостоятельными действующими лицами в процессе международной трудовой мобильности и уже не ограничиваются ролями зависимых членов семьи, следующими за отцами или мужьями, все чаще выбирая роль автономных субъектов мобильной трудовой силы и «независимых акторов миграции» (Oishi, 2002: 1). Все чаще они сами становятся ведущими субъектами миграции, за которыми мужья следуют в качестве сопровождения. Эта трансформация роли женщин в глобальной «миграционной индустрии» (Castles, Miller, 2003) воспринимается как «женская подноготная глобализации» (female underside of globalization) (Ehrenreich, Hochschild, 2002) и ее «женская тень» (Ally, 2005). Еще в 1980-е годы были выделены 4 основные категории мигранток, различающихся по семейному статусу и причинам миграции (Thadani, Todaro, 1984):

- 1) замужние женщины, мигрирующие с целью трудоустройства;
- 2) незамужние женщины, мигрирующие с целью трудоустройства;
- 3) незамужние женщины, предпринимающие брачную миграцию с целью создания семьи;
- 4) замужние женщины, сопровождающие своих родственников-мужчин и не преследующие цели найти работу.

В то же время в материалах ООН отмечается, что по мере увеличения уровня женского образования у женщин появляется больше возможностей для трудоустройства и они все чаще осуществляют миграционные поездки в качестве студентов и сотрудников международных компаний (UN, 2006).

По отношению к женщинам из постсоциалистического лагеря в академических кругах долгое время господствовало предубеждение, что их международная мобильность началась после падения Берлинской стены. Исследования показали, что на самом деле возрастание их доли в потоках трудовой силы в Западную Европу приходится на 1960-е годы, а к 1980-м годам женщины составили уже более $\frac{1}{4}$ рабочей силы и более 40% общего количества мигрантов (Phizacklea, 1983). В отношении украинских женщин также существовало ошибочное представление, связанное с замечанием Мирьяны Мороквасич о низком уровне их пространственной мобильности (Morokvasic, 2003). Считалось, что среди послевоенных мигрантов из Украины преобладали мужчины. Женская миграция ассоциировалась лишь с второстепенной ролью зависимых членов семьи, сопровождающих мужчин. Однако статистика свидетельствует, что еще в 1940-х годах среди украинских граждан, приехавших, например, по программе EVW в Британию для работы в текстильной промышленности и в сфере больничного обслуживания, женщины составляли более $\frac{1}{4}$ (Kubal, Bakewell, De Naas, 2011).

Распад социалистической системы сопровождался возобновлением права населения на свободу передвижения, а также процессом, о котором одна украинская мигрантка сказала так:

«Когда предприятия закрылись, границы открылись, и нам ничего не осталось, как уезжать» (Ирина, циркулярная мигрантка на работу в странах Евросоюза) (Толстокорова, 2013б).

Открывшиеся возможности привели в движение огромные массы обедневших постсоветских женщин, вынужденных искать любые средства, чтобы прокормить своих детей и семью. Будучи более уязвимыми на рынке труда в условиях массовой безработицы (UNIFEM, 2006), они оказались более территориально мобильными как социальная группа (Космарская, 2005) и благодаря этому смогли адаптироваться к реалиям свободного рынка быстрее мужчин (Hamann, 2007), тяжелее воспринимающих миграцию в связи с неизбежной утратой социального статуса (Фиалкова, 2005).

Возрастание экономической мобильности женщин придало формирувавшемуся миграционному режиму гендерную динамику. Сегодня женщины преобладают среди мигрантов, работающих в ЕС. В 2003 г. их доля достигла около 54% от общего количества мигрантов и 4% от общего населения ЕС (European Parliament, 2006). К примеру, в 2004 г. в Германии соотношение женщин и мужчин среди румынских мигрантов составляло 13 к 10, среди чехов — 18 к 10, эстонцев и латышей — 23 к 10 (Morokvasic, 2008). После расширения ЕС в 2004 г. на европейском рынке труда сформировалась

3. Имеется в виду Вторая мировая война.

новая тенденция, когда женщин из стран третьего мира, таких как Украина, Молдова и Беларусь, все чаще замещают женщины из наименее развитых стран-членов ЕС, например, Румынии или Литвы. Будучи гражданами ЕС, они тем не менее не имеют надлежащего доступа к ресурсам и законодательству и находятся в еще худшем положении, чем их сестры из третьих стран (KISA, 2007).

Специфика женской миграции на постсоветском пространстве состоит в том, что в нее оказались вовлечены не только женщины-работницы, но и представительницы обедневшего среднего класса, включая его высшие слои: государственные служащие, представители научной интеллигенции, административных структур и т. д. (Толстокорова, 2012а). Так, по данным исследования женской миграции из Тернопольской области, являющейся основным донором миграции из Украины, 37,3% опрошенных имели высшее образование, а 43,4% женщин до выезда за рубеж занимали должности специалистов (Трудова міграція, 2002).

Начало 1990-х годов было отмечено волной вынужденной миграции, преимущественно мужской, из Украины в Россию. После этого состав миграционных потоков в эту страну начал меняться как с точки зрения целевых установок, так и в плане гендерного соотношения. На смену «челнокам» пришли сугубо мигрантские сферы деятельности, привлекающие женщин. Для жителей СНГ условия заработков в России весьма притягательны благодаря общему советскому прошлому, прозрачности границ и другим факторам, которые в середине в 2000-х позволяли России сохранять приоритетное положение при выборе потенциальными мигрантками страны назначения. Однако из-за нерациональной миграционной политики женские потоки из ближнего зарубежья начали менять направление движения в сторону европейских стран (Полетаев, 2005).

В Украине новые формы транснациональной мобильности, возникшие после распада социалистической системы, не были гендерно нейтральными. Феминизация этого процесса стала проявляться уже в первые годы рыночных реформ (Толстокорова, 2012а; Tolstokorova, 2009а; Tolstokorova, 2012). Хотя в начале 1990-х годов женщины составляли 53,6% от общего количества украинских «челночников» (Зовнішні трудові міграції, 2002: 84), в целом в потоках трудовой миграции преобладали мужчины, поскольку их труд был востребован в строительных индустриях Глобального Севера. Самостоятельная женская трудовая миграция началась в конце 1990-х — начале 2000-х годов (GFK Ukraine, 2008), когда дешёвый труд женщин из постсоветских государств потребовался для удовлетворения спроса на сервисные услуги в постиндустриальных экономиках.

Статистика последних лет показывает, что мужчины все еще преобладают в миграционных потоках из Украины. В 2008 г. их доля достигала 67,2% против 32,8% у женщин, но количество женщин увеличилось по сравнению с 2001 г., когда они составляли 24%, что, по мнению отечественных экспертов, подтверждает тенденцию феминизации потоков рабочей силы из Украины (Жінки та міграція, 2010: 18). В 2009 г. гендерное соотношение среди молодых заробитчан, выехавших в страны дальнего зарубежья, составляло уже 61,4% мужчин против 38,6% женщин (Молодь та молодіжна

політика, 2010: 184). Это подтверждается и данными отчета Госкомстата за 2009 г., в котором отмечается, что начиная с 2003–2005 гг. доля женщин в миграционных потоках возрастает, хотя конкретные цифры при этом не указываются (Інформаційно-аналітичні ... 2010).

Гендерные трансформации менталитета и идентичностей мигрантов

Исследования показывают, что миграция может приводить к изменению традиционных норм, в частности, трансформации традиционных гендерных ролей (Fargues, 2006). Это проявляется в изменении гендерного менталитета и трансформациях гендерной этики гастарбайтеров, что особенно свойственно женщинам, которые нередко сталкиваются с необходимостью кардинального пересмотра своей роли в семье и обществе, ведущей к переосмыслению их женской идентичности. Погружение в более эгалитарную культуру принимающих сообществ, обретение экономической независимости и осознание своей властной позиции в семье приводят к изменению восприятия собственного социального статуса, повышают индивидуальные гендерные стандарты. Это дает основания утверждать, что позитивным эффектом миграционного опыта женщин является аккумуляция «дивидендов гендерного равенства» (Толстокорова, 2012в: 214)⁴ как механизма трансформации их женской идентичности на основе освоения более демократичного «гендерного кода» принимающих обществ. Это наблюдение основывается, в частности, на экспертных интервью:

«Проблема в том, что, к сожалению, в селе женщина утратила свой авторитет, уважение в семье. В селе она очень тяжело работает, потому что... ну, вы знаете ситуацию. И вот она уезжает за границу, где она видит совершенно другое отношение к себе. Поэтому она, конечно, не хочет возвращаться в те условия, в которых она была дома раньше. Понимаете, она начинает иначе к себе относиться. Это одна из причин, почему разрушаются семьи. Потому что она уже не хочет возвращаться в положение, когда от нее ничего не зависит. <...> Потому что вернувшись домой, она научит свою дочь, что можно жить иначе, что можно иметь другие жизненные стандарты. Она уже не хочет, чтобы к ее дочери относились так же, как к ней относился ее муж» (эксперт по вопросам миграции негосударственного научного центра) (Толстокорова, 2012а: 214–215).

В этом интервью эксперт ссылается прежде всего на опыт сельских женщин, подтверждая результаты исследования, демонстрирующего изменения сознания укра-

4. «Дивиденды гендерного равенства» понимаются здесь как разновидность «социальных дивидендов мигрантов», определяемых как «прибавочная стоимость миграционного опыта в форме индивидуальных нематериальных накоплений мигрантов: социального, этического, культурно-эстетического, образовательного, гражданского капитала и т. д., используемых в целях личного развития и благополучия» (Толстокорова, 2013в).

инских сельских женщин в форме «тихого бунта» и нежелания мириться со своим положением (Tolstokorova, 2009б). На практике подобные гендерные изменения менталитета затрагивают и сельских, и городских женщин всех возрастов. Причем молодые девушки, находясь за границей, осваивают принципы гендерной эгалитарности быстрее женщин старшего возраста, что сказывается в том числе и на их брачных стратегиях, проявляющихся в большей избирательности и повышении требований к будущему супругу. Эксперты определяют этот процесс как «гендерную революцию» среди украинских женщин. Эти выводы согласуются с данными молдавских исследователей, свидетельствующих, что женщины, имеющие опыт работы за рубежом, менее склонны терпеть семейное насилие, более требовательны к своим партнерам в плане необходимости изменения агрессивных поведенческих привычек и чаще инициируют развод, если ожидаемых изменений в семейных отношениях не происходит (Пелях, 2007).

Изменения гендерного менталитета отмечаются даже у мигранток, работающих в «традиционалистских» принимающих обществах, например в России. Дело в том, что женщины, выезжающие на заработки за рубеж, обычно имеют более высокие доходы, чем их мужья, оставшиеся дома. Это ускоряет трансформацию гендерных отношений, стимулирует распространение современных установок и ценностей, способствует отходу от традиционных норм, о чем свидетельствуют исследования в разных государствах бывшего СССР (Пелях, 2007; Бредникова, Ткач, 2010; Аюпова, 2012). Благодаря этому влияние трудовой миграции на модификацию гендерных режимов на постсоветском пространстве становится очевидным (Женщины-мигранты, 2011).

Однако в результате такой переоценки ценностей мигрантки оказываются в ситуации конфликта с традиционной гендерной средой на родине, чуждой их новому «гендерному дисплею». Их мужья и близкие не готовы принимать их в роли «кормилиц», наделенных соответствующими властными полномочиями в семье. Здесь возможен сценарий, отмеченный в российских семьях, когда экономическая свобода женщины не приводит к пересмотру позиций в сторону эгалитаризма, а, напротив, вынуждает ее «изобретать стратегии камуфляжа, подпирающие авторитет мужа» (Мещеркина, 1999: 142) с целью сохранить семью. Иными словами, усвоение и переосмысление мигрантками идей гендерного равенства в соответствии с принятыми в европейской культуре мировоззренческими ценностями не влияют на модернизацию повседневных гендерных практик в их семьях. В результате женщины оказываются в «гендерной ловушке», будучи зажаты между лезвиями «мировоззренческих ножниц», усугубляющих обратный культурный шок мигранток по возвращении в родную среду, ставшую чужой.

Кроме того, исследования показали, что эффект усиления позиций, или «эмпвауэрмента» женщин благодаря миграции, отмечаемый в документах ООН (UN, 2006, III), может оказывать обратное действие (Tolstokorova, 2010). Парадокс заключается в том, что хотя зарубежные заработки позволяют мигранткам приобрести большую степень финансовой независимости и самодостаточности, они не приводят к более высокому уровню гендерного или финансового равенства в их семьях, а лишь усили-

вают двойную нагрузку транснационального материнства. Это происходит потому, что, принимая на себя обязанности единственных кормилиц своих семей, женщины возлагают на себя и большее бремя ответственности перед своими детьми и их опекунами, ухаживающими за детьми во время отсутствия матерей в семье. В то же время мужья мигранток пользуются этим, перекладывая все обязанности за обеспечение семьи на своих жен. Нередко они перестают работать и живут на деньги, присылаемые их супругами из-за рубежа. Как отметила одна украинская респондентка:

«У нас тут на юге, особенно в маленьких городишках, где-то около 40% мужиков, у которых жены на заработках, сидят дома, занимаются хозяйством. А на западе таких еще больше. Не меньше половины таких. А вот сестра моя живет в Молдавии, так говорит, что у них не меньше 70% мужчин живут на деньги своих жен» (Вера, мать мужчины, работающего в России) (Tolstokorova, 2012: 17).

Таким образом, *гендерное сальдо* миграции, в отличие от финансового, оказывается для женщин отрицательным, поскольку их гендерные инвестиции в транснационализм как матерей и жен-кормилиц, исполняющих традиционно мужские роли в дополнение к традиционно женским, не приносят им соответствующих гендерных дивидендов, а, напротив, преломляются в «новые формы зависимостей, ведущие к утрате позиций (disempowerment)» (Petrozziello, 2011: 56).

В то же время изменения гендерных ролей в результате «мигрантскости» затрагивают и мужчин. Соответственно, они зарабатывают свои собственные «дивиденды гендерного равенства». Это вызвано рядом причин. Во-первых, они видят более уважительное отношение к женщине в принимающих странах и транспонируют этот опыт на собственное приватное пространство, стараясь соответствовать гендерным нормам принимающего сообщества. Вот что сказал украинский мигрант в Италии:

«Я вижу, что здесь отношение к женщине другое, ее ценят больше. Вот и я этому учусь, учусь уважать в своей жене женщину» (Роман, владелец кондитерской в Риме) (Tolstokorova, 2008: 58).

Во-вторых, отмечается «гендерный парадокс»: хотя материально-финансовое обеспечение семьи посредством миграции воспринимается как часть образа жизни мужчин, сфера мужской занятости, «мужская работа» (Олимова, 2012), у гастарбайтеров нередко наблюдается переключение привычных поведенческих кодов относительно понятий «женская» и «мужская» работа на новые, диктуемые условиями миграционного трудоустройства. Так, по отношению к дагестанским сельчанам-мигрантам Ю. Карпов и Е. Капустина отмечают:

«Работа в огородах — „копаться в земле“ — издавна считалась в горном Дагестане женским делом. И сейчас мужчина, выполняющий какие-либо „женские“ работы, подвергается насмешкам и осуждается общественным

мнением. Однако на промысле отношение к этому меняется. <...> В итоге под воздействием экономической необходимости, а главным образом из-за выпадения из сельской системы, принцип „мужских“ и „женских“ работ на месте промысла размывается» (Карпов, Капустина, 2011: 209).

Заниматься в странах приёма теми видами деятельности, которые дома обычно рассматриваются в качестве «женской работы», могут и таджикские мигранты-мужчины. Например, они работают в России доярами или ухаживают за скотом на фермах, тогда как в Таджикистане эта работа считается «женским» занятием (Олимова, 2012: 91).

Украинские мужчины, находясь за рубежом, также иногда соглашаются выполнять работы, традиционно считающиеся «женскими». Так, они могут заниматься домашним обслуживающим трудом (ILO, 2013: 19) и оказывать услуги ЭЗиУ (Lutz, 2004), но чаще их трудоустройство связано с работой, предполагающей меньшую степень эмоциональной вовлеченности, например, уход за животными, автомобилями, яхтами, жилыми помещениями (мелкий технический ремонт), даже за могилами на кладбищах, уборка гостиниц и железнодорожных вагонов, мытьё посуды в ресторанах и кафе, уход за телом (массажистами и парикмахерами), работа садовником.

Однако возвращаясь домой, мужчины редко инвестируют этот культурный капитал в повседневные практики, поскольку он противоречит традиционным представлениям о маскулинности в украинском менталитете. По крайней мере, он вряд ли выносится за пределы приватной сферы.

Женская миграция в контексте «глобальных цепочек заботы и ухода»

На протяжении рыночных реформ многие постсоциалистические страны столкнулись с так называемой «утечкой кадров по уходу» (care drain) (Hochschild, 2000: 131), став донорами женской рабочей силы для экономически благополучных государств мира. В частности, такая ситуация сложилась в сельскохозяйственных районах Западной Украины, где многие домохозяйства лишились женщин рабочего возраста в связи с их выездом на работу в «экономике заботы и ухода» (Folbre, 1995) стран Глобального Севера.

ЭЗиУ — это экономика обслуживающего труда, основанная на распределении неоплачиваемых трудовых ресурсов и трудовой деятельности как внутри домохозяйства, так и за его пределами и предлагающая широкий спектр услуг от уборки, закупки продуктов и приготовления пищи до ухода за детьми, стариками, больными и немощными членами семьи, домашними питомцами. ЭЗиУ зиждется на принципе так называемой «глобальной коммодификации обслуживающего труда» (Parreñas, 2001), лежащем в основе «кругооборота заботы», или «глобальных цепочек заботы и ухода» (ГЦЗ), которые представляют собой сетевые образования, направленные на поддержание бытового процесса в домохозяйствах мигрантов посредством последовательного трансферта сервисных функций от одного к другому на основании разных

видов властных отношений: гендерных, этнических, социально-классовых. Образно говоря, ГЦЗ вынуждают женщин «оставлять свои собственные опрятные спаленки и чистенькие кухоньки только для того, чтобы навести порядок в чужом доме и залатать чью-то рваную одежду, а заодно — и нашу надорванную экономику» (Layosa, 1995).

Причина появления ГЦЗ кроется в новом мировом разделении труда, сложившемся в послевоенную эпоху. Благодаря подобному «международному разделению обслуживающего труда на основе гендерных и расовых признаков» (Ally, 2005) глобальный капитализм и неолиберальная экономическая реструктуризация установили «новый глобальный порядок домоводства» (Hondagneu-Sotelo, 2001), обуславливающий миграцию «новой домашней прислуги» (Lutz, 2008) с периферии мировой капиталистической системы в страны ее ядра для предоставления низкооплачиваемого обслуживающего труда семьям «золотого миллиарда». Таким образом, глобальные цепочки заботы можно рассматривать как «стратегические объекты для идентификации, изучения и теоретизирования гендерной динамики современного глобализационного процесса» (Sassen, 2005) и как «интимную политическую сцену, на которой транснациональный расизм и эксплуатация формируются, аккумулируются, возвращаются и нормализуются» (Gregoriou, 2008: 15).

Неолиберальную тенденцию массового участия женщин среднего класса в платном рынке труда и обретения ими финансовой независимости нередко рассматривают как обратную сторону и плату за утрату свободы их домработницами (Andall, 2000). Принося в жертву свою собственную семейную жизнь, мигрантки-служанки обеспечивают своим работодателям возможность успешно совмещать карьеру и семейные обязанности. Поэтому их иногда называют «совместительницами» трудовой деятельности и приватной жизни (Gregoriou, 2008: 9) в обеспеченных семьях Глобального Севера.

В постиндустриальных обществах рост спроса на женскую рабочую силу был обусловлен «кризисом заботы», приведшим к формированию экономики домашнего сервиса на основе «транснационализации обслуживающего труда» (Lutz, 2005) и «международного распределения заботы» (Parreñas, 2001). Этот процесс зиждется на эксплуатации преимущественно женской трудовой силы, рекрутируемой из трудовых мигранток третьего мира, что позволяет рассматривать кризис заботы как «одну из движущих сил феминизации миграционного процесса» (UN: INSTRAW, 2007: 2–3).

До недавнего времени формирование ГЦЗУ изучалось главным образом с точки зрения миграционных потоков из бедных стран Глобального Юга в обеспеченные постиндустриальные государства. После распада социалистического блока возникло новое направление исследований, изучающее формирование «круговорота заботы» в странах с переходной экономикой. Однако изучение этого процесса редко включает украинские реалии. В то же время феминизация трудовой миграции приводит к появлению в системе домашнего обслуживания Украины новой проблемы, которую можно определить как «брешь заботы» (care gap) (Himmelweit, 2002). Она возникает в результате диспропорции между спросом и предложением на внутреннем рын-

ке домашнего сервиса. С одной стороны, наблюдается возрастающая потребность в платных домашних услугах, а с другой стороны — усиливается отток за рубеж потенциальных работниц данной сферы. В перспективе этот процесс ведет к «дефициту заботы» (Hochschild, 1997) в Украине и, следовательно, к неизбежному кризису системы домашних бытовых услуг, который уже набирает силу. Очевидно, что сегодня назрела настоятельная необходимость выявления тех методов, стратегий и средств, которые позволят заполнить возникшую «брешь заботы» и предупредить неизбежный кризис в системе домашнего обслуживающего труда. Поэтому всестороннее исследование функционирования ЭЗиУ в украинских условиях — актуальная задача.

Заключение

В последние десятилетия основным трендом мирового развития стала глобализация, зиждущаяся на трех китах: торговле товарами, потоках капиталов и мобильности людей, причем последняя приобрела репутацию «мобильного суперкита» (Block, 2010). Возможности использования человечеством свободы передвижения, возросшие благодаря техническим достижениям последнего столетия, предопределили возникновение новых парадигматических перспектив в социальных науках. Одной из них является «парадигма мобильности», во многом определившая палитру социальных исследований последнего десятилетия. Направленная на исследование вопросов пространственной мобильности как «нового базиса социального порядка», она изучает социальные феномены через призму категории «движение». Общества рассматриваются ею как постоянно меняющие свои конфигурации, формируясь различными мобильными акторами: людьми, капиталом, информацией. При этом особое внимание уделяется междисциплинарному диалогу на тему концептуального сдвига от изучения оседлого образа жизни к исследованию социальных импликаций мобильности, используемого для объяснения социальных явлений с помощью различных форм мобильности, создающих и меняющих пространство. Вопрос ставится уже не о том, «двигаться или нет, а о том, как двигаться и какой ценой» (Веселкова, 2011: 54). За последнее десятилетие исследования мобильности не только обрели четкие контуры, свидетельствуя о достижении самостоятельности и состоятельности этого междисциплинарного проекта, но и сформировали собственный дискурс и идеологию (Manderscheid, Endres, Mincke, 2013), этику (Bergmann, Sager, 2008), политику (Cresswell, 2006) и методологию (Block, 2010; D'Andrea, Ciolfi, Gray, 2011). Особое место в данном исследовательском поле занимает изучение международной миграции как формы мобильности.

Другим трендовым направлением исследований в социальных науках является теория транснационализма. Определяемая критиками как новый «этикет постмодерна» (Friedman, 2007), она направлена на изучение трансграничных сетей и сообществ с точки зрения их процессуальности. Опираясь на концептуальный аппарат фигуративной социологии, транснациональный подход рассматривает миграцию как плюри- и транслокальный процесс, уделяя особое внимание способам интенсивного

использования современных средств связи на основе ускоренного развития транспортных и коммуникационных технологий (Vertovec, 2001: 574).

Третьим парадигматическим направлением социальных исследований является гендерный подход к изучению общественных процессов. Применительно к вопросам международной мобильности и миграции категория «гендер» (социальный пол) используется в качестве значимого маркера географических границ как конструируемых аспектов различия, играющего в сочетании с другими категориями дифференциации (классом, расой, этничностью, религией) важную роль в придании значимости различным формам трансграничного опыта (Schimanski, 2010). Гендерный подход в миграциологии убедительно демонстрирует, что пространственная мобильность и миграция являются гендерно-маркированными процессами, поскольку гендер оказывает влияние на все его аспекты: причины, характер и эффект на всех уровнях, включая субъективный опыт мигрантов (UN-INSTRAW, 2007). Таким образом, анализ проблем мобильности и миграции с учетом гендерного фактора — необходимое условие для понимания этих процессов как сложных социально-экономических явлений и для осуществления эффективной политики в данной сфере.

Мы предприняли попытку объединения трех указанных парадигматических направлений социальных исследований на примере украинской трудовой миграции как массового феномена периода рыночных реформ. Преимущество такого интегрированного подхода состоит в том, что он дает возможность проследить, каким образом трансграничные сети мобильных женщин и мужчин участвуют в воспроизводстве, создании или трансформации иерархических гендерных практик и идеологий в условиях больших географических расстояний. Представляется, что в силу уникальности и новизны такого подхода он имеет несомненные перспективы в социальных исследованиях и его внедрение и развитие должно стать задачей ближайшего будущего.

Литература

- Абашин С. Н. (2012). Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. № 4. С. 3–13.
- Аюпова Ш. (2012). Узбекская трудовая миграция из южной Киргизии в Россию и её влияние на гендерные отношения // Диаспоры. № 2. С. 61–85.
- Баркер Дж. (2007). Парадигмы мышления: как увидеть новое и преуспеть в меняющемся мире / Пер. с англ. Т. Ю. Гутман. М.: Альпина Бизнес Букс.
- Бредникова О., Ткач О. (2010). Дом дляномады // Laboratorium. № 3. С. 72–95.
- Бурдые П. (1998). Структура, габитус, практика / Пер. С фр. Н. А. Шматко // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. I. № 2. С. 40–58.
- Веселкова Н. В. (1994). Полуформализованное интервью // Социологический журнал. № 3. С. 103–109.
- Веселкова Н. В. (2011). Новые исследования мобильности: совпадающие и несовпадающие потоки и социальная компетентность // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XIV. № 3. С. 50–66.
- Глуценко Г. И. (2005) Транснационализм мигрантов и перспективы глобального развития // Мировая экономика и международные отношения. № 12. С. 50–57.

- Голод С. И. (2008) Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. Т. 7. № 1. С. 40–49.
- Женщины-мигранты из стран СНГ в России. (2011) / Под ред. Е. Тюрюкановой. М.: Макс Пресс.
- Жінки та міграція. (2010). Харків: Права людини.
- Запорожец О. Н. (2012) От манифеста к тексту // Социологическое обозрение. Т. 11. № 3. С. 164–168.
- Зовнішні трудові міграції населення України. (2002) / За ред. Е. М. Лібанової, О. Позняка. Київ: РВПС України.
- Иващенко-Стадник Е. (2013). Вечное возвращение: современные проблемы социальной реинтеграции украинских трудовых мигрантов, прибывающих из ЕС в Украину (по результатам социологических исследований). (2013). CARIM-East RR 2013/05, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute.
- Інформаційно-аналітичні матеріали щодо міграційної ситуації в Україні за 2009 р. Сайт Державного комітету України у справах національностей та релігій. 01.04.2010. <http://www.scnm.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=47631&cat_id=47924> Дата доступу: 20.11.2010.
- Кайзер М., Бредникова О. (2004) Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство / Под ред. Т. Бараулина, О. Карпенко. СПб.: Центр независимых социологических исследований. С. 133–146.
- Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. (2011). Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское Востоковедение.
- Касимова С. (2010). Расширяя границы: межэтнические и межконфессиональные браки в постсоветском Таджикистане (на примере браков таджикских женщин с иностранцами) // Laboratorium. № 3. С. 126–149.
- Клецин А. А. (1996). Социология семьи // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. М.: «На Воробьевых горах», Институт социологии РАН. С. 147–168.
- Космарская Н. П. (1998). «Женское измерение» вынужденной миграции и миграционное законодательство России. М.: МЦГИ, Проект гендерная экспертиза.
- Космарская Н. П. (2005). От составителя // Диаспоры. № 1. С. 6–18.
- Мещеркина Е. Ю. (1999). Биографии «новых русских»: гендерная легитимация предпринимательства в постсоветском пространстве // Гендерные исследования. № 2. С. 123–144.
- Молодь та молодіжна політика в Україні: соціально-демографічні аспекти. (2010) / За ред. Е. М. Лібанової. Київ: Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М.В. Птухи НАН України.
- Николаевський В. М. (2007). Інтелектуальна міграція та соціальна безпека // Міграція та толерантність в Україні. Київ: Стилос. С. 121–126.
- Олимова С. К. (2012). Таджикистан: роль и статус женщин в домохозяйствах мигрантов // Диаспоры. № 2. С. 86–123.
- Пелях М. (2008). Влияние миграции на гендерные роли в Молдове // Гендер в развитии. № 8. <<http://europeandcis.undp.org/news/show/6E57259E-F203-1EE9-B6FBF423A4395A5E>> Дата доступу: 11.01.2008.

- Полетаев Д.* (2005). Женщины-мигранты из зарубежных стран в России // Demoscope Weekly. № 221-222. 7-20 сентября. <<http://demoscope.ru/weekly/2005/0221/analito3.php>> Дата доступа: 11.10.2008.
- Пономарева О.* (2011). Новітні форми української жертвовності // Українське слово. Інтернет-видання. 23.12.2011. <<http://ukrslovo.org.ua/ukrayina/suspilstvo/novitni-formy-ukrayinskoyi-zhertovnosti.html>> Дата доступа: 23.03.2013.
- Семья и человеческое развитие в Республике Башкортостан. (2012) / Под ред. Ф. Б. Бурхановой, Р. М. Валиахметова, Г. Ф. Хилажевой. Уфа: Восточная печать.
- Толстокорова А. В.* (2012а). Героини нашего времени: женская трудовая миграция из Украины // Диаспоры. № 1. С. 198–226.
- Толстокорова А. В.* (2012б). «Жди и помни меня!»: Украинская транснациональная семья как объект гендерного анализа // Диаспоры. № 2. С. 25–60.
- Толстокорова А. В.* (2012в). «Мама моет раму в Риме»: Гендерные аспекты транснационального родительства в Украине // Журнал исследований социальной политики. Т. 10. № 3. С. 396–408.
- Толстокорова А. В.* (2013а). Транснациональная семья как модернизированная модель семейных отношений: панацея, яд или плацебо? // Социологический журнал. № 3. С. 40–62.
- Толстокорова А. В.* (2013б). Унесенные ветром. Постсоветское поколение украинских женщин-мигранток // Лабиринт. № 2. С. 28–44.
- Толстокорова А. В.* (2013в). Лучи света в темном царстве: социальные дивиденды мигрантов в гендерной перспективе // Этнографическое обозрение. № 5. (В печати.)
- Трудова міграція населення Тернопільської області: кількісні та географічні аспекти. (2002). Тернопіль: Лідер.
- Фиалкова Л.* (2005) Опыт адаптации в устных рассказах «русских» израильтянок // Диаспоры. № 1. С. 19–47.
- Ally Sh.* (2005). Caring about care workers: organising in the female shadow of globalisation. <http://www.globaljusticecenter.org/papers2005/ally_eng.htm> Accessed April 3, 2007.
- Amelina A., Faist Th.* (2012). De-naturalizing the national in research methodologies: key concepts of transnational studies in migration // Ethnic and Racial Studies. Vol. 35. № 10. P. 1707–1724.
- Andall J.* (2000). Gender, migration and domestic service: the politics of black women in Italy. Aldershot: Ashgate.
- Anderson B.* (1991). Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. L.: Verso.
- Baldassar L., Baldock C., Wilding R.* (2007). Aged care across borders: transnational migration, families and long-distance care. L.: Palgrave MacMillan.
- Bauman Z.* (2000). Liquid modernity. Cambridge: Polity Press.
- Bauman Z.* (2005). Liquid life. Cambridge: Polity Press.
- Beyond borders: exploring links between trafficking and gender. (2010). GAATW Working Papers Series 2010. Global Alliance Against Traffic in Women.
- Bergmann S., Sager T.* (2008). The ethics of mobilities: rethinking place, exclusion, freedom and environment. L.: Ashgate.
- Blok A.* (2010). Mapping the super-whale: towards a mobile ethnography of situated globalities // Mobilities. Vol. 5. № 4. P. 507–528.
- Calgar A.* (2001). Constraining metaphors and the transnationalisation of spaces in Berlin // Journal of Ethnic and Migration Studies. Vol. 27. № 4. P. 601–613.

- Carling J., Menjivar C., Schmalzbauer L.* (2012). Central themes in the study of transnational parenthood // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 38. № 2. P. 191–217.
- Castles S., Miller M. J.* (2003). *The age of migration*. N. Y.: Palgrave Macmillan.
- Cresswell T.* (2010). Towards a politics of mobility // *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 28. № 1. P. 17–31.
- Deneva N.* (2012). Transnational aging carers: on transformation of kinship and citizenship in the context of migration among Bulgarian Muslims in Spain // *Social Politics*. Vol. 19. № 1. P. 105–128.
- D'Andrea A., Ciolfi L., Gray B.* (2011). Methodological challenges and innovations in mobilities research // *Mobilities*. Vol. 6. № 2. P. 149–160.
- Ehrenreich B., Hochschild A. R.* (2002). *Global woman: nannies, maids and sex workers in the new economy*. L.: Granta Books.
- European Parliament. (2006). Draft report on women's immigration: the role and place of immigrant women in the European Union. Committee on Women's Rights and Gender Equality.
- Fargues Ph.* (2006). The demographic benefit of international migration: hypothesis and application to Middle Eastern and North African contexts. World Bank Policy Research Working Paper № 4050.
- Folbre N.* (1995). Holding hands at midnight: the paradox of caring labor // *Feminist Economics*. Vol. 1. № 1. P. 73–92.
- Fouron G., Glick Schiller N.* (2001). All in the family: gender, transnational migration, and the nation-state // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. Vol. 7. № 4. P. 539–582.
- Friedman J.* (2007). *The anthropology of global systems: modernities, class and the contradictions of globalization*. Walnut Creek: Altamira Press.
- GFK Ukraine. (2008). The contribution of human resources development to migration policy in Ukraine. (Draft). Kyiv.
- Gherghel A., Le Gall J.* (2005). Transnational practices of care: the Azorean migration in Quebec (Canada). <<http://www.inter-disciplinary.net/wp-content/uploads/2009/10/Gheghel-paper.pdf>> Accessed 09.02.2010.
- Glick Schiller N.* (2013). The transnational migration paradigm: global perspectives on migrant research // *Migration and organized civil society* / Ed. D. Halm, Z. Sezgin. N. Y.: Routledge. P. 25–43.
- Glick Schiller L., Basch C., Blanc-Szanton N.* (1992). *Towards a transnational perspective on migration. race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered*. N. Y.: Annals of the New York Academy of Sciences.
- Gregoriou Z.* (2008). Gendering migration and integration policy frames: female migrant domestic workers as «precarious workers» and as «reconciliators» // *Integration of female migrant domestic workers: strategies for employment and civic participation*. Nicosia: University of Nicosia Press, MIGS.
- Hamann S.* (2007). Eastern Europe is running out of women // Report. № 1. P. 8–9.
- Hannam K., Sheller M., Urry J.* (2006). Editorial // *Mobilities, immobilities and moorings* // *Mobilities*. Vol. 1. № 1. P. 1–22.
- Hanson S.* (2010). Gender and mobility: new approaches for informing sustainability // *Gender, Place and Culture*. Vol. 17. № 1. P. 5–23.
- Himmelweit S.* (1999). Caring labor // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. № 561. P. 27–38.

- Himmelweit S.* (2002). Economic theory, norms and the care gap // *Analysing families: morality and rationalities in policy and practice* / Ed. A. Carling, S. Duncan, R. Edwards. L.: Routledge. P. 231–249.
- Hochschild A. R.* (1997). *The time bind: when work becomes home and home becomes work*. New York: Metropolitan/Holt.
- Hochschild A. R.* (2000). Global care chains and emotional surplus // *On the edge: living with global capitalism* / Ed. W. Hutton, A. Giddens. L.: Jonathan Cape. P. 130–146.
- Hondagneu-Sotelo P.* (2001). *Domestica: immigrant workers cleaning and caring in the shadows of affluence*. Berkeley: University of California Press.
- Hondagneu-Sotelo P., Avila E.* (1997). «I'm here, but I'm there»: the meaning of Latina transnational motherhood // *Gender and Society*. Vol. 11. № 5. P. 548–571.
- ILO. (2013). *Domestic workers across the world: global and regional statistics and the extent of legal protection*. Geneva: International Labour Office.
- Jolly S., Reeves H.* (2005). *Gender and migration. Overview report*. University of Sussex, Brighton: BRIDGE Institute of Development Studies.
- Kambouri N., Zavos A.* (2011). *Gender, migration and intercultural interactions in the Mediterranean and South East Europe. Final Synthesis Report*. Ge.M.IC. Panteion University (UPSPS), Greece.
- Kelly P., Lusic T.* (2006). Migration and the transnational habitus: evidence from Canada and the Philippines // *Environment and Planning A*. Vol. 38. № 5. P. 831–884.
- KISA. (2007). *KISA's contribution to Cyprus' report on the Resolution of the General Assembly of the United Nations 60/139 on «Violence against women migrant workers»*. KISA Action for Equality, Support, Antiracism.
- Kubal A., Bakewell O., De Haas H.* (2011). *Theorizing the evolution of European migration systems (THEMIS). The Evolution of Ukrainian Migration to the UK. Scoping Study Report*. International Migration Institute, University of Oxford.
- Layosa L.* (1995). *Economy menders* // *Tinig Filipino*. June 7. P. 7.
- Levitt P., Glick Schiller N.* (2007). Conceptualizing simultaneity: a transnational social field perspective on society // *Rethinking migration: new theoretical and empirical perspectives* / Ed. A. Portes, J. DeWind. N. Y., Oxford: Berghahn Books. P. 181–218.
- Levitt P., Sørensen N. N.* (2004). The transnational turn in migration studies // *Global Migration Perspectives*. № 6. <http://www.solidarnosc.org.pl/uploads/oryginal/o/5f5do_Transnational_turn.pdf> Accessed 15.09.2010.
- Lutz H.* (2004). Migration, transnationality, gender in the private household // *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 12. № 1. P. 47–55.
- Lutz H.* (2005). *When homes become a workplace: domestic work as an ordinary job?* Paper for the International Conference on «Migration and Domestic Work in Global Perspective». Wassenaar, Netherlands, May 26–29.
- Lutz H.* (2008). Introduction: Migrant domestic workers in Europe // *Migration and domestic work* / Ed. H. Lutz. Aldershot: Ashgate. P. 1–10.
- Mandel J.* (2004). Mobility matters: women's livelihood strategies in Porto Novo, Benin // *Gender, Place and Culture*. Vol. 11. № 2. P. 257–287.
- Manderscheid K., Endres M., Mincke Ch.* (2013). *Discourses and ideologies of mobility*. (forthcoming).
- Merla L., Baldassar L.* (2010). Les dynamiques de soin transnationales: entre émotions et considérations économiques // *Recherches sociologiques et anthropologiques*. Vol. 41. № 1. P. 1–10.

- Morawska E.* (2005). The sociology and history of immigration: reflections of a practitioner // International migration research: constructions, omissions, and the promises of interdisciplinarity / Ed. M. Bommers, E. Morawska. Aldershot: Ashgate. P. 203–239.
- Morokvasic M.* (2003). Transnational mobility and gender: a view from post-Wall Europe // Crossing borders and shifting boundaries. Vol. 1: Gender on the move / Ed. M. Morokvasic-Müller, U. Erel, K. Shinozaki. Opladen: Leske and Budrich. P. 101–133.
- Morokvasic M.* (2004). Settled in mobility: engendering post-Wall migration in Europe // Feminist Review. Vol. 77. № 1. P. 7–25.
- Morokvasic M.* (2008). Crossing borders and shifting boundaries of belonging in post-Wall Europe: a gender lens. <<http://www.migrationonline.cz/themes/gender/>> Accessed 15.04.2012.
- Mummert G.* (2005). Transnational parenting in Mexican migrants communities: redefining fatherhood, motherhood and caregiving. Paper presented at the conference «The Mexican International Family Strengths». Cuernavaca, Mexico, June 1–3. <http://www.ciesas.edu.mx/proyectos/mifs2005/papers/03/gail_mummert.pdf> Accessed 13.02.2012.
- Nesteruk O., Marks L. D.* (2009). Grandparents across the ocean: Eastern European immigrants' struggle to maintain intergenerational relationships // Journal of Comparative Family Studies. Vol. 40. № 1. P. 77–95.
- Oishi N.* (2002). Gender and migration: an integrative approach. Working paper 49. CCIS. University of California, San Diego.
- Orozko M., Lowell B. L., Bump M., Fedewa R.* (2005). Transnational engagement, remittances and their relation to development in Latin America and the Caribbean. Final report. Institute for the Study of International Migration, Georgetown University.
- Parreñas R. S.* (2001). Servants of globalization: women, migration, and domestic work. Stanford: Stanford University Press.
- Parreñas R. S.* (2005). Long distance intimacy: class, gender and intergenerational relations between mothers and children in Filipino transnational families // Global Networks. Vol. 5. № 4. P. 317–336.
- Petrozziello A. J.* (2011). Feminised financial flows: how gender affects remittances in Honduran—US transnational families // Gender & Development. Vol. 19. № 1. P. 53–67.
- Phizacklea A.* (2003). Gender actors in migration // Gender and ethnicity in contemporary Europe / Ed. J. Andal. Oxford: Berg. P. 23–40.
- Portes A., Bach R.* (1985). Latin journey: Cuban and Mexican immigrants in the United States. Berkeley: University of California Press.
- Portes A., Guarnizo L. E., Landolt P.* (1999). The study of transnationalism: pitfalls and promise of an emergent research field // Ethnic and Racial Studies. Vol. 22. № 2. P. 217–237.
- Pries L.* (1996) Transnationale Soziale Raume: theoretisch-empirische Skizze am Beispiel Mexiko—USA // Zeitschrift für Soziologie. Vol. 25. № 6. S. 456–472.
- Sassen S.* (2005). Strategic instantiations of gendering: global cities and global survival circuits. Presentation at the International Forum on remittances, Washington, 20 June. <<http://www.uninstraw.org/es/index.php?option=content&task=view&id=1006&Itemid=121>>
- Sheller M., Urry J.* (2006). The new mobilities paradigm // Environment and Planning A. Vol. 38. № 2. P. 281–299.
- Schimanski J.* (2010). Reading gender in border-crossing narratives // Gendering border studies / Ed. J. Aaron, H. Altink, C. Weedon. Cardiff: University of Wales Press. P. 105–126.
- Schmalzbauer L.* (2004). Searching for wages and mothering from afar: the case of Honduran transnational families // Journal of Marriage and Family. Vol. 66. № 5. P. 1317–1331.

- Sørensen N. N.* (2005). Transnational family life across the Atlantic: the experience of Colombian and Dominican migrants in Europe. Paper for the International Conference «Migration and Domestic Work in a Global Perspective». Wassenar, Netherlands, May 26–29.
- Tiaynen T.* (2011). Transnational babushkas: grandmothers? Changing lives across Russian—Finnish border. Paper for the 10th conference of the European Sociological Association (ESA) «Social Relations in Turbulent Times». Geneva, September 7–10.
- Thadani V. N., Todaro M. P.* (1984). Female migration: a conceptual framework // *Women in the cities of Asia: migration and urban adaptation* / Ed. J. T. Fawcett, S.-E. Khoo, P. C. Smith. Boulder: Westview Press. P. 36–59.
- Tolstokorova A.* (2008). Locally neglected, globally engaged: Ukrainian women on the move // *Technologies of globalization: International Conference Proceedings* / Ed. R. Anderl, B. Arich-Gerz, R. Schmiede. Darmstadt: Technical University Darmstadt. P. 44–61.
- Tolstokorova A.* (2009a). Who cares for carers? Feminization of labor migration from Ukraine and its impact on social welfare // *International Issues and Slovak Foreign Policy Affairs*. Vol. XVIII. № 1. P. 62–84.
- Tolstokorova A.* (2009b). Multiple marginalities: gender dimension of rural poverty, unemployment and labour migration in Ukraine. Paper presented at the FAO-IFAD-ILO Workshop «Gaps, trends and current research in gender dimensions of agricultural and rural employment: differentiated pathways out of poverty». Rome (Italy), 31 March — 2 April. <http://www.fao-ilo.org/fileadmin/user_upload/fao_ilo/pdf/Papers/17_March/Tolstokorova-final.pdf>
- Tolstokorova A.* (2010). Bitter berries of better life: socio-demographic costs of labour migration for the Ukrainian society // *ENQUIRE Online Journal. Stories of Migration: Research, Theories and Everyday Lives* / Ed. S. Okyere, R. Madziva, J. Greener, S. Brown. 5th Edition. School of Sociology & Social Policy, University of Nottingham. P. 68–94.
- Tolstokorova A.* (2011). Virtual daddies, mommies and grannies: Ukrainian transnational parenthood and grandparenthood in gender perspective. Paper for IDEA Conference «Gender justice and development: local and global». Bryn Mawr College, USA. June 9–11.
- Tolstokorova A.* (2012). Of women's bondage: socio-economic effects of labour migration on the situation of Ukrainian women and family // *Acta Universitatis Sapientiae*. Vol. 2. № 1. P. 9–29.
- UN. (2006). *World survey on the role of women in development: women and international migration*. New York: United Nations Organization.
- UNIFEM. (2006). *The story behind the numbers: women and employment in Central and Eastern Europe and the Western Commonwealth of Independent States*. <<http://www.refworld.org/docid/46cadad40.html>> Accessed 10.06.2012.
- UN-INSTRAW. (2007). *Feminization of migration. Working Paper 1*. Santo Domingo.
- Urry J.* (2000). *Sociology beyond societies: mobilities for the twenty-first century*. L.: Sage.
- Valentine G.* (1989). The geography of women's fear // *Area*. Vol. 21. № 4. P. 385–390.
- Vertovec S.* (2001). Transnationalism and identity // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 27. № 4. P. 573–582.
- Vuorela U.* (2002). Transnational families: imagined and real communities // *The transnational family: new European frontiers and global networks* / Ed. D. Bryceston, U. Vuorella. N. Y., Oxford: Berg. P. 63–82.
- Widmer E.* (2010). *Family configurations: a structural approach to family diversity*. Farnham: Ashgate.
- Zlotnik H.* (1998). International migration 1965–1996: an overview // *Population and Development Review*. Vol. 24. № 3. P. 429–468.

Коллективное и индивидуальное в философской антропологии Э. Дюркгейма

Григорий Юдин*

Аннотация. В статье рассматривается содержание философско-антропологической концепции Э. Дюркгейма. Анализируется структура аргумента Дюркгейма в работе «Дуализм человеческой природы и его социальные условия», а также эволюция взглядов Дюркгейма на соотношение коллективного и индивидуального в контексте проблемы природы человека. В поздних работах Дюркгейма ядром коллективной жизни выступает опыт общности, обладающий собственной динамикой и колеблющийся вместе с соотношением коллективного и индивидуального в человеке. Дюркгейм обосновывает необходимость науки, способной проводить аналитику этого соотношения. В статье обсуждается, в какой степени дюркгеймовский проект социологии адекватен для решения этой задачи.

Ключевые слова: Дюркгейм, сакральное, профанное, коллективное, индивидуальное, общность, солидарность.

В настоящем номере читателю предлагается перевод статьи Эмиля Дюркгейма «Дуализм человеческой природы и его социальные условия», основанной на его последней большой работе «Элементарные формы религиозной жизни». В ней в концентрированном виде излагается один из наиболее важных тезисов книги — социологическое объяснение двойственности человеческой природы. «Элементарные формы» всегда были классикой теорий сакрального, которые, впрочем, находились на границах поля социологии или вообще за его пределами¹. Новая волна интереса к этой работе в социологии возникла примерно четверть века назад (Durkheimian sociology, 1988; On Durkheim's «Elementary forms of religious life», 1998), и в последнее время поднимается и в России — в первую очередь благодаря развитию культуросоциологического направления, обширно представленного на страницах «Социологического обозрения» (Куракин, 2011)².

Предлагаемый вниманию читателя текст может вызвать интерес не только потому, что «Элементарные формы» к настоящему времени не переведены на русский

* Юдин Григорий Борисович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ. E-mail: gregloko@yandex.ru

© Юдин Г. Б., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

1. См. обширный обзор теорий сакрального в работе С. Зенкина (Зенкин, 2012).

2. Впрочем, теоретические исследования дюркгеймовской социологии религии предпринимались и ранее (Гофман, 1975).

язык³, но и благодаря его собственной значимости — дюркгеймовская теория двойственной человеческой природы по-прежнему провоцирует активное обсуждение в специализированной литературе (Hynes, 1975; Hawkins, 1977; Cladis, 1992; Shilling, Mellor, 1998; Miller, 2010; Fish, 2013)⁴. Между тем даже для читателей, хорошо представляющих себе значение для современной социологии поздних работ Дюркгейма, тематика этой небольшой статьи и её философские амбиции могут показаться несколько неожиданными или периферийными для Дюркгейма. Основное направление рецепции идей Дюркгейма в социологии сегодня предполагает использование категориального аппарата его теории религии для анализа символического строения отдельных, заранее определённых доменов социальной жизни. Этот подход заложен во вводной статье Дж. Александера к коллективной монографии, которая «переоткрыла» «Элементарные формы» для социологии:

«В ряде глубоких и обстоятельных рассуждений по вопросам образования, политики, профессиональной организации, морали и закона Дюркгейм показал, что эти современные сферы должны исследоваться в терминах символических классификаций. Их структура задаётся напряжениями между полями сакрального и профанного; ключевые социальные процессы, происходящие в них, являются ритуальными; наиболее существенная структурная динамика этих сфер связана с созданием и разрушением социальных солидарностей» (Alexander, 1988: 3).

В рамках такой интерпретации рассуждения Дюркгейма о человеческой природе могут показаться побочным продуктом его теоретизирования.

Стоит обратить внимание на то, в какой форме Дюркгейм задаёт базовый философско-антропологический вопрос. Его аргумент состоит в том, что различные формы дуализма, которые обнаруживаются в человеке, могут быть сведены к оппозиции индивидуального и коллективного; решение вопроса о человеческой природе зависит, таким образом, от того, в какой степени и в каком смысле человек является существом общественным. Это специфически политико-философская формулировка вопроса о человеческой природе, и она не должна вызывать удивления, если помнить, что Дюркгейм считал свою социологию прямой наследницей теории общественного договора Руссо (Durkheim, 1966). И всё же в ранних работах Дюркгейм предпочитал воздерживаться от выдвижения универсальных философско-антропологических утверждений: с его точки зрения, политические мыслители долгое время грешили тем, что «были убеждены в существовании единственной формы политического режима, единственной моральной и правовой дисциплины, которая согласовывалась бы с природой всех людей, в то время как все прочие встречающиеся в истории формы неправильны или по меньшей мере несовершенны... Они закрывали глаза на историю и потому не могли осознать, что человек не всегда и повсюду одинаков, что он,

3. Существуют варианты перевода отдельных частей работы, из которых самая крупная — введение и первая глава, переведённые А. Гофманом (Дюркгейм, 1998).

4. Существуют два перевода этой статьи на английский язык — см. комментарии авторов второй версии перевода на этот счёт (Eulriet, Miller, 2005).

напротив, изменчив и разнообразен» (Durkheim, 1966: 48). В целом для Дюркгейма долгое время было характерно критическое отношение к эссенциалистским теориям человека, поскольку они основываются на спекулятивном дедуктивном рассуждении и нечувствительны к исторической динамике человека и влиянию социальной среды на него (Hawkins, 1977: 231). Это, разумеется, не означает, что социологический проект Дюркгейма был лишён философского содержания; однако его основное преимущество перед существующими философскими доктринами Дюркгейм видел в его эмпирической обоснованности и потому сознательно избегал метафизических дискуссий. Подобно Конту, Дюркгейм рассчитывал, что решение философских вопросов придёт из позитивного научного исследования, и этот расчёт заметен и в «Дуализме человеческой природы».

При этом можно заметить, что отстаиваемая здесь концепция дуализма намечена уже в «Самоубийстве», где Дюркгейм рассуждает о том, что над физическим человеком «надстраивается» социальный (Durkheim, 1897: 228). По мере эволюции мысли Дюркгейма философско-антропологические рассуждения становятся более эксплицитными: исторический релятивизм уступает место универсалистским суждениям, а релятивизм социальный — рассмотрению места внесоциальных и досоциальных свойств человека в его общей конституции (Hawkins, 1977). Однако в ходе развития дюркгеймовской мысли значение теории дуализма несколько меняется. В «Самоубийстве» соотношение коллективного и индивидуального мыслится главным образом через соотношение нормы и патологии, так что предполагается, что нормальному состоянию общества соответствует некоторое относительно устойчивое соотношение между коллективным и индивидуальным сознанием, а нарушение этого баланса ведёт к нарушениям социальной регуляции, которые отражаются в разных типах причин, по которым человек может лишать себя жизни (Hynes, 1975; Юдин, 2009). В «Элементарных формах» же противостояние коллективного и индивидуального начал, переописанных в терминах «сакральное» и «профанное», разворачивается во времени, так что постоянное переключение сакрального и профанного оказывается необходимым условием человеческого сосуществования. Иными словами, если изначально теория объясняла, каким образом устойчивое существование общества совместимо с наличием в человеке коллективной и индивидуальной ипостасей, то поздняя концепция рассчитана на то, чтобы посредством изучения границы коллективного и индивидуального в человеке указать на границу самого надиндивидуального единства.

* * *

Как справедливо признаёт сам Дюркгейм, он отнюдь не является автором дуалистического представления о природе человека. При этом в своей статье он в качестве предшественников упоминает и подвергает критике монистические и дуалистические доктрины в философии вообще, а не собственно антропологические теории (это лишний раз доказывает, что для него политико-философская проблема соотношения коллективного и индивидуального выступает рамкой для философской мысли в це-

лом). Если же говорить об антропологическом дуализме в узком смысле и о формуле *homo duplex*, то её наиболее обстоятельно разработал знаменитый естествоиспытатель Ж.-Л. Бюффон. В четвёртом томе «Естественной истории» в специальном разделе «Homo duplex» он пишет:

«Изнутри человек двойственен, он состоит из двух принципов, различных по своей природе и противоположных по своему действию. Душа, духовный принцип, принцип всякого знания, всегда находится в оппозиции к другому принципу, животному и чисто материальному: первый из них — это чистый свет, сопровождаемый спокойствием и безмятежностью, благотворный источник, из которого происходят наука, разум, мудрость; второй — ложный слабый отблеск, который светит лишь в грозу и в темноте, неудержимый поток, катящийся и влекущий за собой страсти и ошибки» (Buffon, 1753: 69–70).

Бюффон указывает, что душа делает из человека моральное существо, и потому человеческие общества, в отличие от объединений животных, основаны на разуме и морали, а не на чувствах. По этой же причине человек оказывается куда более несчастен, чем животное: «Именно потому, что природа человека состоит из двух противоположных принципов, ему так трудно примириться с самим собой; именно отсюда происходят его неуверенность, нерешительность и огорчения» (Buffon, 1753: 77). Можно видеть, что Бюффон в значительной степени предвосхищает теорию Дюркгейма, включая отождествление оппозиции духовное/животное с оппозицией социальное/индивидуальное. Эти рассуждения Бюффона оказали заметное влияние на Руссо в его «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (Fellows, 1970: 48) и впоследствии стали стимулом для медитаций Бальзака и Бодлера. Таким образом, в том интеллектуальном поле, где находился Дюркгейм, идея *homo duplex* была хорошо известна.

В чём же состоит новизна подхода Дюркгейма к проблеме дуализма? Что даёт ему основания утверждать, что с помощью его теории удалось получить объяснение чему-то, что ускользало от прежних философских доктрин? Во вводных абзацах «Дуализма человеческой природы» Дюркгейм упоминает, что написать этот текст его вынудило ошибочное понимание аргументации из «Элементарных форм» критиками. Одно недопонимание, которое, очевидно, раздражало Дюркгейма, состояло в рассмотрении его антропологических построений как метафизических спекуляций. После выхода книги, 4 февраля 1913 года Дюркгейм представил свой подход к проблеме дуализма в докладе во Французском философском обществе. Важное возражение, озвученное историком религии А. Делакура, состояло в том, что Дюркгейм попросту подменяет одни метафизические утверждения другими:

«[Идеалистическая] метафизика падения здесь попросту замещается метафизикой порыва и связи... Если общество вовсе не имеет оснований в существах, которые составляют его, если оно внезапно возникает как высшая форма по их решению, то речь идёт о появлении разумного творения. Здесь обнаруживается та же трудность, которая использовалась в качестве упрёка по отношению к другой системе, пусть и в изменённом виде» (Durkheim, 1975b: 36–37).

Почему Дюркгейм считает это возражение несостоятельным? Обратимся к его аргументации в «Дуализме человеческой природы».

Основной тезис Дюркгейма, который, по его замыслу, должен пролить свет на явление двойственности, состоит в том, что дуализм человека — это частный случай дуализма сакрального и профанного. Принципиальное отличие этого утверждения от тех дуалистических теорий, которые Дюркгейм подвергает критике, состоит в том, что оно носит характер установленного факта, так как получено из социологического исследования, а социология является эмпирической наукой. Мы можем зафиксировать в сакральных вещах действие коллективных идеалов, «добродетелей *sui generis*», так что речь идёт не о «каком-то таинственном воздействии», а о «результатах доступной научному анализу психической операции». Формула «реальность *sui generis*», используемая для обоснования научности, была введена Дюркгеймом ещё в «Рассуждении о методе социологии», где доказательство научного статуса и автономии социологии базировалось на том, что устанавливалось наличие плана реальности, в котором действуют специфические для этого плана причинно-следственные связи, обладающие принудительным воздействием и нередуцируемые ни к каким другим (психологическим, биологическим и т.д.) реальностям. «Так как их [социальных явлений] существенный признак заключается в способности оказывать извне давление на индивидуальные сознания, то значит, они не вытекают из последних, и социология поэтому не есть королларий психологии» (Дюркгейм, 1991а: 492).

Действительно, если мир сакральных предметов — это просто овеществлённые коллективные идеалы, то мы можем, пользуясь эпистемологическим решением из «Рассуждения о методе», наблюдать сакральное как давление коллективного сознания на индивидуальные: «Сакральный принцип — это лишь гипостазированное и видоизменённое общество» (Durkheim, 1990: 495). Однако двойственная природа человека включает помимо коллективного ещё и индивидуальный компонент, ведь оппозицию сакральное/профанное Дюркгейм объясняет через оппозицию коллективное/индивидуальное. Находясь вне сферы действия сакральных вещей, в области профанного, человек ведёт «индивидуальную жизнь», обособляется от коллектива и наполняет коллективные идеалы индивидуальными содержаниями. Таким образом, для того чтобы объяснить оппозицию сакрального и профанного, необходимо описать соотношение между коллективным и индивидуальным. В то же время эпистемологические основания социологии позволяют нам исследовать лишь реальность коллективного — находясь в поле социологии, мы имеем дело с социальными причинами и их социальными следствиями, которые только проявляются на уровне индивидов, но указывают на действие надиндивидуальных сил. Именно на это Дюркгейм указывает в начале текста, обосновывая свой интерес к человеку: эмпирически социология вынуждена работать с индивидом, и ей важно понимать, какое место в нём занимает коллективное. Однако чтобы ответить на этот вопрос, нельзя обойтись без того, чтобы исследовать отношение между коллективным и индивидуальным. Способна ли социология справиться с этой задачей?

Известно, что основным ответом Дюркгейма на проблему соотношения индивидуального и коллективного долгое время была теория солидарности; точнее, она предполагала два ответа (механическую и органическую солидарность), соединённые представлением об исторической эволюции этого соотношения. Механическая солидарность обозначала подавление индивидуальных сознаний коллективным в ситуации, когда разделяемые ценности базируются на сегментарном морфологическом устройстве социальной жизни, которое гарантирует единообразие отдельных сознаний и непрерывный социальный контроль. «Не только все члены группы индивидуально притягиваются друг к другу, потому что они сходны, но они также привязаны к тому, что составляет условие существования этого коллективного типа, т.е. к обществу, образуемому их объединением» (Дюркгейм, 1991б: 104). Органическая солидарность, напротив, не действует насильственно и не препятствует повышению значения индивидуальности, но обеспечивает даже бóльшую силу коллективного сознания за счёт разделения труда. Индивиды уже не подчиняются давлению коллективного начала, но осознают взаимозависимость в системе разделения труда, в результате чего между ними возникают моральные связи, которые даже более эффективны в поддержании солидарности и сплочённости: «Имея личный облик и особую деятельность, отличающие его от других, [индивид] зависит от них в той же мере, в какой отличается, и, следовательно, зависит от общества, возникающего из их объединения» (Дюркгейм, 1991б: 214).

Задача Дюркгейма состояла в том, чтобы доказать преемственность между обществами с разным типом солидарности, продемонстрировать, что, несмотря на все различия, они всё же представляют собой разновидности одного и того же морфологического типа — общества, которое характеризуется солидарностью. Дюркгейм доказывал, что в процессе эволюции социальная сплочённость не дезинтегрирует, единство не исчезает, а лишь меняет свои основания: на место «солидарности по сходствам» заступают религиозное почитание индивидуального достоинства, вера в обязанность найти своё место в системе разделения труда, идеалы справедливости и мораль профессиональных групп (Pope, Johnson, 1983: 683). Однако во всех случаях необходимо, чтобы люди «любили друг друга, чтобы они почему-нибудь были связаны друг с другом и с одним и тем же обществом, часть которого они составляют» (Дюркгейм, 1991б: 119). Эти условия солидарности являются едиными для всех обществ — как для основанных на сходстве, так и на тех, что строятся на разделении труда.

В этом пункте состояло принципиально важное для классической социологии возражение Дюркгейма Ф. Тённису. Если Тённис подчёркивал, что в ходе эволюции мы последовательно имеем дело с двумя социальными агрегатами, общностью и обществом, из которых второй отличается не только иным принципом внутреннего соотношения элементов, но и попросту отсутствием единого источника воли, то Дюркгейм утверждал, что теория эволюции должна исходить из тождественности субстрата эволюции. В рецензии на «Общность и общество» Тённиса Дюркгейм подчёркивал, что между выделяемыми Тённисом типами социальной жизни столь большая разница, что невозможно понять, как один из них мог превратиться в другой

(Durkheim, 1975a). В этой связи Дюркгейм воздерживается от использования в своих работах по солидарности категории «общность» (*communauté*) и предпочитает говорить о двух типах обществ.

Однако если функционирование механической солидарности представляется относительно ясным (по признанию самого Дюркгейма, оно напоминает принцип существования общности у Тённиса — если не считать того, что Тённис предпочитает употреблять метафору организма именно по отношению к примордиальным связям), то идея органической солидарности вызывает множество вопросов. Многочисленные критики, из которых наиболее авторитетный, вероятно, Т. Парсонс, не раз указывали на то, что органическая солидарность, условием которой является индивидуализация и эмансипация индивидуального сознания от сознания коллективного, предстаёт противоречивым понятием (Parsons, 1966: 320). В самом деле, Дюркгейм пытается одновременно доказать, что: а) по мере развития дифференциации общество проходит процесс индивидуализации, сопровождающийся ослаблением коллективного сознания; б) что это не ведёт к появлению общества, основанного строго на контрактном согласовании личных интересов индивидуальных агентов, поскольку такое общество вообще не могло бы существовать и обеспечивать поддержание контрактных отношений; в) что это не означает катастрофы для коллективной жизни, поскольку такое индивидуализированное общество может базироваться на иной форме солидарности. Остаётся неясно, каким образом солидарность и индивидуализация могут одновременно нарастать, если рациональное кооперативное поведение взаимодействующих индивидов не может выступать достаточным основанием для солидарности (Pore, Johnson, 1983).

Итак, единственным прочным достижением теории солидарности оказывается концепция механической солидарности. Проблема, однако, состоит в том, что это ни в коем случае не могло бы устроить самого Дюркгейма по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, идея органической солидарности была его главным политико-философским аргументом, направленным против утилитаристской парадигмы общества как системы контрактных отношений, — неслучайно основной мишенью «Разделения труда» был выбран Г. Спенсер (Parsons, 1966: 311). Во-вторых, как показывает ведущий историк солидаризма М.-К. Бле, вся доктрина солидарности, получившая необыкновенное распространение в Третьей Республике, была направлена на поиск третьего пути, альтернативного либерализму и социализму (Blais, 2008; см. также: Гофман, 2013). Иначе говоря, весь политический смысл теории солидарности заключается как раз в концепции органической солидарности, и задача Дюркгейма состояла именно в том, чтобы обосновать возможность существования социального единства в обществе, построенном на разделении труда между индивидами, движимыми личными интересами (знаменитые «внедоговорные основания договора»). Между тем теория солидарности гораздо лучше справляется с объяснением состояния аномии, которое Дюркгейм эмпирически наблюдает в современном обществе, чем с обоснованием возможности переустроить общество в соответствии с идеалами солидаризма.

* * *

Неудача теории органической солидарности вынуждает Дюркгейма искать иной ответ на вопрос о соотношении между коллективным и индивидуальным. Направление этого поиска задаётся активной переоценкой роли религии, которую Дюркгейм производит после написания «Самоубийства». Если в теории солидарности отношение между коллективным и индивидуальным было конститутивным для общества и постоянным в условиях его нормального функционирования (отклонения давали патологию, сниженную моральную плотность, как, например, в случае аномии), то теперь оно начинает выглядеть совершенно иначе. Разработка этой оппозиции в «Элементарных формах» обнаруживает две важные особенности. Во-первых, в этой работе Дюркгейм не проводит различия между первобытными и современными обществами с точки зрения механики взаимодействия индивидуального и коллективного. Это не означает полного отказа от теории эволюции — однако теперь у Дюркгейма появляется универсальная концепция соотношения коллективного и индивидуального, а современное общество отличается от первобытного лишь степенью развития морального сознания и ритмикой его проявления. Причём если в «Элементарных формах» Дюркгейм ещё указывает на неразрывность души и тела (Durkheim, 1990: 347), то в «Дуализме человеческой природы» та же оппозиция абсолютизируется и акцентируется её конфликтность. Во-вторых, как замечает М. Дж. Хокинс, меняется само представление Дюркгейма о функционировании первобытных обществ: если в «Разделении труда» предполагалось, что в таких обществах происходит тотальное подавление индивида коллективом, то постепенно в теории появляется место для присущих человеку досоциальных наклонностей, которые противостоят социальному контролю (Hawkins, 1977: 244–245). Как ни странно, в поздних работах Дюркгейм даёт индивиду в первобытном обществе гораздо бóльшую свободу от коллективного давления, чем в концепции механической солидарности. В целом ряде видов деятельности дикарь оказывается волен следовать своим эгоистическим стремлениям: «В обычные дни основное место в умах занимают утилитарные и индивидуальные заботы. Каждый, со своей стороны, занят своей личной задачей; для большинства людей речь идёт прежде всего о том, чтобы удовлетворить требования материальной жизни, а главным двигателем экономической деятельности всегда был частный интерес» (Durkheim, 1990: 497). Однако такое место частным интересам отводится лишь для того, чтобы освободить пространство для динамики коллективной жизни, в которой коллективное набирает то бóльшую, то меньшую силу, достигая кульминации в моментах «бурления»: «Общество способно оживить ощущение самого себя, только если оно будет собираться. Однако заседать всё время оно не может. Требования жизни не позволяют ему оставаться бесконечно в состоянии конгрегации; оно рассеивается, чтобы вновь собраться, когда оно почувствует необходимость в этом» (Durkheim, 1990: 499).

Однако каким образом бурление организует соотношение между индивидуальным и коллективным? Индивидуальные сознания трансцендируют себя, преодолева-

ют эгоистические наклонности и принакают к источнику морали, которым является коллектив. Принципиально важно, что питаться от этого источника невозможно по-одиночке, а только совместно — усвоение морали происходит только в коллективном опыте, в опыте слияния индивидуальных сознаний. Этот опыт отсутствовал в предыдущей трактовке соотношения между индивидуальным и коллективным — в теории солидарности. В самом деле, для органической солидарности статус коллективного сознания, как показано выше, вообще не прояснён, а в условиях механической солидарности слияния индивидуальных сознаний происходить не могло, потому что они и так на постоянной основе поглощены коллективным сознанием.

Характерно, что, говоря об этом опыте в «Дуализме человеческой природы», Дюркгейм употребляет слово «*communio*», вплотную приближаясь к той самой терминологии, которой он старательно пытался избежать в период разработки теории солидарности. Несомненно, это понятие общности появляется у Дюркгейма в связи с его переоценкой коллективного как религиозного *par excellence*. В «Элементарных формах» этот термин возникает несколько раз, однако наиболее активно Дюркгейм использует его при обсуждении теории жертвы. Эту теорию, как и само понятие, Дюркгейм перенимает у У. Робертсона Смита, заслуга которого состоит в том, что он опроверг толкование жертвы как дара божеству: «Основополагающая идея жертвы заключается не в сакральной жертве, а в общности (*communio*) между богом и верующими посредством совместного причащения к живой плоти и крови сакральной жертвы» (Robertson Smith, 1889: 327)⁵. Английское и французское слово «*communio*», обозначающее «общность», «общение», во-первых, имеет ярко выраженные религиозные коннотации и употребляется для обозначения причащения к божеству, а во-вторых, отличается тем, что отсылает одновременно и к надындивидуальному субъекту, и к процессу сообщения между частями общности.

Если в «Элементарных формах» Дюркгейм говорит преимущественно об «алиментарной» общности — общности, основанной на поглощении общей субстанции, то в «Дуализме человеческой природы» мы видим, что эта алиментарная общность становится для Дюркгейма моделью коллективного как такового. Согласно отстаиваемому в статье взгляду, слияние индивидуальных сознаний возможно именно как производство такой общности. Сакральное работает через порождение коллективного опыта транссубстанциальности, и эта модель социального работает в равной мере и для австралийских аборигенов, и для современных обществ.

Коллективное не просто сталкивается и сражается с индивидуальным в человеке, заставляя его страдать, но ещё и чередуется с индивидуальным, порождая энергетические циклы, в ходе которых коллективность то ослабевает, то усиливается. Этот уровень коллективности определяет чувства, представления и поведение индивидов — ту степень, в которой их переживания и действия определяются коллективным

5. Дюркгейм добавляет, что этой сакральной жертвой, пищей, которая соединяет верующих между собой и с божеством, является не любая вещь, а тотем — тем самым отношения между божеством и верующими не создаются во время обряда жертвы, а возобновляются, ибо они уже и ранее присутствовали в сакральном тотеме, главной инстанции силы коллектива (Durkheim, 1990: 485).

или индивидуальным началами. И наука, которая желает объяснить формы социальной жизни, должна оперировать в первую очередь именно этим соотношением коллективного и индивидуального, оценивать степень сплочённости, её динамику и перспективы колебания — иными словами, не подходить к обществу как к чему-то заранее данному просто в силу того, что была выбрана социологическая точка зрения, а видеть в социальном единстве, в общности переменную величину, постоянно пульсирующую потенциальность объединения.

Таким образом, наука, контуры которой Дюркгейм разрабатывает в своих поздних сочинениях, не является наукой об обществе в том смысле, что она не должна и не может ограничиваться исследованием только той реальности, которая является реальностью общества. Более того, она не может подходить к индивидам лишь как к эмпирическим проявлениям воздействия этой социальной реальности. Её реальным предметом является соотношение коллективного и индивидуального в человеке, и в этом смысле само существование общества как надиндивидуального субъекта для неё всегда проблематично. Такая точка зрения была бы недоступна для чисто эмпирической науки, выводящей существование социального строго из наблюдаемых фактов — для науки, образ которой Дюркгейм проводит начиная со своих ранних работ. Однако такая точка зрения оказывается доступной для философски фундированной, но эмпирически ориентированной политической антропологии, способной охватить одним взглядом коллективное и индивидуальное в человеке, — антропологии, к которой Дюркгейм обращается в одной из своих последних значительных работ, предлагаемой теперь вниманию русскоязычного читателя.

Литература

- Гофман А. (1975). Религия в философско-социологической концепции Э. Дюркгейма // Социологические исследования. № 4. С. 178–187.
- Гофман А. (2013). Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012 / Ред. и сост. Н. Покровский, Д. Ефременко. М.: ИНИОН РАН; НИУ ВШЭ.
- Дюркгейм Э. (1991а). Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Наука. С. 391–532.
- Дюркгейм Э. (1991б). О разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Наука. С. 3–390.
- Дюркгейм Э. (1998). Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии (Введение и первая глава) / Пер. с фр. А. Б. Гофмана // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения: Антология / Сост. А. Красникова. М.: Канон+. С. 174–230.
- Зенкин С. (2012). Небожественное сакральное. М.: РГГУ.
- Куракин Д. (2011). [Ускользающее сакральное: проблема амбивалентности сакрального и ее значение для «сильной программы» культурсоциологии](#) // Социологическое обозрение. Т. 10. № 3. С. 41–70.
- Юдин Г. (2009). [Смысл самоубийства](#) // Социологическое обозрение. Т. 8. № 2. С. 80–93.

- Alexander J. C.* (1988). Introduction: Durkheimian sociology and cultural studies today // Durkheimian sociology and cultural studies / Ed. J. Alexander. Cambridge: Cambridge University Press. P. 1–21.
- Blais M.-C.* (2008). La solidarité // *Le Télémaque*. № 1. P. 9–24.
- Buffon G.-L.* (1753). Discours sur la nature des animaux // *Buffon G.-L.* Histoire naturelle, générale et particulière. Tome quatrième. Paris: Imprimerie Royale. P. 1–168.
- Cladis M.* (1992). Durkheim's individual in society: a sacred marriage? // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 53. № 1. P. 71–90.
- Durkheim E.* (1897). Le suicide: étude de sociologie. P.: Félix Alcan.
- Durkheim E.* (1966). Rousseau et Montesquieu, précurseurs de la sociologie. P.: Librairie Marcel Rivière et Cie.
- Durkheim E.* (1975a). Communauté et société selon Tönnies // *Durkheim E.* Textes. 1: Éléments d'une théorie sociale. Paris: Minuit. P. 383–390.
- Durkheim E.* (1975b). Le problème religieux et la dualité de la nature humaine // *Durkheim E.* Textes. 2: Religion, morale, anomie. P.: Minuit. P. 23–59.
- Durkheim E.* (1990). Les formes élémentaires de la vie religieuse: Le système totémique en Australie. P.: Quadrige/PUF.
- Durkheimian sociology and cultural studies. (1988) / Ed. J. Alexander. Cambridge: Cambridge University Press.
- Eulriet I., Miller W.W.* (2005). «The dualism of human nature»: translators' note // *Durkheimian Studies*. Vol. 11. P. 33–34.
- Fellows O.* (1970). From Voltaire to La Nouvelle Critique: problems and personalities. Genève: Droz.
- Fish J.* (2013). Homo duplex revisited: a defence of Émile Durkheim's theory of the moral self // *Journal of Classical Sociology*. In press.
- Hawkins M. J.* (1977). A re-examination of Durkheim's theory of human nature // *Sociological Review*. Vol. 25. № 2. P. 229–251.
- Hynes E.* (1975). Suicide and homo duplex: an interpretation of Durkheim's typology of suicide // *Sociological Quarterly*. Vol. 16. № 1. P. 87–104.
- Miller W. W.* (2010). Rethinking «The dualism of human nature» // *Durkheimian Studies*. Vol. 16. P. 137–144.
- On Durkheim's «Elementary forms of religious life». (1998) / Ed. N. J. Allen, W. S. F. Pickering, W. W. Miller. L.; N. Y.: Routledge.
- Parsons T.* (1966). The structure of social action. N. Y.: The Free Press.
- Pope W., Johnson B.* (1983) Inside organic solidarity // *American Sociological Review*. Vol. 48. № 5. P. 681–692.
- Robertson Smith W.* (1889). Lectures on the religion of the Semites. First Series: The fundamental institutions. N. Y.: D. Appleton & Co.
- Shilling C., Mellor P.* (1998). Durkheim, morality and modernity: collective effervescence, homo duplex and the sources of moral action // *British Journal of Sociology*. Vol. 49. № 2. P. 193–209.

Дуализм человеческой природы и его социальные условия*

Эмиль Дюркгейм

Аннотация. В статье кратко излагается социологическая концепция двойственной природы человека, разработанная автором в работе «Элементарные формы религиозной жизни». Фундаментальной особенностью человека является то, что в нём сталкиваются два противоположных начала, предстающие в оппозициях души и тела, понятия и ощущения, моральной деятельности и чувственных наклонностей. Несмотря на то, что противоречивость человека издавна известна философской мысли, ни одна из существующих доктрин не сумела дать ей объяснение. Развиваемая автором теория утверждает, что дуализм человека происходит из разделения всех вещей на сакральные и профанные, которое находится в основании любой религии. В сакральных вещах проявляется действие коллективного начала, позволяющего соединиться в общность индивидуальным сознаниям.

Ключевые слова: человеческая природа, сакральное, профанное, коллективное, индивидуальное, религия, мораль.

Социология определяется как наука об обществах; однако в действительности непосредственным предметом её исследования выступают человеческие группы, и в конечном счёте она может получить к ним доступ, только если дойдёт до последнего составляющего их элемента — до индивида. Ведь общество может образовываться лишь при условии, что оно пронизывает индивидуальные сознания и формирует их «по своему образу и подобию», — можно уверенно и без преувеличений сказать, что многие наши ментальные состояния, в том числе и основные, имеют социальное происхождение. Здесь в значительной степени часть является производным от целого, а значит, если мы будем пытаться объяснить целое, то получим хотя бы в качестве побочного результата и объяснение части. Коллективная деятельность вносит главный вклад в производство той совокупности интеллектуальных и моральных благ, которую называют цивилизацией, — именно поэтому, по Огюсту Контю, социология — наука о цивилизации. С другой стороны, цивилизация сделала из человека то, чем он является, она отличает его от животного. Человек является человеком только потому, что он цивилизован. Поиск причин и условий, от которых зависит процесс цивилизации, означает также и поиск причин и условий того, что есть в человеке

* Пер. с фр. Г. Б. Юдина. Источник: *Durkheim É.* (1914). *Le dualisme de la nature humaine et ses conditions sociales* // *Scientia*. № 15. P. 206–221.

© Durkheim É., 1914

© Юдин Г. Б., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

специфически человеческого. Социология, опираясь на психологию, без которой она не в состоянии обойтись, по справедливости вносит в последнюю вклад, эквивалентный полученной взамен помощи и даже превышающий её. Только исторический анализ способен объяснить, из чего сформирован человек, ведь человек формируется исключительно в ходе истории.

Опубликованная нами недавно работа «Элементарные формы религиозной жизни» позволяет проиллюстрировать эту общую истину конкретным примером. Попытка социологического изучения религиозных феноменов привела нас к необходимости предложить научное объяснение для одной из наиболее характерных особенностей нашей природы. Так как, к нашему удивлению, критики, которые к настоящему моменту высказались в отношении этой книги, по-видимому, не разглядели того принципа, на котором это объяснение основывается, мы сочли, что может быть небезынтесным кратко представить его читателям журнала «Scientia».

I

Этой особенностью является прирождённая двойственность человеческой природы.

Сам человек во все времена живо ощущал эту двойственность. В самом деле, повсюду он представлял себя состоящим из двух полностью разнородных существ: с одной стороны, тела, с другой — души. Даже когда душу представляют в материальной форме, считается, что она сделана из материи другого рода, нежели тело. Говорят, что она более возвышенная, более утончённая, более гибкая, она не воздействует на чувства подобно чисто чувственным предметам, она не подчиняется тем же законам и т. д. Два существа не только различаются материально, но в значительной мере независимы друг от друга, а часто даже находятся в конфликте. Веками люди верили, что уже в этой жизни душа способна отделиться от тела и вести автономное существование в отдалении. Но наиболее решительно эта независимость утверждается в связи со смертью. Тогда как тело распадается и исчезает, душа выживает и в течение какого-то времени продолжает следовать уготованной ей участи. Можно даже сказать, что душа и тело, будучи тесно связанными, не принадлежат к одному и тому же миру. Тело является составной частью материального мира, знакомого нам по чувственному опыту, а родина души находится в ином мире, куда она без конца стремится вернуться, — этой родиной является мир сакральных вещей. Кроме того, душа наделена достоинством, которого телу всегда недоставало, и если тело рассматривается как по существу профанное, то душа внушает некоторые чувства, которые повсюду закреплены за божественным. Она сделана из той же субстанции, что и сакральные существа, и её отличие от них состоит только в степени.

Такое повсеместное и неизменное верование не может быть просто иллюзией. Должно быть что-то, что породило это чувство собственной двойственности, которое человек испытывает во всех известных цивилизациях. И действительно, это под-

тверждает и психологический анализ: в самом средоточии нашей внутренней жизни обнаруживается та же двойственность.

Как в нашем интеллекте (*intelligence*), так и в нашей деятельности проявляются две совершенно разные формы: с одной стороны, ощущения¹ и чувственные наклонности, с другой — понятийное мышление и моральная деятельность. Каждая из этих двух частей притягивает нас самих к своему полюсу, и эти два полюса не просто отличны друг от друга, но противостоят друг другу. Наши чувственные желания обязательно эгоистичны, их предметом является исключительно наша индивидуальность. Когда мы удовлетворяем свой голод, жажду и т. д., то, если при этом в дело не вступает никакая другая наклонность, мы удовлетворяем себя и только себя². Напротив, моральная деятельность уже вследствие своего морального характера признаёт, что правила поведения, которым она следует, допускают универсализацию — таким образом, она по определению преследует безличные цели. Мораль возникает только вместе с незаинтересованностью, с привязанностью к чему-то иному, нежели мы сами³. Та же противоположность обнаруживается и в интеллектуальной сфере (*ordre intellectuel*). Чувство цвета или звука тесно связано с моим индивидуальным организмом, и я не могу отделить себя от него. Я не способен перенести его из моего сознания в сознание другого. Конечно, я могу пригласить другого встать перед тем же предметом и претерпеть воздействие этого предмета, но восприятие, которое он в результате получит, будет произведено им самим и будет его восприятием — точно так же, как моё восприятие присуще мне. Понятия же, напротив, всегда являются общими для многих людей. Они составляются из слов, однако лексика и грамматика языка не создаются какой-то отдельной личностью и не принадлежат ей — они вырабатываются совместно и выражают анонимную коллективность всех, кто их употребляет. Понятие о человеке или о животном — это не моё личное понятие, оно в значительной степени общее для меня и для всех людей, которые принадлежат со мной к одной социальной группе. Кроме того, поскольку понятия являются общими, они представляют собой главный инструмент всякого интеллектуального взаимодействия. Именно благодаря понятиям сознания (*ésprits*) общаются друг с другом. Конечно, в ходе мышления каждый из нас индивидуализирует понятия, полученные

1. К ощущениям следовало бы также добавить образы; но поскольку образы — это просто переживающие сами себя ощущения, мы не видим смысла упоминать их отдельно. То же самое относится и к восприятиям, которые суть комплексы образов и ощущений.

2. Несомненно, существуют эгоистические склонности, предметом которых не являются материальные вещи. Но в чувственных желаниях преимущественно проявляется эгоистический тип наклонностей. Мы даже полагаем, что привязанности, которые скрепляют нас с предметами иного рода, пусть эгоистический мотив и играет в них некоторую роль, всё же с необходимостью предполагают стремление к выходу за пределы себя, которое превосходит чистый эгоизм. Например, так происходит с любовью к славе, к власти и т. д.

3. См. наше выступление «Определение морального факта» во Французском философском обществе (*La détermination du fait moral // Bulletin de la Société Française de Philosophie. 1906. Т. 6. Р. 113 et sqq.*).

им от сообщества, накладывает на них собственный отпечаток; однако такого рода индивидуализации подлежит вообще всё личное⁴.

Таким образом, эти две стороны нашей психической жизни противостоят друг другу как личное — безличному. В нас имеется существо, которое всё представляет себе по отношению к себе самому, то есть со своей собственной точки зрения, и все его действия также направлены на него самого. Но есть и иное существо, которое познаёт вещи *sub specie aeternitatis*, как если бы оно было причастно другой, не нашей, мысли, и в то же время все его действия направлены на цели, превосходящие его самого. Старая формула *Homo duplex* подтверждается фактами. Наше устройство отнюдь не просто, наша внутренняя жизнь словно бы обладает двойным центром притяжения. С одной стороны, это наша индивидуальность, а точнее — наше тело, на котором она основана⁵; с другой стороны — всё, что выражает в нас нечто иное, нежели мы сами.

Эти две группы состояний сознания (*conscience*) не просто различаются по своему происхождению и свойствам; между ними имеется настоящий антагонизм. Они взаимно противоречат и исключают друг друга. Мы не можем посвятить себя моральным целям, не отрывая себя от себя самих, не ущемляя инстинктов и склонностей, которые глубже всего укоренены в нашем теле. Любое моральное действие предполагает жертву, поскольку, как показал Кант, закон долга может заставить нас подчиниться себе, лишь смилив нашу индивидуальную, или, как он выражается, «эмпирическую» чувственность. Мы можем без возражений и даже с энтузиазмом согласиться на эту жертву; но эта жертва не перестаёт быть реальной, даже когда она совершается в радостном порыве, а боль, которую непроизвольно ищет аскет, не перестаёт быть болью. И эта антиномия столь глубока и радикальна, что её никогда нельзя окончательно разрешить. Как могли бы мы всецело принадлежать и себе самим, и в то же время другим (или наоборот)? «Я» не может быть полностью иным, чем оно само, иначе бы оно исчезло; именно это и происходит в экстазе. Чтобы мыслить, нужно существовать, нужно обладать индивидуальностью. Однако, с другой стороны, «Я» не может быть полностью и исключительно самим собой, иначе бы оно лишилось всякого содержания. Если для того, чтобы мыслить, нужно существовать, то нужно также, чтобы было о чём мыслить. Но к чему свелось бы сознание, если бы в нём выражались лишь тело и телесные состояния? Мы не можем жить, не представляя себе окружающего нас мира и разного рода предметов, его наполняющих. Но уже оттого, что мы представляем их себе, они входят в нас и становятся тем самым частью нас самих, а значит, мы удерживаем их, мы одновременно связаны и с ними, и с самими собой. И

4. Мы не пытаемся отказать индивиду в способности формировать понятия. Он обучается у коллектива формировать представления такого рода. Но даже понятия, которые он таким образом формирует, обладают тем же характером, что и остальные, — они создаются так, что могут стать универсальными. Даже когда они произведены отдельной личностью, они отчасти безличны.

5. Мы говорим «наша индивидуальность», а не «наша личность». Хотя эти два слова часто путают, их следует различать со всей возможной тщательностью. Личность, по существу, состоит из надындивидуальных элементов (см. об этом: *Les formes élémentaires de la vie religieuse*. P. 386–390).

благодаря этому в нас есть что-то кроме нас самих, что вызывает нашу активность. Неверно думать, что нам так легко быть эгоистами. Абсолютный эгоизм, как и абсолютный альтруизм — это идеальные пределы, которых в реальности никогда нельзя достичь. Это состояния, к которым мы можем бесконечно приближаться, но никогда не способны их в точности осуществить.

В сфере наших знаний дело обстоит таким же образом. Понимание возможно только при условии понятийного мышления. Но чувственная реальность не входит самопроизвольно в рамки наших понятий. Она противится им, и чтобы покорить её, нам нужно осуществить некоторое насилие, произвести над ней разнообразные трудоёмкие операции, которые меняют её так, чтобы сознание могло её усвоить; и при этом нам никогда не удаётся сломить её сопротивление до конца. Наши понятия никогда не способны совершенно подчинить себе наши ощущения и полностью перевести их в умопостигаемые термины. Ощущения приобретают форму понятий лишь за счёт того, что теряют самое конкретное в себе — то, благодаря чему они говорят с нашим чувственным бытием и побуждают к действию: они становятся чем-то застывшим и мёртвым. Таким образом, мы не можем понять вещи, пока хотя бы отчасти не перестанем чувствовать в них жизнь, и не можем продолжать чувствовать жизнь, если не откажемся понимать её. Несомненно, иногда мы мечтаем о науке, которая адекватно выражала бы всё реальное. Однако это идеал — мы можем без конца к нему приближаться, но достичь его невозможно.

Это внутреннее противоречие — одно из свойств нашей природы. В соответствии с формулой Паскаля человек — это одновременно «ангел и животное», он не может быть полностью тем или другим. Отсюда следует, что мы никогда не находимся с собой в полном согласии, поскольку мы не можем следовать за одной из составляющих нашей природы без того, чтобы другая от этого страдала. Наша радость никогда не бывает чистой, к ней всегда примешивается частица боли, ведь мы не можем одновременно удовлетворить два пребывающих в нас существа. Именно этот разлад, это вечное несогласие с собой является одновременно причиной нашего величия и нашего несчастья: несчастья — потому что мы обречены жить в страдании, а величия — потому что именно это выделяет нас среди всех других существ. Животное стремится только в одном направлении, только к своему удовольствию, и лишь человек должен навсегда оставить в своей жизни место для страдания.

Таким образом, традиционное противопоставление тела и души — это не пустой миф, не имеющий оснований в реальности. Это правда, что мы двойственны, что в нас осуществляется антиномия. Но возникает вопрос, которого не могут избежать ни философия, ни даже позитивная психология: откуда происходят эта двойственность и эта антиномия? Из-за чего мы, как говорит тот же Паскаль, — «монстры противоречий», которые никогда не могут полностью удовлетвориться самими собой? Если это уникальное положение — одна из отличительных черт человека, то наука о человеке должна попытаться объяснить его.

II

Впрочем, было предложено не так уж много решений этой проблемы, и они не отличаются разнообразием.

Две доктрины, занимающие большое место в истории мысли, полагают, что устранили затруднение, в то время как на самом деле просто отрицают его, то есть представляют двойственность человека простой видимостью — это эмпиристский и идеалистический монизм.

Согласно первому, понятия — это только более или менее обработанные ощущения: все они состоят из групп сходных образов, которым придаёт некоторую индивидуальность одно и то же слово, используемое для их обозначения. Однако понятия не обладают реальностью за пределами этих образов и тех ощущений, продолжениями которых являются образы. Точно так же моральная деятельность — это просто ещё один аспект заинтересованной деятельности: человек, следующий долгу, на самом деле следует своему хорошо осознанному интересу. В этих условиях проблема исчезает: человек един, и жестокие мучения могут возникать в нём лишь оттого, что он не действует и не размышляет в соответствии со своей природой. Если вдуматься, то понятие невозможно противопоставить ощущению, из которого оно происходит, а моральное действие не может конфликтовать с действием эгоистическим, поскольку оно в конечном счёте происходит из утилитарных мотивов — во всяком случае, если здесь нет ошибки в понимании истинной природы морали. К сожалению, таким образом не удаётся объяснить те факты, которые вызывают вопрос. По-прежнему следует признать, что человек испокон веку беспокоен и недоволен, что он всегда чувствует себя раздираемым противоречиями и несогласным с самим собой, а более всего он во всех обществах и цивилизациях ценит те верования и практики, которые направлены не на то, чтобы устранить этот неизбежный раскол, а на то, чтобы смягчить его последствия, придать ему смысл и цель, сделать его чуть более переносимым, хотя бы дать человеку утешение. Невозможно допустить, чтобы это состояние повсеместной хронической болезни было результатом простого заблуждения, чтобы человек был творцом собственного страдания, чтобы он столь глупо упорствовал в этом страдании, если бы его природа в действительности располагала его к гармоничной жизни. Опыт должен был бы со временем развеять столь прискорбное заблуждение. По меньшей мере следовало бы объяснить, откуда могло произойти столь непостижимое ослепление. Между тем нам известно, какие серьёзные возражения вызвала эмпиристская гипотеза. Ей никогда не удавалось объяснить, каким образом худшее может стать лучшим; как индивидуальное, тёмное, смутное ощущение могло бы стать безличным, ясным и отчётливым понятием; как интерес мог бы превратиться в незаинтересованность.

С абсолютным идеализмом дело обстоит точно так же. Для него реальность тоже едина: если для эмпириста она состоит исключительно из ощущений, то для него она состоит из понятий. Абсолютному разуму, который видел бы вещи такими, как они есть, мир представлялся бы системой определённых терминов, связанных друг

с другом не менее определёнными отношениями. Что же до ощущений, то сами по себе они ничто, лишь спутанные и перемешанные понятия. Когда мы обнаруживаем ощущения в опыте, это происходит лишь оттого, что мы не умеем различать их элементы. Значит, в этих условиях между миром и нами, равно как и между разными частями нас самих, нет никакой фундаментальной оппозиции. И если мы полагаем, что чувствуем её, то это происходит из простой ошибки в выборе перспективы — достаточно лишь исправить эту ошибку. Однако тогда следовало бы признать, что эта ошибка постепенно исчезает по мере того, как расширяется область понятийного мышления, как мы обучаемся мыслить не столько ощущениями, сколько понятиями, то есть по мере того, как наука развивается и становится всё более важным фактором нашей душевной жизни. К несчастью, история не оправдывает эти оптимистические надежды. Напротив, человеческое беспокойство, как представляется, только возрастает. Великие религии современных народов — это религии, которые больше других настаивают на том, что нас опутывают противоречия, которые более всего стараются представить нам человека как существо терзаемое и болезненное; тогда как простоватые культы менее развитых обществ внушают весёлую уверенность и сами дышат ей⁶. Но религии выражают переживания человечества: было бы удивительно, если бы наша природа обретала всё большее единство и гармонию, в то время как мы чувствуем, что разлад внутри нас всё увеличивается. Между прочим, даже если предположить, что это только поверхностный, видимый разлад, эту видимость всё же следовало бы объяснить. Если ощущения — ничто без понятий, то нужно было бы ещё показать, почему они не являются нам такими, каковы они есть, а кажутся нам тёмными и смутными. Что могло бы придать им неясность, очевидно противоречащую их природе? Идеализм сталкивается здесь с трудностями, обратными тем, что столь часто и справедливо предъявлялись в качестве возражений эмпиризму. Если не удалось объяснить, как худшее могло бы стать лучшим, как ощущение, оставаясь самим собой, могло бы подняться до уровня понятия, то столь же трудно понять, как лучшее могло бы стать худшим, как понятие могло бы измениться и опуститься ниже самого себя, чтобы стать ощущением. Это падение не могло быть самопроизвольным: должен быть какой-то противоположный принцип, который привёл к нему. Однако в чисто монистической доктрине для такого рода принципа не остаётся места.

Если отставить в сторону эти теории, которые замалчивают проблему вместо того, чтобы решать её, то среди прочих распространённых концепций заслуживают рассмотрения лишь те, которые ограничиваются констатацией факта, но не объясняют его.

Прежде всего имеется онтологическое объяснение, сформулированное Платоном. Двойственность человека происходит из того, что в нём сталкиваются два мира: с одной стороны, мир лишённый разума и морали материи, с другой — мир Идей, Духа, Блага. Поскольку эти два мира противны друг другу по своей природе, они сражаются в нас, и так как в нас есть что-то от одного из них, а что-то — от другого, мы неизбежно будем находиться в конфликте с самими собой. Но хотя заслуга этого

6. См.: *Les formes élémentaires de la vie religieuse*. P. 30–321, 580.

целиком метафизического решения состоит в том, что оно утверждает существование факта, который необходимо постичь, а не пытается затушевать его, всё же оно лишь гипостазировывает две стороны человеческой природы, не объясняя их. Сказать, что мы двойственны, потому что в нас действуют две противоположные силы, — значит повторить проблему другими словами, а не решить её. Требуется указать, откуда происходят эти две силы и чем вызвано их противостояние. Конечно, вполне можно допустить, что мир Идей и Блага имеет основание своего существования в самом себе в силу приписываемого ему совершенства. Но почему тогда вне его имеется принцип зла, темноты, небытия? В чём могла бы состоять его функция?

Ещё менее понятно, как эти два мира, которые всё разделяет и которые, стало быть, должны отторгать и исключать друг друга, всё же объединяются и взаимопроникают, порождая таких смешанных и противоречивых существ, как мы. Представляется, что существующий между ними антагонизм должен был бы держать их в стороне друг от друга и сделать их слияние невозможным. Если воспользоваться языком Платона, Идея, которая по определению совершенна, обладает полнотой бытия, она самодостаточна и не нуждается больше ни в чём для своего существования. Зачем ей опускаться до материи, связь с которой способна лишь исказить её и лишить самой себя? С другой стороны, зачем материи стремиться к противоположному принципу, который она отрицает, зачем позволять ему проникать в себя? Наконец, ареной для описанной нами борьбы выступает прежде всего человек, у других существ мы этой борьбы не находим. Однако в соответствии с гипотезой два мира должны встречаться не только в человеке.

Ещё меньше объясняет теория, которой чаще всего удовлетворяются, — та, что основывает дуализм человека уже не на двух метафизических принципах, являющихся причинами всей реальности в целом, а на существовании в нас двух противоположных способностей. Мы обладаем одновременно способностью мыслить индивидуальное — чувственностью, и способностью мыслить универсальное и безличное — разумом. Наша деятельность, со своей стороны, обнаруживает совершенно противоположные свойства в соответствии с тем, от каких мотивов она зависит — чувственных или рациональных. Более всех на противоположности разума и чувственности, рациональной и чувственной деятельности настаивал Кант. Но хотя эта классификация фактов вполне обоснованна, она не даёт никакого решения занимающей нас проблемы. Учитывая, что мы обладаем одновременно способностью жить как личной, так и безличной жизнью, требуется выяснить не то, какие названия следует дать двум этим противоположенным способностям, но как они соединяются в одном и том же существе, несмотря на всю свою противоположность. Почему мы способны быть частью одновременно двух этих существований? Каким образом вышло так, что мы созданы из двух половин, которые кажутся принадлежащими двум разным существам? Когда каждому из них дают новое название, это не продвигает исследование вопроса ни на шаг.

Это решение только на словах, но им слишком часто довольствуются, потому что обычно рассматривают ментальную природу человека как исходную данность, ко-

торая не нуждается в объяснении. Поэтому полагают, что когда тот или иной факт, которому ищут причины, связывается с определённой человеческой способностью, то всё тем самым уже сказано. Но почему человеческое сознание, которое, по сути, представляет собой лишь систему феноменов, совершенно сопоставимых с другими наблюдаемыми феноменами, должно быть вне объяснения, выше его? Сегодня мы знаем, что наш организм — результат развития; почему же с нашим психическим строением дело должно обстоять иначе? И если в человеке и есть что-то, требующее немедленного объяснения, то это как раз та странная противоположность, которая в нём осуществляется.

III

Впрочем, всё сказанное нами выше о том, что дуализм человека всегда проявляется в религиозной форме, подсказывает, что ответ на поставленный вопрос следует искать в совершенно ином направлении. Мы указывали, что душа повсюду рассматривается как сакральная вещь; в ней видят частицу божественного — она жива лишь на протяжении земной жизни и словно бы сама стремится к месту своего происхождения. Тем самым она противопоставляется телу, которое рассматривается как профанное; и всё в нашей ментальной жизни, что зависит от тела — ощущения, чувственные позывы, — всё это наделено теми же свойствами. Их также считают низшими формами нашей деятельности, в то время как разуму и моральной деятельности приписывается более высокий статус: говорят, что это способности, с помощью которых мы общаемся с Богом. Даже самый свободный от всех конфессиональных верований человек представляет себе эту оппозицию если не в точно такой же, то в сходной форме. Разным психическим функциям приписывают разную ценность: среди них существует иерархия, и внизу располагаются те, что в наибольшей степени зависят от тела. Между прочим, мы показали⁷, что мораль всегда проникнута религиозностью: даже для светского сознания Долг, моральный императив — это нечто высочайшее и сакральное. Сходные чувства естественным образом внушает и разум, без помощи которого не может обойтись моральная деятельность: ему мы также приписываем определённое совершенство и несравненную ценность. Таким образом, двойственность нашей природы — это лишь частный случай этого разделения вещей на сакральные и профанные, которое находится в основании всех религий; а значит, и объяснять её надо исходя из тех же принципов.

Именно такое объяснение мы попытались предложить в упомянутом сочинении «Элементарные формы религиозной жизни». Мы хотим показать, что сакральные вещи — это просто коллективные идеалы, которые прикрепляются к материальным объектам⁸. Когда какой-либо коллектив вырабатывает идеи и чувства, они уже в силу

7. См.: *La détermination du fait moral* // *Bulletin de la Société Française de Philosophie*. 1906. Т. 6. Р. 125.

8. См.: *Formes élémentaires de la vie religieuse*. Р. 268–342. Мы не можем привести здесь факты и аналитические выкладки, на которых основывается наше утверждение, и потому лишь кратко повторим основные этапы предложенного в книге рассуждения.

своего происхождения наделены влиянием, авторитетом, благодаря которому отдельные думающие о них и верящие в них субъекты представляют их себе в качестве господствующих и поддерживающих моральных сил. Когда эти идеалы приводят нашу волю в движение, мы чувствуем, как особые силы ведут нас, управляют нами, влекут нас — очевидно, что эти силы не происходят из нас самих, а навязываются нам. Мы чувствуем к ним уважение, почтительный страх, но вместе с тем и признательность за то, что от них мы получаем поддержку, ведь когда они общаются с нами, то всегда повышают наш жизненный тонус. И эти добродетели *sui generis* происходят вовсе не из какого-то таинственного воздействия; это просто результаты доступной научному анализу психической операции, в высшей степени творческой и плодотворной, которую называют слиянием, общностью (*communion*) множества индивидуальных сознаний, объединяющихся в общее сознание. Однако, с другой стороны, коллективные представления могут возникать, только воплощаясь в материальных предметах, вещах, разнообразных существах, изображениях, движениях, звуках, словах и т. д., которые внешним образом обозначают и символизируют их. Ведь только выражая свои чувства, переводя их в знаки и внешние символы, естественным образом близкие друг другу индивидуальные сознания могут ощущать, что объединяются (*communiunt*) и обретают согласие⁹. Вещи, которые выполняют эту роль, всегда происходят из тех же чувств, что и ментальные состояния, которые они представляют и, можно сказать, материализуют. Эти вещи так же уважают, их опасаются, у их могущества ищут помощи. Они не располагаются в той же плоскости, что и обычные вещи, которые интересны лишь нашей психической индивидуальности; они отделяются от таких вещей, мы назначаем для них совершенно особое место в реальности, мы выделяем их, и в этом радикальном разделении, в сущности, состоит их сакральный характер¹⁰. Эта система представлений — не просто плод воображения, не галлюцинация, так как моральные силы, которые эти вещи пробуждают в нас, вполне реальны; точно так же, как реальны те идеи, о которых слова напоминают нам после того, как с их помощью эти идеи были сформированы. Отсюда происходит то динамогенное воздействие, которое религии во все времена оказывали на людей.

Эти идеалы — продукт групповой жизни, но они могут возникать, и тем более продолжать своё существование, только если проникают в индивидуальные сознания и закрепляются там надолго. Общества извлекают из своего чрева в периоды творческого бурления великие религиозные, моральные и интеллектуальные концепции, и индивиды носят их в себе уже после того, как социальная общность сделала своё дело и группа распалась. Без сомнения, когда бурление ослабевает и каждый, заново обретая своё частное существование, удаляется от питавшего его источника жара и жизни, прежняя интенсивность этой жизни более не поддерживается. И всё же она не угасает, поскольку групповое действие не прекращается полностью, но постоянно придаёт этим великим идеалам немного силы, которую у них забирают эгоистические страсти и повседневные личные заботы, — именно этой цели служат публичные

9. *Formes élémentaires de la vie religieuse*. P. 329ff.

10. *Formes élémentaires de la vie religieuse*. P. 53ff.

праздники, церемонии, разнообразные ритуалы. Просто когда разные идеалы смешиваются с нашей индивидуальной жизнью, они сами индивидуализируются: оказываясь в тесной связи с другими нашими представлениями, они согласовываются с ними, согласовываются с нашим темпераментом, характером, привычками и т. д. Каждый из нас оставляет на них свой отпечаток, и получается, что каждый по-своему осмысляет верования своей церкви, правила общей морали, основополагающие понятия, за счёт которых осуществляется концептуальное мышление. Но даже когда коллективные идеалы обособляются и становятся элементами нашей личности, они всё же сохраняют свою характерную особенность — авторитет (*prestige*), которым они облечены. Будучи в полном смысле слова нашими собственными, они всё же говорят в нас иным тоном, звучат иначе, нежели все прочие состояния сознания: они повелевают нами, навязывают нам уважение к себе, мы не можем чувствовать себя с ними накоротке. Мы отдаём себе отчёт, что они представляют в нас нечто высшее по отношению к нам самим. Таким образом, человек чувствует себя двойственным совсем небезосновательно: он действительно двойственен. В нём действительно есть две категории состояний сознания, которые противоположны друг другу по своему происхождению, по своей природе и целям. Одни выражают лишь наш организм и предметы, с которыми он самым непосредственным образом соприкасается. Они строго индивидуальны и связывают нас лишь с нами самими: мы точно так же не можем отделить их от себя, как не можем отделить собственное тело. Другие же, напротив, происходят из общества: они переводят его в нас и связывают нас с тем, что нас превосходит. Они коллективны, а значит, безличны; они обращают нас к целям, общим для нас и других людей, и только посредством этих состояний мы можем быть в единении с другим. Таким образом, абсолютно верно, что мы состоим из двух частей, как бы из двух существ, которые связаны друг с другом, но сделаны из совершенно разных элементов и направляют нас в противоположные стороны.

В целом эта двойственность соответствует тому двойному существованию, которое мы одновременно ведём: одно из них — чисто индивидуальное и коренится в нашем организме, а второе — социальное и представляет собой просто продолжение общества. Сама природа элементов, между которыми существует описанный нами антагонизм, свидетельствует о том, что его причина именно в этом. В самом деле, конфликты, примеры которых мы приводили, происходят между ощущениями и чувственными позывами, с одной стороны, и интеллектуальной и моральной жизнью — с другой. Однако очевидно, что страсти и эгоистические наклонности происходят из нашего индивидуального устройства, тогда как наша разумная деятельность (как теоретическая, так и практическая) тесно связана с социальными причинами. Мы многократно показывали, что правила морали — это нормы, выработанные обществом¹¹. Их обязывающий характер — не что иное, как сама власть общества, которая передаётся всему, что из него происходит. С другой стороны, в книге, которая стала поводом для настоящей работы и к которой мы можем лишь ещё раз отослать читате-

11. *Division du travail social, passim*. См.: *La détermination du fait moral // Bulletin de la Société Française de Philosophie*. 1906. Т. 6. Р. 113–168.

ля, мы постарались показать, что понятия, эта материя любого логического мышления, исходно были коллективными представлениями: свойственная им безличность доказывает, что то действие, из которого они произошли, само является анонимным и безличным¹². У нас даже появились основания предполагать, что те основополагающие и выдающиеся понятия, которые называют категориями, сформировались по образцу социальных вещей¹³.

Данная гипотеза объясняет болезненный характер этого дуализма. Несомненно, если бы общество было лишь естественным и самопроизвольным развитием индивида, эти две части нас самих пришли бы в гармонию и подстроились одна под другую без столкновений и трений: первая из них не встретила бы во второй никакого сопротивления, так как сама была бы лишь её продолжением и как бы завершением. Но на самом деле общество обладает собственной природой, а следовательно, предъявляет совсем иные требования, нежели те, что предполагаются природой индивида. Интересы целого совсем необязательно совпадают с интересами части, и именно поэтому общество не может ни возникнуть, ни поддерживаться, не требуя от нас постоянно дорогих жертв. Уже за счёт того, что оно превосходит нас, оно вынуждает нас превосходить себя самих; а для существа превзойти себя означает в некоторой степени выйти за пределы своей природы, что возможно только за счёт более или менее мучительного напряжения. Как известно, способность к произвольному вниманию пробуждается в нас лишь под воздействием общества. Однако внимание требует усилия: чтобы быть внимательными, мы должны приостановить самопроизвольное течение своих представлений, не дать сознанию увлечься рассеивающим движением, которое его естественным образом захватывает, — одним словом, осуществить насилие в отношении некоторых наиболее властных наших склонностей. И поскольку с течением истории та часть, которую в нашем общем существе занимает существо социальное, становится всё более значительной, совершенно невероятно, чтобы когда-нибудь наступила эра, в которой человек будет свободен от необходимости сопротивляться самому себе и сможет жить менее напряжённой и более непринуждённой жизнью. Напротив, всё указывает на то, что в ходе процесса цивилизации усилие будет занимать всё больше места.

12. *Formes élémentaires de la vie religieuse*. P. 616ff.

13. *Formes élémentaires de la vie religieuse*. P. 12–28, p. 205ff., p. 336ff., p. 386, 508, 627.

Плагиат и конститутивный порядок диссертационного текста

*Андрей Корбут**

Аннотация. Статья посвящена проблеме плагиата в диссертационном тексте. На примере конкретного случая — диссертации по религиоведению, содержащей значительные заимствования из других текстов, — показывается, что без понимания механизмов производства локального текстуального порядка анализ плагиата будет недостаточным. Возможность успешной защиты диссертации, содержащей плагиат, связывается не столько с особенностями социального контекста, в который помещен текст диссертации, сколько с практиками компетентного чтения, которые лежат в основе научной экспертизы.

Ключевые слова: плагиат, диссертация, научный текст, экспертиза, практики чтения, социология науки.

Проблема

Плагиат в науке — явление не новое, и есть основания полагать, что с течением времени его объемы будут увеличиваться. Технический ответ на проблему заключается в создании все более эффективных алгоритмов обнаружения плагиата¹. Философский ответ предполагает поиск новых способов определения того, что такое плагиат, соответствующих современным образовательным и научным тенденциям².

* **Корбут Андрей Михайлович** — научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ. E-mail: korbut.andrei@gmail.com

© Корбут А.М., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Например, создатели самого популярного на сегодняшний день электронного инструмента выявления плагиата Turnitin утверждают, что их программное обеспечение способно обнаруживать даже переводной плагиат (http://pages.turnitin.com/rs/iparadigms/images/Turnitin_RELEASE_Translated_Matching_ENGLISH.pdf).

2. Скажем, по мнению антрополога Сьюзен Блум, распространение плагиата следует рассматривать не как симптом болезни, а как новую культурную реальность. «Если больше половины всех студентов занимаются плагиатом, то это явно указывает на наличие культурного влияния, которое побуждает их поступать подобным образом» (Blum, 2009: б). С точки зрения Блум, современные студенты испытывают постоянное давление со стороны университетов, заставляющих их максимально быстро производить тексты, соответствующие необходимым требованиям. Кроме того, студенты погружены в море других текстов; они постоянно взаимодействуют с интернетом и различными формами медиа, основанными на интертекстуальности; их побуждают работать в группах и действовать сообща. В результате студенты оказываются в ситуации, когда плагиат становится оправданным выбором, что требует трансформации наших представлений о плагиате.

Социологический ответ, который я попытаюсь сформулировать в настоящем тексте, предполагает анализ механизмов производства научных текстов. С этой последней точки зрения практика науки заключается не в институционализации определенных норм (общенаучных и/или специфических для отдельных сообществ), а в создании локального социального порядка. Этот порядок материален, и его материальная организация воплощается в том числе в научном тексте. Смещение фокуса внимания с широко понятого социального контекста на устройство самого научного текста позволяет анализировать те социальные практики, которые составляют рутинный, само собой разумеющийся фон научной деятельности. Именно этим фоном и пользуется плагиатор: он фабрикует текст, а не отношения с коллегами. Следовательно, анализ проблемы плагиата лучше начинать не с обсуждения «ситуации в отечественной науке» или «научного этоса», а с прояснения конститутивных практик текстуального научного производства.

Безусловно, современное понимание плагиата и отношение к нему сформировались лишь недавно. На разных этапах развития науки допустимость или недопустимость того, что мы сегодня зовем «плагиат», осмыслялась по-разному, как и граница между чужим/своим, которая и сегодня достаточно подвижна. Однако в любом случае эта граница устанавливалась и устанавливается в научной практике, изнутри которой ученые апеллируют к тому или иному пониманию плагиата. Осмысленность конкретного понимания плагиата для членов научного сообщества — это практическая проблема, которую они решают в актуальных ситуациях деятельности. В этом отношении решение проблемы плагиата лежит не столько в области формулирования и распространения некоторого понимания того, что такое плагиат (которое всегда можно релятивизировать, заявив, что его придерживаются лишь представители определенного сообщества), сколько в области изучения того, как создается плагиат и как его можно выявлять. Поэтому детальное исследование конкретных случаев плагиата не менее важно, нежели высказывание общего отношения к данной проблеме.

В самом широком смысле плагиат представляет собой присвоение работы, выполненной другим человеком. Речь идет именно о работе, а не о ее продукте, поскольку читатель научного текста обнаруживает в нем, помимо результатов академического труда, еще и способ их получения. Обнаруживаемый в тексте способ их получения при этом не совпадает с тем, как они реально производились. Безусловно, существует принципиальная разница между ситуацией написания текста и ситуацией его чтения. Однако научные тексты могут пониматься, даже если читатель ничего не знает о биографии автора и условиях написания текста. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, текст предоставляет ресурсы для его чтения. Говоря словами Эрика Ливингстона, текст неотделим от его чтения. Текст/чтение составляют неразрывную пару (Livingston, 1995: 86). «Текст» здесь обозначает описание того, как должно быть организовано чтение, а «чтение» — реальную практику чтения. Текст инструктирует читателя относительно того, как его следует читать. Поэтому научный текст отчуждаем от практики его написания, но неотчуждаем от практики его чтения. Во-вторых, читатель обнаруживает в тексте не только описание того, как его следует читать, но и

описание того, как он был написан. Этот второй тип описания присутствует в любого рода текстах, однако он принимает специфическую форму в текстах научных, где различные аспекты текста (сноски, приводимые данные, структура текста) позволяют судить о том, какая работа была проделана для его написания. В этом смысле работа написания проявляется в деталях текста. Хотя, как было сказано, реальная работа письма недоступна через конечный текст, текст как-то описывает эту работу и такое описание доступно читателю. Плагатор, соответственно, заимствует не только некоторый текст, но и описание того, как этот текст был получен.

В настоящей статье я рассмотрю один конкретный случай плагиата и попытаюсь показать, каковы его механизмы и как эти механизмы связаны с практикой производства научного текста, в данном случае — текста диссертации. Диссертация обладает своей спецификой, отличающей ее, например, от монографии, и ниже я буду останавливаться на том, в чем эта специфика состоит, однако во многом способы организации чтения диссертации и других научных текстов совпадают. Диссертация, которую я буду обсуждать, называется «Современные интерпретации социологической концепции религии Эмиля Дюркгейма в англоязычной религиоведческой литературе» (Сафронов, 2011) и была успешно защищена в ноябре 2011 года по специальности 09.00.14 («Философия религии и религиоведение»). Сначала в автореферате, а затем в самой диссертации я обнаружил множество заимствований³, большинство из которых представляло собой дословный перевод фрагментов ряда англоязычных текстов. Первоначальное «открытие» было сделано случайно: уточняя некоторые ссылки в процессе перевода статьи американского социолога Энн Ролз, я наткнулся на электронную версию автореферата, некоторые места в котором показались мне знакомыми. Сопоставив эти места с известными мне текстами Ролз, я выяснил, что в автореферате почти дословно повторяются фразы из некоторых статей Ролз, хотя при этом ссылки на источник отсутствовали. После этого я решил более внимательно проанализировать как автореферат, так и саму диссертацию, и в результате обнаружил многочисленные заимствования. Публикация результатов анализа диссертации вызвала бурное обсуждение среди коллег и в конечном счете привела к тому, что Роман Сафронов обратился в ВАК с просьбой лишить его степени. Однако при этом он не признал, что в его работе присутствует плагиат, и обосновал свое обращение в ВАК тем, что диссертация «информационно устарела»⁴.

В отношении данной ситуации можно поставить много вопросов, первый и главный из которых — вопрос о том, как такое в принципе стало возможно. Во время об-

3. Здесь и далее слова «заимствование» и «плагиат» для меня синонимичны.

4. Об этом Роман Сафронов сообщил корреспонденту газеты «Известия» (см.: Преподаватель МГУ просит лишить его степени после скандала с плагиатом. <<http://izvestia.ru/news/549296>>). Следует добавить, что окончательное официальное решение о признании данной диссертации плагиатом на момент подготовки статьи еще не принято. Однако материалы, положенные в основу статьи, были представлены на совместном заседании Центра фундаментальной социологии и кафедры практической философии НИУ ВШЭ (кафедра готовила заключение от имени НИУ ВШЭ, которая выступала ведущей организацией), по результатам которого ведущая организация отозвала положительное заключение о диссертации.

суждения рассматриваемого случая было предложено несколько версий. Во-первых, отмечалось, что диссертация просто не попала в руки достаточно компетентному читателю, знакомому с заимствуемыми текстами. Во-вторых, некоторые коллеги говорили, что диссертант имел «хорошую репутацию», вследствие чего ни у кого не было повода сомневаться в его добросовестности. Оба эти объяснения, как можно видеть, не учитывают реальность самого текста. Хотя они указывают на важные аспекты ситуации, на мой взгляд, ответ на вопрос о возможности успешной защиты содержащей плагиат диссертации⁵ должен прежде всего лежать в иной плоскости, а именно в сфере анализа механизмов производства убедительного текста. Почти все, кто так или иначе познакомился с текстом диссертации Романа Сафронова, говорили о том, что текст производил «хорошее впечатление». Что в данном случае значит «хорошее впечатление»? Почему этот текст показался «нормальным»? Отсылка к социальному контексту здесь ничего не объясняет, потому что текст диссертации сам является частью социального контекста. Следовательно, необходимо поместить текст диссертации в то практическое окружение, в котором он приобретает осмысленные упорядоченные черты, поскольку «вера в описание тесно связана с чтением этого описания как упорядоченного продукта» (Anderson, 1978: 115). Что именно в самом тексте сделало его подходящим кандидатом на статус диссертации?

Традиционный подход⁶, с которым многие бы согласились, предполагал бы рассмотрение данной диссертации в том кругу социальных связей, в котором она писалась, обсуждалась и защищалась. Для этого было бы необходимо проанализировать отношения диссертанта с институциями, с которыми он был связан, с коллегами, с выпускающей кафедрой, с диссертационным советом, с оппонентами, с ведущей организацией и т.п.⁷ В результате мы могли бы поместить диссертацию в социальную среду, которую можно было бы описать, например, как «провинциальную» или «туземную» науку⁸. При этом сам текст диссертации рассматривался бы как проявление определенной системы отношений, которые стоят «за» этим текстом и в некотором роде движут как его автором, так и его читателями. Я буду придерживаться иной точки зрения, которая, наоборот, требует делать предметом изучения работу по производству текста. Согласно этой точке зрения, текст диссертации не является проводником к стоящим за ним социальным практикам, а конституирует эти практики. «Тексты сообщают (а также развивают) и придают смысл локальным социальным отношениям изнутри данных отношений. Тексты — интегральные черты этих отноше-

5. Я не рассматриваю здесь ситуации, когда успешность защиты диссертации, содержащей плагиат, обусловлена подкупом диссертационного совета.

6. Который можно связать прежде всего с именем Роберта Мертона (см.: Merton, 1973).

7. Мертон рассматривает социальную организацию науки не саму по себе, а с точки зрения тех нормативных паттернов, которые она поддерживает. Плагиат для него — результат «противоречий между системой вознаграждения и нормативной системой науки» (Merton, 1995: 397–398).

8. См. прекрасную статью М. Соколова и К. Титаева «Провинциальная и туземная наука» (Соколов, Титаев, 2013). Эта статья интересна прежде всего тем, что в ней предпринимается попытка рассмотреть некоторые реальные практики написания научных текстов в той области, которую авторы называют «туземной наукой».

ний» (Watson, 2009: 93). Речь идет в первую очередь об отношениях текст/читатель, точнее, о тех практиках чтения, которые реализуются людьми в локальных обстоятельствах для достижения практических целей. Ниже я попробую обозначить некоторые направления анализа этих практик⁹.

Но прежде необходимо указать на одно ограничение. Мои цели носят исследовательский характер, поэтому я буду воздерживаться от какой-либо оценки диссертации. Разумеется, квалификация определенного текста или его фрагмента как «плагиата» не является нейтральным актом, поскольку сегодня термин «плагиат» имеет преимущественно легально-моральные коннотации. Я тоже исхожу из недопустимости плагиата. При этом его недопустимость связана для меня не столько с тем, что плагиат противоречит основам научной этики, сколько с тем, что плагиат создает угрозу для научной коммуникации, поскольку в этом случае слова другого ученого воспринимаются как то, что можно лишь буквально повторять. Проблема присвоения авторства — это проблема разрушения условий для различного рода обменов между участниками научной коммуникации. Единственной формой обмена становится копирование. Другому отказывается в праве на высказывание, поскольку он лишается высказывания как такового. Однако я не буду использовать такую общую оценку плагиата в качестве руководящего принципа. Я предлагаю внести методический элемент в понимание плагиата и сначала взглянуть на него как на организованную текстуальную практику¹⁰.

Фактография плагиата

Сначала необходимо показать, почему многие фрагменты указанной диссертации могут считаться плагиатом. Это важно по двум причинам. Во-первых, потому, что после обнародования первичных результатов анализа текста диссертации Сафронова некоторые коллеги (включая, как отмечалось выше, самого автора диссертации) отказались признать наличие в диссертации плагиата (правда, без какого-либо опровержения представленного сопоставления текста диссертации и заимствованных англоязычных источников). Ниже я надеюсь показать, что квалификация существенной части диссертации Сафронова как плагиата обоснована и опирается на используемые в академическом мире критерии плагиата. Во-вторых, это важно потому, что обнаружение плагиата является «нормальной» научной практикой, в том смысле, что, с одной стороны, она предусматривается самой организацией науки (у нас как

9. Я буду опираться на корпус работ, в которых принимается близкая исследовательская перспектива: Anderson, 1978; Livingston, 1995; Lynch, Bogen, 1997; Morrison, 1981, 1989; O'Neill, 1981; Sharrock, Ikeya, 2000; Watson, 2009.

10. Исследовательское ограничение так же должно быть дополнено другим ограничением: обсуждая диссертации, я буду говорить преимущественно о социальных и гуманитарных науках, поэтому сказанное может быть применимо к естественным наукам и математике только с соответствующими оговорками. О роли текстов в естественных науках см. книгу Б. Латура и С. Вулгара «Лабораторная жизнь» (Latour, Woolgar, 1986), а также книгу К. Кнопп-Цетиной «Производство знания» (Knorr-Cetina, 1981).

минимум есть понятие плагиата и способы реагирования на него), а с другой — она предполагает те же механизмы чтения текста, которые лежат в основе чтения любой научной работы: как и «добросовестный» текст, текст, содержащий плагиат, сопоставляется с другими текстами. Рассматриваемый случай интересен как раз тем, что обнаружение плагиата произошло в рамках рутинной исследовательской работы, т. е. первоначально я не ставил перед собой задачу найти плагиат. Поэтому прояснение того, какие фрагменты диссертации Сафронова являются плагиатом, — это в том числе эксперимент по саморефлексии, демонстрирующий, каким образом организационные условия выявления плагиата оказались связаны с моими действиями и наблюдениями.

Обнаружение плагиата в указанной диссертации (как и в любом научном тексте) сталкивается с тремя сложностями.

Первая сложность связана с определением плагиата. Этих определений существует огромное множество. Однако хотя определения плагиата могут существенно расходиться в деталях (например, в некоторых определениях ненамеренное заимствование не считается плагиатом), все они в той или иной мере отталкиваются от идеи присвоения авторства, т. е. публичного представления чужой работы в качестве собственной. Ядро всех определений плагиата таково: под плагиатом понимается заимствование чужих идей, данных, изображений или высказываний без адекватного указания источника заимствования. Источником заимствования при этом могут быть опубликованные работы, неопубликованные работы, веб-страницы или устные высказывания. То есть плагиат фиксируется всякий раз, когда авторство идеи или текста может быть однозначно приписано тому, кто на самом деле не является автором этой идеи или текста. Конечно, это определение не может служить исчерпывающей инструкцией по нахождению плагиата, поскольку оно приобретает смысл лишь в процессе его применения в конкретных случаях, однако оно представляет собой удобную формулу, указывающую, что не стоит делать в научном тексте и что в нем должно обязательно присутствовать. При этом необходимо помнить, что приведенное определение является не руководством к действию, а руководством к описанию действия.

Факт плагиата может обнаруживаться на разных этапах жизни научного текста. Предполагается, что научное разделение труда должно быть организовано таким образом, чтобы плагиат обнаруживался до того, как текст будет опубликован или каким-либо еще образом легализован. В случае научных статей и монографий плагиат должен обнаруживаться рецензентами, в случае диссертаций — научным руководителем и оппонентами. Тем не менее рассматриваемая диссертация успешно прошла через руки всех положенных читателей. Возможность столь успешной карьеры диссертационного текста указывает на тот факт, что для сомнения в адекватности указания авторства тех или иных высказываний всегда должны быть веские основания. В отличие от электронных систем выявления плагиата, для которых его наличие и отсутствие в тексте являются равновероятными и автоматически оцениваемыми возможностями, для читателей диссертации вопрос о том, есть ли в тексте плагиат,

может возникнуть лишь в определенной ситуации, предоставляющей подходящие основания для такого вопроса. Диссертация Романа Сафронова прошла процедуру защиты потому, что ни у одного читателя таких веских оснований для указанного вопроса не было. И объяснять, как предлагали некоторые коллеги, отсутствие таких оснований исключительно незнанием читателями тех текстов, фрагменты или идеи которых были заимствованы, нельзя, потому что это знание тоже привлекается лишь в случае наличия в самом тексте моментов, которые делают резонным сомнение в авторстве. Следовательно, необходимо прежде всего рассматривать способы интеграции плагиата в научный текст.

Такое рассмотрение, однако, связано с другой — второй — сложностью, обусловленной множеством форм, которые способен принимать плагиат. Если проанализировать формы плагиата, описываемые в руководствах ведущих западных университетов¹¹, то в той или иной форме все они включают три основных:

1) Прямое копирование фрагмента другого источника в собственном тексте без кавычек и полной ссылки на источник. Прямое копирование фрагмента с полной ссылкой, но без кавычек, тоже считается плагиатом. В случае дословного плагиата размер заимствованного фрагмента может быть любым. Заимствование отдельной фразы также будет плагиатом, если эта фраза не является элементом обиходного языка и может быть приписана конкретному автору.

2) Неадекватный пересказ, при котором изложение фрагмента другого источника осуществляется путем замены некоторых слов в исходном тексте с сохранением его структуры, даже если при этом дается полная ссылка на источник.

3) Адекватный пересказ, но не сопровождающийся указанием на источник заимствования идей.

Если мы посмотрим, на какие типы можно разделить плагиат в диссертации Романа Сафронова, то там обнаружатся все указанные формы. Перечислим их¹².

1) Наиболее распространенным является дословное цитирование чужого текста (в основном англоязычного, но также и русскоязычного) без указания источника или с указанием, но без кавычек. Пример:

11. Гарвардский университет (<http://isites.harvard.edu/icb/icb.do?keyword=k70847&pageid=icb.page342054>), Кембриджский университет (<http://www.admin.cam.ac.uk/univ/plagiarism/students/statement.html>), Йельский университет (<http://www.yale.edu/graduateschool/academics/ethics.html>), Принстонский университет (<http://www.princeton.edu/writing/university/resources/WPAPlagiarism.pdf>), Стэнфордский университет (<http://studentaffairs.stanford.edu/judicialaffairs/integrity/plagiarism>), Оксфордский университет (<http://www.ox.ac.uk/students/academic/goodpractice/about/>). К сожалению, в российских университетах аналогичные руководства отсутствуют.

12. С полным сравнительным анализом текста диссертации можно ознакомиться на странице Центра фундаментальной социологии (<http://www.cfs.hse.ru/images/stories/events/safronov/safronovdisexamination.pdf>).

Эмиля Дюркгейма представляют в социологической литературе как функционалиста. Исследователи Стив Тэйлор и Клайв Эшворт, однако, считают, что «пока функционалисты пытаются объяснить взаимоотношения между поддающимися наблюдению частями социальной системы, Э. Дюркгейм имел в виду структуры, лежащие в основании этих феноменов»¹⁶⁹. Другими словами, можно сказать, что Э. Дюркгейм позиционируется здесь как реалист. Социальные факты, о которых социолог писал в работах «Самоубийство» и «Элементарные формы религиозной жизни», были источниками морального авторитета в обществе.

¹⁶⁹ Taylor S., Ashworth C. Durkheim and social realism: an approach to health and illness // Sociological Theory and Medical Sociology. Ed. by Scrambler G. — London: Tavistock, 1987. — P. 39.

(Сафронов, 2011: 211–212)

6. Генерирование верования или причастности в процессе ритуала пропорционально степени фиксации внимания, вызванной ритуалом²³¹.

²³¹ Marshall D. Behavior, Belonging, and Belief: A Theory of Ritual Practice // Sociological Theory. — 2002. — №20-3. — P. 372.

(Сафронов, 2011: 154)

2) Второй распространенный способ плагиата — цитирование чужого текста с изменением некоторых слов. Пример:

По мнению Л. Леви-Брюля, если определять коллективные представления только в общих чертах, то они могут распознаваться по следующим признакам, присущим всем членам какой-либо социальной группы: они передаются в ней из поколения в поколение, они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них чувства уважения, страха, они не зависят в своем бытии от отдельной личности.

(Сафронов, 2011: 34)

Durkheim has been presented in much sociological literature as a functionalist. Taylor and Ashworth (1987: 39), however, argue that 'Whereas functionalists sought to explain relationships between observable parts of a social system, Durkheim was concerned with structures that lie behind observable phenomena.' In other words, Durkheim is positioned here as a realist. The social facts that Durkheim was concerned with in such works as *Suicide* and *The Elementary Forms of Religious Life* were sources of moral authority in society (Taylor and Ashworth 1987).

(Dew K. [2007]. **Public health and the cult of humanity: a neglected Durkheimian concept** // *Sociology of Health & Illness*. Vol. 29. № 1. P. 101.)

(4.1) *The ritual generation of Belief/Belonging is proportional to the degree of Attentional Focus induced by the ritual situation.*

(Marshall D. [2002]. **Behavior, belonging, and belief: a theory of ritual practice** // *Sociological Theory*. Vol. 20. № 3. P. 372)

Представления, называемые коллективными, если определять только в общих чертах, не углубляя вопроса об их сущности, могут распознаваться по следующим признакам, присущим всем членам данной социальной группы: они передаются в ней из поколения в поколение, они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них, сообразно обстоятельствам, чувства уважения, страха, поклонения и т. д. в отношении своих объектов, они не зависят в своем бытии от отдельной личности.

(Леви-Брюль Л. [1994]. **Сверхъестественное в первобытном мышлении**. М.: Педагогика-Пресс. С. 9)

3) Кроме того, встречается близкий к тексту пересказ, который, однако, можно однозначно атрибутировать другому автору. Пример:

...согласно Э. Дюркгейму, человек двойственен. Одна часть — это индивидуальность, основу которой составляет тело, которым и ограничена область действия индивида. Другая часть — существо социальное, оно представлено в другой реальности: в областях интеллекта и морали, которые познаются только с точки зрения общества. С практической точки зрения следствием этой двойственности является несводимость моральных принципов и идеалов к утилитарным мотивам, а с точки зрения мышления — несводимость разума к индивидуальному опыту⁸³.

⁸³ Durkheim E. *The Elementary Forms of Religious Life*. — New York: Free Press, 1995. — P. 16.

(Сафронов, 2011: 41)

...man is double. In him are two beings: an individual being that has its basis in the body and whose sphere of action is strictly limited by this fact, and a social being that represents within us the highest reality in the intellectual and moral realm that is knowable through observation: I mean society [*J'entends la société*]. In the realm of practice, the consequence of this duality in our nature is the irreducibility of the moral ideal to the utilitarian motive; in the realm of thought, it is the irreducibility of reason to individual experience.

(Durkheim E. [1995]. *The elementary forms of religious life* / Trans. K.E. Fields. New York: Free Press. P. 15–16)

4) Иногда автор диссертации действует более сложно: включает элементы чужого текста в собственный. Пример:

Можно также предположить, что интерес последнего времени связан, как нам кажется, с повышением влияния в гуманитарных науках постмодернизма и, во-первых, с его попыткой «сломать» разработанные Иммануилом Кантом и господствующие по сей день эпистемологию и концептуальные рамки наук. По мнению современного исследователя постмодернизма Майкла Робертса, «научные исследования говорят о «взрослении» постмодернизма и его попытках построить социальную теорию, не ориентированную на теорию познания. Возможность перестройки теории после демонтажа эпистемологии является самым современным направлением в постмодернизме»³⁷. Во-вторых, с попытками того же постмодернизма избавиться от путаницы, связанной с понятием «социальное конструирование реальности»³⁸, которое стало почти ругательным в социологии, поскольку использовалось в качестве синонима понятию «релятивизм».

³⁷ Roberts M. *Rethinking the Postmodern Perspective: Excavating the Kantian System to Rebuild Social Theory* // *The Sociological Quarterly*. — 2000. — №41-4. — P. 681.

(Сафронов, 2011: 28–29)

Both critics and supporters of postmodernism miss the most important aspect of the postmodern perspective: the attempt to break out of epistemology and the Kantian conceptual framework.

Social constructionism has become a bad word, since it has been used synonymously with relativism.

(Roberts M. [2000]. *Rethinking the postmodern perspective: excavating the Kantian system to rebuild social theory* // *Sociological Quarterly*. Vol. 41. №4. P. 681, 685)

В данном случае в тексте наравне с надлежащим образом оформленной цитатой встречается незакавыченный, близкий к оригинальному тексту пересказ без указания источника.

5) Наконец, наиболее сложно фиксируемый, но тем не менее используемый в тексте диссертации способ плагиата заключается в заимствовании идей. Пример:

«В исследовании выявлено, что в концепциях критиков „первой волны“ произошло смешение эпистемологии и социологии знания Э. Дюркгейма» (Сафронов, 2011: 12).

Здесь аргумент о смешении эпистемологии и социологии знания Э. Дюркгейма принадлежит другому автору — Энн Ролз.

В связи с выделенными типами может возникнуть вопрос о том, насколько все это «действительно» плагиат. Нельзя ли рассматривать, например, близкий к тексту пересказ, местами переходящий в цитирование, не как плагиат, а как что-то другое? Тем более если, допустим, вначале такого пересказываемого-цитируемого фрагмента стоит фраза «Согласно [такому-то]...», а в конце дается ссылка (см. пример в п. 3). Приведенное мной определение плагиата и указанные три его ключевые формы позволяют говорить, что в данном случае (как и во всех рассмотренных в пп. 1–5) мы имеем дело именно с плагиатом, поскольку организация текста такова, что читатель не знает, какие из высказываний Романа Сафронова были заимствованы из других текстов, и поэтому приписывает их авторство ему. В научных текстах (включая диссертации), вероятно, действует принцип «всё, что не имеет ссылки, принадлежит автору». Разумеется, между полюсами «чистого своего» и «чистого чужого» располагается «серая зона», включающая различного рода обыденные высказывания и общий научный язык (здоровый научный смысл, т. е. выражения, принятые в той или иной области науки), однако способ употребления таких вернакуляров все равно приписывается автору, хотя авторство самих высказываний может атрибутироваться другим людям или никому конкретно. Тем самым все перечисленные выше формы заимствований относятся к плагиату.

Обнаружение приведенных типов плагиата, однако, сталкивается с еще одной, третьей сложностью. При определении плагиата в рассматриваемой диссертации иногда было сложно установить его четкие границы. В тех случаях, когда Сафронов заимствовал целый абзац, сложностей с идентификацией не возникало, однако когда заимствовались отдельные высказывания или фразы (а тем более — идеи), с этим возникали проблемы. Следует ли считать плагиатом весь абзац, в котором использованы отдельные фрагменты чужого текста, или только те места, которые можно однозначно соотнести с оригиналом? Та же проблема возникала в случаях, когда к цитате-переводу добавлялась фраза вроде «...по мнению Т. Парсонса...». Следует ли считать эту фразу плагиатом, если окружающий ее текст является прямым переводом чужой работы? Я считал плагиатом только те фрагменты, которые могли быть однозначно приписаны другому автору.

Текстуальная механика и интеграция плагиата

Несмотря на присутствие в тексте большого числа заимствований, эти заимствования связываются между собой и с другими частями диссертации непротиворечивым образом. Автор использует для этого несколько приемов.

1) Он прибегает к хорошо зарекомендовавшему себя методу: добавляет в цитируемый текст фразы вроде «С точки зрения Д. Маршалла...», «По мнению Т. Парсонса...», «Согласно С. Мештровичу...» и т. д., после (и иногда до) которых следует прямой перевод фрагмента соответствующего автора. В принципе, такие шаблонные конструкции встречаются во многих академических текстах, однако при этом предполагается, что сопутствующий им текст является пересказом точки зрения определенного автора или закавыченной цитатой, поскольку такого рода фразы указывают читателю на обзорный характер текущего фрагмента текста. Автор диссертации, предположительно, рассматривает точки зрения Маршалла, Парсонса, Мештровича и пр., и это рассмотрение предполагает вынесение суждений о данных авторах. Однако в рассматриваемом случае демонстрация обзорности сводится к добавлению соответствующих фраз к прямым незакавыченным цитатам.

2) Тем не менее «высказывания о» присутствуют к тексту: они смещены к началам и концам разделов и глав. Например, § 3.1 «Стресс и религиозность: религиозность как фактор терапии стресса» начинается с абзаца:

«Для того чтобы конкретно обратиться к проблематике соотношения между религиозностью и физическим и ментальным здоровьем человека, нам кажется, необходимо описать проблемное поле для всего корпуса исследований явления стресса и влияния на него религиозности. Необходимо рассказать о теоретических сложностях этой области социологии религии. Эта тема интересна нам, поскольку она снова обращает наше внимание на дюркгеймовскую проблематику социальной интеграции и роли религии в ней, а также к вопросу об обществе как о системе представлений, который — в рамках теории Э. Дюркгейма — неразрывно связан с религией» (Сафронов, 2011: 169–170).

и заканчивается абзацем:

«Описанные теоретические построения имплицитно используются в эмпирических исследованиях, посвященных взаимоотношениям религиозности и здоровья человека. Для нас первостепенное значение имеет не сама дискуссия в рамках теоретической психологии, а те выводы, которые позволяют использовать теорию Дюркгейма для решения ряда актуальных для современной социологии религии вопросов. Следующие параграфы дают пример такого использования на практике» (Сафронов, 2011: 190).

между которыми размещаются обширные цитаты-переводы из С. Мештровича. Как можно видеть, в начале и конце параграфа автор, во-первых, обосновывает необходимость обращения к определенной теме, во-вторых, связывает ее с «современной социологией религии», и в-третьих, указывает на то, что первые два действия являются

его персональным достижением («...нам кажется...», «Эта тема интересна нам...», «Для нас первостепенное значение имеет...»). Благодаря этому два приведенных абзаца позволяют рассматривать располагающийся между ними текст в качестве «высказывания о» некоторой теме, которое одновременно соотносится с общей темой диссертации и с индивидуальным вкладом автора.

3) В связи с этим важно обратить внимание на тему диссертации — «Современные интерпретации социологической концепции религии Эмиля Дюркгейма в англоязычной религиоведческой литературе». Название диссертации звучит «нормально» не только потому, что в нем используются академические термины, но и потому, что оно что-то говорит читателю о характере диссертации, а именно то, что она будет носить обзорный характер. Как и в случае любой обзорной работы, к такого рода тексту можно предъявить претензию (в случае необходимости) прежде всего в недостаточном охвате «современных интерпретаций» в «англоязычной религиоведческой литературе», указав на те работы, которые относятся к данной категории, но не попали в диссертацию. Автор должен изначально предусматривать возможность такого возражения, которое отчасти снимается за счет того, что название диссертации само задает ту область, в постоянном сопоставлении с которой диссертацию будут в дальнейшем читать. Эта область должна быть достаточно обширной для того, чтобы ей можно было посвятить диссертацию (а не, скажем, статью). Кроме того, название демонстрирует дисциплинарную специфику диссертации («религиоведение»), которая, с одной стороны, должна зримо соответствовать специальности, по которой защищается диссертант, но также, с другой стороны, указывать на ту конкретную область, на знание которой претендует автор и которая может быть предметом оценки со стороны специалистов, которые в этой области либо разбираются, либо способны разобраться (в силу того, что они тоже принадлежат к той дисциплине, к которой относится диссертация, даже если они не читали всю ту литературу, которая анализируется в тексте).

4) И название диссертации, и основной текст могут читаться как минимум двумя способами. Во-первых, диссертация (в первую очередь — введение и заключение) должна соответствовать ряду «формальных»¹³ требований. Например, во введении (которое затем становится авторефератом) указывается «объект», «предмет», «актуальность темы исследования», «степень разработанности темы», «цель», «задачи», «теоретическая и методологическая основа исследования», «источники исследования», «новизна диссертационного исследования», «положения, выносимые на защиту», «научно-практическая значимость», «апробация диссертации». Все эти компоненты нужны для того, чтобы диссертация могла быть оценена как соответствующая некоторым утвержденным требованиям. Но кроме такого рода «жесткой» формализации в любом диссертационном тексте можно найти и более «мягкие» формы, например,

13. «Формальность» в данном случае используется не в социологическом или психологическом, а в техническом смысле, связанном с производством текста. «Формальное» — это то, что обязательно должно присутствовать в тексте, например, в соответствии с требованиями ВАК (или с тем, что считается требованиями ВАК).

изложение биографии того автора, которому посвящена диссертация (если таковой имеется). В данном случае, хотя диссертация не посвящена непосредственно Дюркгейму, его имя присутствует в теме и поэтому автор считает нужным кратко изложить жизненный путь классика социологии. Изложение жизненного пути при этом, судя по всему, берется автором из интернета (куда оно, в свою очередь, попало из популярной книги А. Б. Гофмана «Семь лекций по истории социологии») и, с небольшими изменениями, помещается в диссертацию без ссылки на то, откуда были почерпнуты соответствующие сведения. В результате биографическое описание становится «общим местом», у которого не может быть специфики (отражающей особенности подбора биографических фактов и авторский стиль их изложения). Однако указанные формальные особенности диссертации относятся лишь к малой ее части. Основная часть (которая в определенном виде включена в «формальную») связана с другой широкой перспективой, которая напрямую касается как строения диссертации, так и способов ее чтения.

5) Эта вторая широкая перспектива соотносится с требованием демонстрации «собственного вклада». Данное требование носит более сложный характер, нежели формальное требование указания «новизны диссертационного исследования», поскольку предполагает специфическую организацию всего текста диссертации. «Оригинальность», предположительно, должна демонстрироваться на протяжении всей диссертации, однако это не означает, что в тексте диссертации автор должен в каждом абзаце или на каждой странице указывать, каков его оригинальный вклад в данную область науки. Для этого лучше всего подходят определенные места (введение, заключение, начала/концы глав и параграфов)¹⁴ и определенные способы формулирования. Если выбор места достаточно очевиден, то на способах формулирования стоит остановиться отдельно. Их можно выделить три. Во-первых, как уже отмечалось выше, автор может подчеркивать существование специфического интереса, который руководит выбором той или иной темы. То есть автор обсуждает определенную тему не потому, что кто-то что-то по этому поводу написал, а потому, что цель исследования требует обращения к соответствующей проблеме. Примеры:

«Для наших целей будет совсем не лишним обратиться к работам французского философа, считающегося одним из учителей Мишеля Фуко, члена „Collège de France“ Джорджа Кенгилема» (Сафронов, 2011: 29).

«Кроме того, если мы говорим о возрождении интереса к творчеству того или иного автора, то в этом случае имеет смысл обратиться к эмпирическим доказательствам, которые могут представить онлайн-библиотеки, книжные магазины и составленные исследователями библиографии» (Сафронов, 2011: 31).

«Чтобы разобраться, нам будет необходимо, во-первых, самим обратиться к работам философов, затрагивавших проблематику категорий, а во-вторых, творчество этих философов должно иметь прямое отношение к Э. Дюркгейму» (Сафронов, 2011: 48).

14. Хотя формулирование своего вклада может происходить не только в этих «слотах».

Тем самым утверждается, что у автора диссертации есть определенная цель¹⁵, которая, даже если она не сформулирована открыто, воплощается в выборе темы. Во-вторых, автор использует стандартный способ обозначения своего вклада путем указания на то, что предыдущие исследователи не делали то, что делает автор¹⁶, и/или, напротив, делали то, что он не собирается делать. Пример:

«Нужно сказать, что в „Элементарных формах религиозной жизни“ Э. Дюркгейм использовал несколько терминов для обозначения общих концепций: „коллективные представления“, „категории“, „общие идеи“. Несмотря на то, что многие критики Э. Дюркгейма эти понятия смешивали, мы постараемся их разграничить» (Сафронов, 2011: 33–34).

В-третьих, автор постоянно возвращается к теме своей диссертации, подчеркивая связь того или иного фрагмента текста с «социологической концепцией религии Эмиля Дюркгейма в современной англоязычной религиоведческой литературе». Подобного рода отсылок в тексте достаточно много, поэтому я приведу лишь некоторые:

«Для нас же вся эта дискуссия важна, поскольку она позволяет нам утверждать, что Э. Дюркгейм основывал свою социологию религии не на идеях о реальном существовании некоей общественной силы, отдельной от индивида, а на реальности „работы“ социальных фактов, что напрямую связывает нас с современной проблематикой в рамках англоязычного религиоведения» (Сафронов, 2011: 23).

«Эти слова о важности трудов Э. Дюркгейма собственно и подтверждаются наличием огромного числа посвященных работам французского социолога публикаций в англоязычной академической периодике» (Сафронов, 2011: 24).

«Таким образом, очевидно, что, во-первых, для адекватного понимания тех идей, которые сам французский социолог вкладывал в свои работы, а во-вторых, для того, чтобы было возможно приложить эти идеи к современным социологическим и религиоведческим реалиям, просто необходима переоценка вклада Э. Дюркгейма в социологию и религиоведение» (Сафронов, 2011: 91).

15. Или цели, которые могут различаться своей обширностью: начиная с общей цели, диктуемой темой диссертации, и заканчивая локальными целями, связанными с обстоятельствами разворачивающегося аргумента.

16. Интересный вопрос в этой связи: каким образом фиксируются «пробелы» в чужих академических текстах? Какие обоснования считаются допустимыми? И как эти обоснования связываются с собственным текстом автора? Ответы на эти вопросы позволили бы прояснить в том числе, каким образом в науке происходит приписывание авторства тем или иным терминам, текстам, идеям, данным, традициям и т. д. Одно из предварительных наблюдений состоит в том, что при фиксации «пробелов» «автор» соотносится с набором идей, а не совокупностью произведений. Второе предварительное наблюдение состоит в том, что таким образом мы получаем основания для понимания феномена «авторов-классиков»: ими становятся те авторы, во-первых, которым может быть приписано индивидуальное авторство той или иной идеи, и во-вторых, обнаружение «слабых мест» у которых поднимает критика почти на уровень критикуемого (обнаружение «слабого места» у Степана Мештровича не равносильно обнаружению «слабого места» у Эмиля Дюркгейма).

«В рамках современной англоязычной социологии религии делается попытка подытожить большинство исследований ритуала и выработать основанную на работе Эмиля Дюркгейма „Элементарные формы религиозной жизни“ теорию ритуала» (Сафронов, 2011: 135).

В результате постоянного подчеркивания ряда ключевых аспектов избранной темы автор создает впечатление связности и последовательности текста, которые, в свою очередь, свидетельствуют о том, что автор способен судить о «современном англоязычном религиоведении» в целом и благодаря этому способен оценить и продемонстрировать собственные достижения. В этом смысле требование знания литературы по теме всегда неявно предполагает, что только такое знание может уберечь автора от повторения уже высказанных кем-то идей. И здесь принципиальное значение приобретает другой аспект диссертации: библиография.

б) Одна из особенностей рассматриваемой диссертации — огромное количество упоминаемых источников (470, из них 68 — на русском языке). Большая часть этих источников заимствуется вместе с цитатами из исходных англоязычных текстов. Столь обширный ссылочный аппарат указывает на то, что автор «сверхкомпетентен» в своей теме: он проработал гораздо больший объем литературы, чем того требуют соображения «достаточности», даже несмотря на то, что последние сложно выразить количественно. И даже если, как указывали мне некоторые коллеги, от автора диссертации вряд ли можно требовать, чтобы он прочитал все те источники, которые включены в библиографический список, само наличие в тексте ссылок на них предполагает, что автор в достаточной мере ориентируется в содержании этих источников, чтобы отсылать к ним в подходящих местах своего текста. Если во введении и в некоторых формальных частях основного текста можно встретить простое перечисление фамилий ученых, занимавшихся определенной темой, например:

«Многие исследователи творчества Эмиля Дюркгейма, включая Стивена Коллинза¹⁰⁰, Энтони Гидденса¹⁰¹, Роберта Алана Джонса¹⁰², Стивена Люкса¹⁰³ и Вильяма Пикеринга¹⁰⁴, а также Раймона Арона¹⁰⁵, предполагали, что Э. Дюркгейм понимает категории в кантовском смысле. Однако другая группа исследователей: Дональд Нильсен¹⁰⁶, Энн Ворфилд Роллз¹⁰⁷, Дэвид Блор¹⁰⁸ — считает, что понимание категорий социологом отнюдь не кантовское» (Сафронов, 2011: 48).

где такое перечисление предполагает лишь знание того, что указанные ученые выдвигали соответствующий аргумент в соответствующей работе (при этом знание всего творчества данных ученых не обязательно), то в основном тексте ссылки могут указывать на более глубокое знакомство с цитируемыми или упоминаемыми авторами¹⁷.

17. Здесь необходимо указать на необходимость проведения дальнейших исследований в области прагматики ссылок. Методы расставления ссылок, конечно же, не исчерпываются списками авторов, занимавшихся определенной темой. Помимо того что перечень авторов тоже может иметь разное значение (можно как минимум разделить перечисление авторов, с которыми автор соглашается, и авторов, которые, на его взгляд, ошибались или что-то упустили), можно ссылаться на источник цитаты (притом что цитаты тоже могут различаться по своему прагматическому значению: могут быть «обя-

Поэтому большое количество ссылок, относящихся не к перечням ученых, а к высказываемым в тексте диссертации суждениям, читается как несомненное свидетельство владения автором темой и, соответственно, наличия у автора такой сугубо академической добродетели, как знание того, что делают другие ученые. Наличие минимального («проходного») количества ссылок могло бы побудить читателя задать вопрос о том, насколько автор диссертации разбирается в избранной теме или насколько она ему интересна, в то время как огромный список литературы снимает такого рода сомнения¹⁸. Немаловажно при этом и то, что большая часть элементов библиографического списка — это литература на иностранных языках. Это важно не только потому, что в теме диссертации в качестве предмета исследования заявляются современные интерпретации концепции Дюркгейма в англоязычной литературе, но и потому, что преобладание иноязычной литературы свидетельствует (при условии, что читатель приписывает диссертанту знакомство со всеми релевантными источниками по теме) о недостаточной проработке темы в русскоязычной литературе и тем самым о важности вклада автора диссертации. Этот момент открыто подчеркивается Сафроновым:

«Таким образом, очевидно, что, во-первых, для адекватного понимания тех идей, которые сам французский социолог вкладывал в свои работы, а во-вторых, для того, чтобы было возможно приложить эти идеи к современным социологическим и религиоведческим реалиям, просто необходима переоценка вклада Э. Дюркгейма в социологию и религиоведение. Этот процесс, как автор и пытается показать в настоящей диссертации, уже идет в рамках англоязычной социологии, но, к сожалению, для российской науки таковая проблематика пока еще чужда. Автор надеется, что данная работа станет одной из первых в этом направлении» (Сафронов, 2011: 91).

Иными словами, множество ссылок на иноязычные источники говорит о том, что а) текст диссертации соответствует ее теме, б) автор «владеет материалом» и в) диссертация составляет несомненный вклад в отечественную науку. Кроме того, ссылки являются способом интеграции плагиата в текст: автор периодически ссылается на тот текст, откуда делается заимствование, и чаще всего эти ссылки располагаются после фраз «согласно [такому-то]...», «по мнению [такого-то]...» либо в конце процитированного-переведенного без кавычек абзаца¹⁹.

зательные» цитаты из классиков, цитаты, выражающие ту же идею, которой придерживается автор, цитаты, излагающие или поясняющие чью-то точку зрения, цитаты, характеризующие исследовательскую традицию, и т. д.), на автора термина, на представителя подхода, на источник данных, на источник, в котором какая-либо тема раскрывается более полно, и пр. Необходимо также прояснить связь ссылок с текстом в целом: является ли наиболее часто упоминаемый автор наиболее важным для понимания текста? Чем отличается по своему значению цитата от простой ссылки? Как воспринимается небольшое число или отсутствие цитат (свидетельствует ли это, например, о том, что автор «классик»)? Существует ли связь между распределением ссылок в тексте и структурой текста?

18. Правда, открывая дорогу для других сомнений, например, связанных с обоснованностью претензий на «собственный вклад», которые, впрочем, легко снимаются за счет уменьшения количества цитат (при сохранении ссылок) в тексте диссертации.

19. Другие аспекты практической организации библиографий освещаются в работах Эндрю Карлина: Carlin, 2002, 2004, 2007, 2009.

Организационные обстоятельства производства нормального текста

Указанные механизмы создания и интеграции плагиата в текст отражают в основном методическую составляющую проблемы плагиата, поэтому их анализ был бы неполным без рассмотрения тех организационных задач, которые решаются подобным образом. Обсуждение этих задач позволит проанализировать, каким образом производится нормальность текста, содержащего плагиат. Поскольку, как отмечалось выше, понимание плагиата неразрывно связано с пониманием обыденных текстуальных практик, в данном разделе я помещу плагиат в более широкий контекст написания и чтения диссертаций и в целом научных текстов.

Я не претендую на изложение всех возможных организационных аспектов практик создания научных текстов, поэтому мое последующее обсуждение будет носить достаточно фрагментарный характер, однако я надеюсь затронуть ключевые моменты, имеющие отношение к рассматриваемой проблеме.

Полнота описания и доверие автору

Любое научное описание предполагает оговорку *et cetera*²⁰. Ни один научный текст не может быть полным описанием изучаемого им феномена, будь это конкретные практики или другие тексты. Любой текст может расширяться до бесконечности. Поэтому к тексту в определенный момент добавляется примечание «и так далее». Вопрос состоит в том, в какой момент? Когда можно считать, что описание «достаточно» полное? Проблема «и так далее» имеет прямое отношение к рассматриваемому случаю, поскольку один из распространенных способов критики любой диссертации заключается в указании на неполноту обзора («Вы не рассмотрели работы такого-то»)²¹. Проблема полноты в данном случае может решаться за счет плагиата, который обеспечивает, как мы видели выше, стремительное увеличение числа ссылок. Второй способ решения этой проблемы может заключаться в формулировании «достаточно» обобщенных и абстрактных утверждений, которые, с одной стороны, позволяют интегрировать плагиат в текст диссертации, и с другой — указать на настолько общую тему, чтобы к ней могли отсылать любые высказывания в рамках диссертации. При этом проблема «и так далее» затрагивает не только ссылочный аппарат (который,

20. Анализ оговорки *et cetera* можно найти в работах Гарольда Гарфинкеля (Garfinkel, 1967: 22, 73–75) и Харви Сакса (Сакс, 2006). Сакс формулирует проблему «и так далее» следующим образом: «...к любому описанию конкретного объекта (или события, последовательности действий и пр.), сколь бы длинным оно ни было, исследователь должен добавлять поправку „и так далее“, чтобы описание стало исчерпывающим» (Сакс, 2006: 49). Анализ Сакса касается прежде всего социальных наук, для которых эта проблема особенно актуальна в силу того, что социально-научные описания: а) используют не анализируемый ими язык и б) отсылают к обыденному опыту. Сакс показывает, что генерализированные описания не решают проблему, поскольку они все равно игнорируют неопределенно большое число черт конкретных объектов.

21. Первичный анализ феномена «заметного отсутствия» определенной литературы в библиографии см. в: Carlin, 2004.

безусловно, важен не сам по себе, а как демонстрация работы с источниками и знакомства с релевантной литературой). По словам Дигби Андерсона, «вопрос, который может ставить любой автор, сталкиваясь с практической проблемой создания убедительной версии [текста. — А. К.]: „Какой объем исследования источников, честности, релевантности и доступа я должен продемонстрировать?“» (Anderson, 1978: 125). Указываемые Андерсоном основания доверия к автору имеют важное значение для анализируемого случая, поэтому на них следует задержаться.

Андерсон выделяет четыре основания для доверия автору и написанному им тексту: исследование источников (имеются в виду источники данных), честность автора, тематическая релевантность (т. е. релевантность того, что говорит автор, для той или иной темы) и доступ к знанию (Anderson, 1978: 125). Как отмечает сам Андерсон (Anderson, 1978: 126), это не равнозначные критерии, поскольку, например, первые три из них предполагают четвертый: доступ к знанию. К этому можно добавить, что критерий «честности» тоже обладает отличительными чертами. Если три остальных критерия могут быть прямо продемонстрированы в тексте, то «честность» — нет. Более того, она не может открыто провозглашаться, поскольку заявление «я честно провел исследование» звучит как оправдание, вызванное сомнением в честности автора этого заявления, и усиливает подозрения. Для нашего случая, однако, критерий «честности» играет принципиальную роль, поскольку ситуацию плагиата можно рассматривать как ситуацию, в основе которой лежит нарушение ожидания честности. Это ожидание имеет под собой определенные организационные основания. Вопрос, который при этом должен быть задан, — это не вопрос о том, почему кто-то нарушает ожидание честности, а вопрос о том, как оно связано с написанием/чтением текста. Плагиатор точно так же ориентируется на ожидание честности, как и добросовестный ученый. Согласно Харви Саксу (Sacks, 1975), одним из организационных оснований для доверия тому или иному человеку является отнесение его к специфической категории членства. Например, в нашем случае отнесение автора диссертации к категории «ученый» предполагает восприятие его высказываний в качестве «истинных». Эта «истинность» включает два компонента: с одной стороны, мы доверяем его описаниям, с другой стороны, мы доверяем тому, что он говорит о своих описаниях, например, тому, что «В диссертации мы описали...» (Сафронов, 2011: 230). Случай плагиата предполагает нарушение второго компонента ожидания, т. е. даже если само по себе содержащееся в тексте высказывание верно описывает какие-то данные, это высказывание принадлежит другому человеку. При этом дисциплинарная принадлежность играет подчиненную роль: плагиат в диссертации по религиоведению совершает «ученый», а не «религиовед». Категория «ученый», в отличие от подкатегории «религиовед» (или «философ», или «социолог», или «физик»), допускает применение к ней критерия честность/обман²².

22. «Обман» в данном случае, конечно, может включать не только плагиат, но и второй смертный грех ученых — подлог, фабрикации данных.

Индивидуальный вклад и коллективная практика

Диссертант сталкивается с двумя парами противоречивых требований. Первая пара — требование быть оригинальным и одновременно требование повторять. Диссертация должна демонстрировать уникальный вклад автора и в то же время соответствовать ряду критериев²³. (Более того, иногда авторам представляют чужие диссертации или авторефераты как примеры для подражания.) Противоречие между первым и вторым требованиями усугубляется тем, что в диссертации крайне сложно отделить «формальный» уровень высказывания от «содержательного». С одной стороны, к диссертации предъявляются процедурные требования, не связанные с ее содержанием. С другой — эти требования предполагают оформление некоторых содержательных фрагментов диссертации в соответствии с формальными стандартами, вследствие чего одно и то же утверждение может повторяться внутри раздела, в конце главы и в положениях, выносимых на защиту, как в следующем примере:

«В исследовании выявлено, что в концепциях критиков „первой волны“ произошло смешение эпистемологии и социологии знания Э. Дюркгейма. Это привело к ошибке в интерпретации теории французского социолога. В результате сформированное Э. Дюркгеймом и наилучшим образом представленное центральными главами „Элементарных форм религиозной жизни“ эпистемологическое доказательство эмпирической валидности категорий понимания до последнего времени оставалось исследователями незамеченным» (Сафронов, 2011: 12).

«Фундаментальная ошибка критиков в том, что они не смогли отделить эпистемологию Э. Дюркгейма от его социологии знания. Эпистемология наилучшим образом представлена центральными главами „Элементарных форм“, в которых дается попытка продемонстрировать, являются ли категории понимания эмпирически достоверными» (Сафронов, 2011: 82).

«Тем не менее основной сложностью для понимания позиции социолога является смешение понимания эпистемологии Э. Дюркгейма и его социологии знания. Фундаментальная ошибка критиков в том, что они не смогли отделить эпистемологию Э. Дюркгейма от его социологии знания. Эпистемология наилучшим образом представлена центральными главами „Элементарных форм“, в которых дается попытка продемонстрировать, являются ли категории понимания эмпирически достоверными» (Сафронов, 2011: 100).²⁴

23. Еще одним усугубляющим фактором является распространение компьютеризированных способов написания текстов. Как отмечают Интрона и Хайес по поводу высшего образования, сегодня студенты, привыкшие легко копировать фрагменты чужих электронных текстов и поощряемые к такому копированию преподавателями, сталкиваются в процессе проверки их работ на плагиат с необходимостью «перехода от одного специфического режима знания (в котором ценятся воспроизведение, повторение и запоминание) к новому режиму знания (в котором ценятся критичность, оригинальность и независимость)» (Introna, Hayes, 2011: 117). Тем не менее «электронную эпоху» и «цифровое мышление» вряд ли можно использовать для объяснения рассматриваемого случая плагиата, поскольку здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда требование воспроизводства и требование оригинальности являются элементами одного «режима знания».

24. Все три фрагмента являются переводом-пересказом одного текста Энн Ролз.

Однако противоречие между содержанием (за которое якобы отвечает автор) и формой (которую якобы навязывают академические институты) — не единственное воплощение проблемы оригинальности. Текст диссертации находится также на пересечении требования продемонстрировать нечто отличное от других высказываний и требования помещать свои высказывания в их ряд. Диссертация, будучи уникальным вкладом, в то же время является вкладом в коллективное дело. При этом индивидуальный «вкладчик» должен понимать, в чем это коллективное дело состоит, т. е. одновременно писать текст по религиоведению и научный текст. Хотя в идеальном случае эти два текста должны совпадать, в реальной диссертации они различаются, поскольку есть формальные требования указания новизны, актуальности, степени разработанности темы и пр., касающиеся представления своей работы как научной вне зависимости от предметной области, и есть менее (или по-другому) формальные требования, которые всегда дисциплинарно-специфичны и имеют форму «если ты занимаешься такой-то темой, то тебе необходимо сделать то-то и то-то (указать таких-то авторов, привести такие-то данные, проанализировать такие-то подходы)». Организационным основанием для противопоставления первых и вторых является вторая пара противоречивых требований. Эта вторая пара включает требование к автору диссертации разбираться в своей теме и одновременно представлять свой текст для оценки тем, кто в этой теме в принципе может разбираться, хотя и не с той степенью уверенности или знания, какие есть у автора. Понятность текста для самого автора сталкивается с понятностью текста для его читателя. Автор должен сделать то, что не делал никто до него, но оценивать его работу будут эти самые «никто». Ситуация усугубляется тем, что эти «никто» хорошо известны: это научный руководитель, члены совета, оппоненты, представители ведущей организации, рецензенты. Данная группа анонимов с фамилиями, именами и отчествами рассматривает диссертацию как с «общенаучной», так и с дисциплинарно-специфической точек зрения. Их оценка предполагает особый способ формулирования оговорки «и так далее», который специфичен для ситуации защиты. По отношению к тексту диссертации «и так далее» означает не только возможность дальнейшего (бесконечного) описания социальных фактов, но и способность автора на это дальнейшее описание. Диссертант демонстрирует в тексте определенные навыки, которые, предположительно, он сможет демонстрировать и далее. Эта демонстрация должна быть потенциально повторяемой, хотя не обязательно — повторяющейся. Данную идею можно проиллюстрировать с помощью вымышленного примера. Предположим, кого-то просят написать цифру «2», чтобы проверить, умеет ли он писать цифру «2»²⁵. Если у нас нет оснований сомневаться в том, что пишущий правильно понял задачу и что он выполняет ее всерьез, тогда у нас нет оснований требовать от него писать цифру «2» более одного раза. Одного раза будет достаточно, чтобы мы могли предположить его способность

25. Вопросы о том, как он может также демонстрировать понимание того, что такое цифра «2», и как это понимание связано с действием написания цифры «2», а также вопрос о том, можно ли оценивать способность писать цифру «2», не оценивая при этом способность писать цифры вообще, я пока оставляю открытыми. Предположим, что мы имеем дело с упражнением в написании цифры «2».

писать цифру «2», т. е. уже после одного раза мы можем добавить к совершенному действию оговорку «и так далее». В случае диссертации мы можем наблюдать ту же ситуацию. Если и есть какой-то смысл говорить о диссертации как об «инициации», то не в смысле «статусного перехода», а в смысле оценки демонстрируемой в тексте диссертации способности диссертанта совершать определенные действия за рамками диссертации²⁶. Здесь можно ввести пока лишь интуитивно ощущаемое различие между «быть кем-то» и «заниматься чем-то» в науке. Кажется, что «быть религиоведом» и «заниматься религиоведением» различаются в качестве способа демонстрации и характера определенных навыков. Но этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Ориентация на читателя и способы чтения

Текст диссертации — это текст, специфически приспособленный к определенным читателям²⁷. При этом речь идет не столько о конкретных читателях, сколько о видах чтения-как-практики и чтения-в-практике. Текст может читаться с определенными целями определенным образом. В этом смысле нет текста как чего-то, существующего отдельно от его чтения: «...текст таков, каким он обнаруживается в практике его чтения» (Sharrock, Икеуа, 2000: 274). Что касается текста диссертации, то он читается, во-первых, «формально», т. е. с точки зрения того, имеет ли он необходимые структурные элементы (введение, заключение, главы, параграфы), которые могут по-разному формализовываться внутри. Во-вторых, его будут читать «коллегиально», т. е. с точки зрения того, насколько текст последователен, сколько в нем ссылок, какого рода это ссылки. Такой второй читатель не обязательно должен разбираться в обсуждаемой теме, однако он должен быть достаточно хорошо знаком с проблематикой, чтобы следить за аргументами автора. Наконец, диссертация может читаться «специально», то есть специалистами в данной области, которые могут не только оценить общие достоинства и недостатки текста, но и его связь с другими текстами и тем самым «оригинальность»²⁸. В отличие от полноценной публикации (статьи или книги), которая предполагает неопределенно большое количество читателей²⁹, диссертация, даже если она публикуется в открытом доступе, прочитывается лишь определенным кругом читателей, практика чтения которых, в свою очередь, связана

26. Использование термина «статусный переход» вызывает вопрос, о каких «статусах» идет речь? Если ответ: «О статусе молодого ученого и статусе зрелого ученого», тогда можно задать следующий вопрос: «Что значит „зрелый ученый“?». Эту цепочку вопросов необходимо продлевать до тех пор, пока не произойдет «расколдовывание» изначального термина «статус» и не обнаружатся те реальные, эмпирические, упорядоченные практики, которые составляют научное производство.

27. А читатели специфически приспособлены к тексту диссертации, подобно тому как паутина специфически приспособлена к мухе, «мухоподобна», по выражению Якоба фон Икскуля.

28. Интересно, что все три типа чтения могут реализовываться буквально в отношении разных фрагментов диссертации: в рамках первого типа читается содержание и введение, в рамках второго — введение, заключение и библиография, в рамках третьего — вся диссертация.

29. Или, если угодно, неопределенно малое — не в том смысле, что у числа читателей нет нижнего предела (логически это ноль), а в том смысле, что никогда не знаешь, сколь много людей не прочитают твой текст.

с определенными задачами: они читают не столько для того, чтобы узнать, какие результаты были получены автором, сколько для того, чтобы оценить эти результаты с точки зрения их обоснованности, связи с другими результатами, оригинальности и т. д. Другое отличие от опубликованной работы состоит в том, что публикация предполагает возможность ответной аргументации тех людей, с которыми полемизирует автор, или тех, кто прочитал его. Читатель же диссертации, даже если с ним полемируют в тексте, должен в ответной реплике формулировать оценку текста. Это ведет, например, к тому, что меняется роль критики, которая начинает восприниматься как «претензия» (и действительно может быть «претензией»), имеющая принудительный характер, т. е. указывающая на те места, которые следует исправить.

Распределение научного знания и экспертиза

Связь способов чтения текста с проблемой плагиата опосредована проблемой научного знания. Как уже отмечалось, по поводу диссертации Романа Сафронова некоторые коллеги говорили что-то вроде: «Никто не смог заметить плагиат, потому что диссертацию не читали люди, знакомые с заимствованными работами». Это высказывание имеет два аспекта, имеющих отношение к проблеме знания: во-первых, в нем выдвигается требование знания (литературы, источников, данных, экспериментов, идей и т. д.) как основания для предотвращения или обнаружения плагиата, и во-вторых, в нем неявно формулируется еще одна версия оговорки «и так далее»: никто не способен знать всё. Чтобы плагиат был невозможен, диссертацию должен читать эксперт, поэтому в ситуации, когда такого эксперта среди читателей не оказалось, плагиат был неотвратим. Один из возникающих в этой связи вопросов (который я не буду здесь рассматривать) — это вопрос о том, каким образом практикуется экспертиза в актуальной ситуации чтения. Как происходит «встреча» экспертного читателя и текста, на который может распространяться его экспертиза? И является ли их не-встреча единственной причиной успешной защиты диссертации, содержащей плагиат? Предварительный ответ, который я попытался обосновать выше, состоит в том, что в случае чтения диссертаций экспертиза предполагает не просто знание определенного набора текстов или идей, но и способность компетентно читать текст диссертации. Экспертиза включает навыки чтения, и поэтому можно представить ситуацию, когда при определенной текстуальной организации плагиат останется незамеченным даже для читателя, хорошо знакомого с заимствуемыми источниками³⁰. Другой крайне интересный вопрос, возникающий в связи с рассматриваемым случаем, — способ распределения знания в науке. Альфред Шюц был одним из первых, кто сформулировал проблему социального распределения знания, положив, однако, в основу своего подхода идеально-типическое разделение на «обывателя», «хорошо информированного гражданина» и «эксперта» (Шюц, 2004: 559–561) и тем самым закрыв себе путь к пониманию обыденных практических оснований экспертизы. Утверждая, что «эксперт, в нашем понимании этого термина, чувствует себя как дома

30. Вопрос о том, соответствует ли диссертация Сафронова такому гипотетическому случаю, следует обсудить отдельно.

только в системе навязанных релевантностей, точнее говоря, релевантностей, навязанных проблемами, уже поставленными в его области» (Шюц, 2004: 568), Шюц не показывает, как происходит «постановка проблем» и «навязывание релевантностей» (не говоря уже о рутинности самого экспертного знания). Между тем некоторые из этих практик можно проследить на примере диссертации. Диссертация может быть рассмотрена как определенный способ работы с уже выработанным знанием в той или иной дисциплине. От диссертации поэтому ожидается, во-первых, демонстрация знания этого знания, во-вторых, высказывание отношения к нему (в форме «обсуждения», т. е. «высказывания о»), и в-третьих, добавление чего-то к этому знанию («оригинальный вклад»). Это «добавление» неоднородно: оно как минимум может разделяться на «вклад в дисциплину» и «вклад в исследовательскую область». Между «вкладом в социологию» и «вкладом в теорию аномии» есть разница, которая заключается, среди прочего, в доступности этих разных видов вклада для непрофессионалов. Думаю, многие знакомы с ситуацией, когда «любители», узнав, что ты социолог (психолог, философ, биолог...), задают вопрос, на который ты должен знать ответ «как специалист»³¹. Такие вопросы не возникают, если область исследований формулируется как, например, «эпистемологические функции позитивного культа». Но внутри профессионального знания, как показывает рассматриваемый случай, тоже не может поддерживаться требование «всем знать всё». Среди экспертов есть свои эксперты. Это означает, что помимо знания, которое может быть приписано коллективу ученых, есть уменьшающаяся градация знаний, которые могут быть приписаны все более узкому кругу лиц вплоть до одного отдельного автора. Эта его «уникальная экспертность» должна не только некоторым образом заявляться в диссертации, но и поддерживаться другими членами научного сообщества³². Однако такая индивидуализация не противоречит коллективному характеру научного производства. Она лишь указывает на то, что и внутри науки, и внутри текста диссертации происходит распределение знания.

Научная коммуникация и повседневный разговор

Рассмотрение диссертации как текста, неразрывно связанного чтением-как-практикой и чтением-в-практике, позволяет найти альтернативу коммуникативному пониманию взаимодействия писателя и читателя как обмена сигналами, необходимыми для некоторого определения ситуации. Соколов и Титаев, пытаясь рассмотреть научную коммуникацию, похоже, сводят ее к такого рода обмену сообщениями:

«Мы будем опираться на социологический анализ речевой коммуникации, в особенности в традиции Гоффмана [Goffman 1963; 1981] и Сакса [Sacks 1992], учащей нас, что всякий разговор должен пониматься как нетривиальное социальное достижение. Беседа возможна, когда все стороны соблюдают

31. Особенно часто с этим сталкиваются психологи, которых просят дать какой-нибудь совет, помочь в сложной ситуации, решить проблему, подтвердить диагноз и т. д.

32. Так определенные люди становятся всем известными «лучшими/единственными в стране специалистами по...».

строгий набор правил, руководящих, например, чередованием реплик или сменами темы. Небольшого неповиновения им достаточно, чтобы превратить любую коммуникацию в хаос. В свою очередь, следование этим правилам подразумевает следование другим, более общим, руководящим решением таких поведенческих задач, как распределение внимания, которое особенно занимало Гоффмана и будет особенно интересовать нас в этой статье. Продвигаясь еще дальше, необходимость решения этих задач и их точные условия вытекают из более широкого определения социальной ситуации, в которой происходит разговор» (Соколов, Титаев, 2013).

С их точки зрения, обмен репликами³³ служит интеракционным целям поддержания определения ситуации. Это решение Гоффмана, но не решение Сакса. Решение Сакса заключается в том, что обмен репликами служит интеракционным целям поддержания упорядоченного взаимодействия. «Упорядоченное взаимодействие» не сводится к определению ситуации, а «правила» упорядочивания служат лишь локальным интеракционным задачам, а не подчиняются «более общим, руководящим правилам». Если мы принимаем решение Гоффмана, то мы используем некоторое «определение ситуации» для объяснения научных коммуникативных обменов. Если мы принимаем решение Сакса, то мы должны описать методические основания научного взаимодействия. Я предпочитаю подход Сакса, и не только потому, что он позволяет выявлять специфически научный порядок, производимый в тексте диссертации и текстом диссертации, но и потому, что, в отличие от Соколова и Титаева, которые предполагают «сильную» аналогию между научной коммуникацией и обыденным разговором, я предлагаю проводить «слабую» аналогию: научная коммуникация не является разговором, но тем не менее в ней наблюдаются некоторые феномены, аналогичные феноменам разговорного взаимодействия. Можно указать как минимум на три таких феномена (или даже группы феноменов).

Во-первых, феномен «зримого отсутствия». Как я уже упоминал выше, читатель научного текста может заметить отсутствие в нем определенного автора, или аргумента, или доказательства, или данных и т.п. Точно так же в повседневном разговоре один собеседник может зафиксировать отсутствие некоторой реплики, например, когда после вопроса не следует ответ или разговор начинается не с приветствия. И в научном тексте, и в обычном разговоре условием доступности такого зримого отсутствия является характер окружающих «пустое» место высказываний. Однако между зримым отсутствием в научном тексте и в разговоре существует принципиальная разница, поскольку в разговоре «пропуск» предполагает отсутствие реплики в точно определенном месте (например, в начале разговора, где должно быть приветствие), тогда как в научном тексте такого места нет (отсутствующая ссылка может располагаться в любом месте текста и в любом тексте из серии текстов), а также потому, что

33. Вопрос о том, что может быть «репликой» в научном разговоре, я пока оставляю открытым, поскольку «репликой» может быть и текст, и фрагмент текста, и идея, и данные и т.д., т.е. вопрос о том, что является репликой в научном разговоре, решается иным образом, нежели в устной коммуникации. Если в разговоре лицом к лицу границы реплики задаются сменой говорящих, то в научном «разговоре» сложно однозначно идентифицировать, где такая смена происходит.

в научном текст не всякое зримое отсутствие относится к ответному высказыванию, т. е. к высказыванию, предполагающему предшествующее высказывание, адресованному тому участнику коммуникации, в словах которого чего-то зримо не хватает.

Во-вторых, интересной темой является сопоставление цитирования в устной речи и цитирования в научном тексте. В устной речи цитирование, например, может использоваться для выражения сомнения в истинности чьих-то слов (Sacks, 1995, II: 309). Фраза «Он сказал, что пойдет на лекцию» может указывать на расхождение между чьими-то словами и поступками. В научной коммуникации такое невозможно. Кроме того, цитирование по-разному оформляется в тексте и в речи. Речь идет не просто о том, что (как отмечал И. Гофман) в устном высказывании сложно расставить кавычки, а, скорее, о том, что цитата по-разному связывается с окружающей ее речью.

Наконец (в-третьих), интересный феномен, прямо связанный с проблемой плагиата, — это феномен «собственности». Сакс предлагает разделять «possessables» и «possessitives»³⁴ (Sacks, 1995, I: 382–388). Под «possessables» понимаются те вещи, которые зримо никому не принадлежат и которыми поэтому можно, при желании, завладеть (т. е. получить в собственность, сделать своими). Под «possessitives» понимаются такие вещи, которые зримо кому-то принадлежат. Когда мы видим бейсболку, лежащую возле окошка кассы в банке, мы видим, что это «чья-то» бейсболка, что «кто-то» ее «забыл». Это различие Сакса прекрасно подходит для анализа некоторых феноменов обыденных взаимодействий, связанных с заявлением собственности на определенные вещи (например, можно, оставив «свою», т. е. для стороннего наблюдателя «чью-то», вещь на стуле, сделать стул тоже «своим»), и в этом смысле оно является хорошей отправной точкой для анализа научных коммуникаций, но здесь нужно быть крайне осторожным. Собственность на вещи и собственность на идеи или высказывания существенно различаются. Например, я не могу использовать чужую вещь, если знаю, что она чужая. То есть фактически я могу ее использовать, но такое действие может быть легко классифицировано как «кража», если я не получил от владельца разрешение на ее использование. Однако, цитируя другого автора в тексте, я еще не «краду» его идею. Цитирование становится «кражей», только если я цитирую его без ссылки. При этом смысл «кражи» тоже разный. Если я «взял» чью-то машину и езжу на ней, то это, очевидно, «кража». Но будет ли «кражей» высказывание «Это моя машина», которое я адресую своему другу, когда мы проходим мимо чьей-то чужой машины? Между тем в науке «кражей» может считаться сам факт утверждения, что некоторая идея принадлежит мне, в то время как на самом деле это не так. Кроме того, я могу вполне легитимно использовать чужую машину, не совершая кражу, например, если это машина родителей, т. е. возможна коллективная собственность на вещи, в том смысле, что возможна группа людей, каждый из которых может легитимно называть определенную вещь «своей». Аналог коллективной собственности в науке — коллективное авторство — носит, однако, иной характер. Вряд ли кто-то из

34. В данный момент адекватно перевести эти термины на русский не представляется возможным.

соавторов научного текста имеет право называть этот текст «своим»³⁵, скорее, он должен называть его «нашим», хотя отдельные фрагменты текста могут «принадлежать» конкретным людям. В случае диссертационного текста ситуация отличается еще и тем, что у диссертации может быть только один автор. Конечно, в обыденной речи любому высказыванию говорящего вроде бы тоже автоматически присваивается авторство, но при этом он может повторять чьи-то высказывания (иногда даже слово в слово), не рискуя быть обвиненным в плагиате³⁶. В науке это невозможно.

Заключение

Выше я попытался выявить некоторые конститутивные практики, в которых заключается производство научного текста, на примере одной диссертации. Анализ механизмов плагиата, обнаруженного в этой диссертации, невозможен без понимания того, как в научном тексте производится специфический локальный порядок текста/чтения. Такая фокусировка на организационных аспектах текстуальной работы позволяет схватить те феномены, которые обеспечивают корректность той или иной квалификации (в том числе этической) текста, и предполагает понимание социальных отношений, выстраиваемых между учеными, как отношений, заключающихся в производстве материальных черт конкретных ситуаций деятельности. Плагиат реализуется всегда в материальном тексте, и без анализа особенностей текстуальных практик понять плагиат невозможно.

Я попытался показать, каковы возможные методические условия плагиата как текстуального феномена, поэтому я не рассматривал вопрос о том, какой вклад в производство плагиата и его выявление (или сокрытие) вносит то, что принято называть «социальным контекстом»: принятые в том или ином учебном заведении правила написания академических работ, отношения диссертанта с членами совета, научным руководителем и оппонентами, нормы научной этики, общекультурный опыт и т. д. Все эти темы требуют отдельного обсуждения на основе анализа конкретных научных практик.

Литература

- Сакс Х. (2006). *Социологическое описание* / Пер. с англ. А. М. Корбута // Социологическое обозрение. Т. 5. № 1. С. 43–53.
- Сафронов Р. О. (2011). Современные интерпретации социологической концепции религии Эмиля Дюркгейма в англоязычной религиоведческой литературе. Дисс. ... канд. филос. наук (09.00.14). Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.
- Соколов М., Титаев К. (2013). Провинциальная и туземная наука. <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/editing/sokolov_titaev4.doc> Дата доступа: 28.05.13.

35. Разве что при подаче документов на надбавку за публикации или при составлении CV.

36. Хотя рискуя нарваться на восклицание: «Эй! Я первый это сказал!»

- Шюц А. (2004). Хорошо информированный гражданин: очерк о социальном распределении знания / Пер. с англ. В. Г. Николаева // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН. С. 557–572.
- Anderson D. C. (1978). Some organizational features in the local production of a plausible text // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 8. № 2. P. 113–135.
- Blum S. D. (2009). *My word! Plagiarism and college culture*. Ithaca: Cornell University Press.
- Carlin A.P. (2002). Bibliographic boundaries and forgotten canons // *Cultural studies: interdisciplinarity and translation* / Ed. S. Herbrechter. Amsterdam: Rodopi. P. 113–130.
- Carlin A. P. (2004). On «owning» silence: talk, texts and the «semiotics» of bibliographies // *Semiotica*. Vol. 146. № 1-4. P. 117–138.
- Carlin A. P. (2007). Auspices of corpus status: bibliography* as a phenomenon of respecification // *Orders of ordinary action: respecifying sociological knowledge* / Ed. S. Hester and D. Francis. Aldershot: Ashgate. P. 91–103.
- Carlin A. P. (2009). The temporal organization of bibliographies // *Library Quarterly*. Vol. 79. № 2. P. 161–173.
- Garfinkel H. (1967). *Studies in ethnomethodology*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Introna L. D., Hayes N. (2011). On sociomaterial imbrications: what plagiarism detection systems reveal and why it matters // *Information and Organization*. Vol. 21. № 2. P. 107–122.
- Knorr-Cetina K. (1981). *The manufacture of knowledge: an essay on the constructivist and contextual nature of science*. N. Y.: Pergamon Press.
- Latour B., Woolgar S. (1986). *Laboratory life: the construction of scientific facts*. Princeton: Princeton University Press.
- Livingston E. (1995). *An anthropology of reading*. Bloomington: Indiana University Press.
- Lynch M., Bogen D. (1997). Sociology's asociological «core»: an examination of textbook sociology in light of the sociology of scientific knowledge // *American Sociological Review*. Vol. 62. № 3. P. 481–493.
- Merton R. K. (1973). *The sociology of science: theoretical and empirical investigations*. Chicago: University of Chicago Press.
- Merton R. K. (1995). The Thomas Theorem and the Matthew Effect // *Social Forces*. Vol. 74. № 2. P. 379–422.
- Morrison K. (1981). Some properties of «telling order designs» in didactic inquiry // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 11. № 2. P. 245–262.
- Morrison K. (1989). Some researchable recurrences in disciplinary-specific inquiry // *The interactional order: new directions in the study of social order* / Ed. D. T. Helm, W. T. Anderson, A. J. Meehan, A. W. Rawls. N. Y.: Irvington Publishers. P. 141–158.
- O'Neill J. (1981). The literary production of natural and social science inquiry: issues and applications in the social organization of science // *Canadian Journal of Sociology*. Vol. 6. № 2. P. 105–120.
- Sacks H. (1975). Everyone has to lie // *Sociocultural dimensions of language use* / Ed. M. Sanches and B. G. Blount. N. Y.: Academic Press. P. 57–80.
- Sacks H. (1995). *Lectures on conversation*. Oxford: Blackwell.
- Sharrock W., Ikeya N. (2000). Instructional matter: readable properties of an introductory text in matrix algebra // *Local educational order: ethnomethodological studies of knowledge in action* / Ed. S. Hester and D. Francis. Amsterdam: John Benjamins. P. 271–288.
- Watson R. (2009). *Analysing practical and professional texts: a naturalistic approach*. Farnham: Ashgate.

Неоднозначная общность

Нина Сосна*

ВИРНО П. (2013). ГРАММАТИКА МНОЖЕСТВА: К АНАЛИЗУ ФОРМ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ / ПЕР. С ИТ. А. Г. ПЕТРОВА. М.: АД МАРГИНЕМ. 176 С. ISBN 9785911031435

Аннотация. В связи с выходом первого перевода на русский язык монографии «Грамматика множества» наряду с очевидной политической проблематикой рецензент обращает внимание и на социальные и даже антропологические аспекты описания нового типа субъективности, которые обсуждаются в книге. Среди них фундирующее эмоциональное состояние, переменчивое отношение к происходящему, доходящее до циничного, двусмысленность внешней оценки, потенциальные возможности использования глубинных переживаний. Также обозначены некоторые проблемы, продолжающие быть предметом обсуждения вот уже более десяти лет после выхода книги.

Ключевые слова: формы жизни, потенциальное, субъективность, множество.

На русском языке вышла в свет книга итальянского философа Паоло Вирно, написанная в 2001 году. Что-то в этой работе заставляет размышлять над утверждениями автора не только специалистов по политической теории или организаторов и участников протестных движений, но и представителей аналитической теории языка, визуальных исследований и даже медиатеоретиков. Что-то до сих пор вызывает несогласие с многочисленными рецензиями на эту небольшую книгу, появившимися в середине нулевых.

В «Грамматике» сохраняются следы устных выступлений на семинаре в Университете Калабрии, которые объясняют повторы в одних фрагментах и чрезмерную содержательную насыщенность (не всегда достаточно ясную) — в других. В русском издании в качестве послесловия помещена статья А. Пензина, где приводится краткая биография Вирно и размечаются объемы основных понятий, которые использовались на семинаре, прежде всего понятия «множества», даются краткие характеристики движению операистов в Италии и постсоветскому периоду в России, выражаются надежды на дальнейший рост политического сознания и содержится призыв перечитать и, возможно, еще раз перевести в соответствии с новыми историческими условиями некоторые ставшие классическими тексты по политической теории, например Гоббса.

* Сосна Нина Николаевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН, член редколлегии «Философского журнала». Email: phljrnl@yandex.ru

© Сосна Н. Н., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

Задача настоящей статьи не столько в том, чтобы предложить еще одну интерпретацию понятия «множества» или оценить «аномально “долгий май 1968”», сколько в том, чтобы рассмотреть «Граматику» в более широкой перспективе функционирования этого текста в условиях сегодняшнего дня. На наш взгляд, это можно сделать в рамках антропологической перспективы.

Сразу же отметим, что возможен другой вариант перевода подзаголовка, а именно: «К анализу современных форм жизни». В нем есть смысл, хотя семантически он и может показаться русскому читателю менее гладким, чем «К анализу форм современной жизни». Уже здесь обнаруживается одно затруднение. Перевод слишком ровный, подчас сглаживающий острые углы размышлений Вирно. Вот и послесловие оставляет у читателя впечатление, словно «Грамматика» уже сделалась неким академическим материалом и полностью объяснена, тогда как она оставляет больше вопросов, чем ответов. Да и сам Вирно неоднократно настаивал не просто на парадоксальности выстраиваемой теории, но и на неустранимой двусмысленности используемых понятий, на том, что его речь — лишь набросок, проект, который нуждается в дальнейшей разработке. Субъект-амфибия, амбивалентность эмоциональной ситуации и т. д. — лишь некоторые примеры. И множество — вовсе не безусловная ценность, как и все, что развивается и чье развитие не только позитивно.

Между тем книга обращается не столько к формам *современной* жизни, сколько к тем формам или даже областям деятельности, в которых жизнь проходила задолго до «современности». Это книга об области эмоций, настроений и чувств, о владении языком и языковых способностях, об этических предпочтениях, об организации труда и средствах производства, о поведенческих нормах, наконец, об экономике в широком смысле слова. Что отличает это существование сегодня — вот в чем интерес книги Вирно, пытающегося соединить в одном описании историю человечества и историю вида, деятельность в рамках того, что обычно называется историей, и страх и борьбу за существование в условиях, в которые человек находит себя вписанным, в экономической ситуации, у которой нет аналогов: другой труд (не материальный), другие обменные процессы (не товаров, но «брендов»), другие определения стоимости (через не поддающийся переводу в денежный эквивалент объем знаний и навыков) и т. д. (Конечно, едва ли рассуждения Вирно затрагивают рабочих из Азии, днями напролет за низкую оплату производящих товары, перепродаваемые потом в других странах уже без физических затрат на производство и по более высоким ценам.) Тут сходятся процессы взаимодействия организмов со средой (не обязательно только человеческих организмов), со стремлением капитализировать все способности человека, в том числе те, которые по определению не переводятся в категорию товара и которые ранее как раз отвечали за неотчуждаемо «человеческое» в человеке. С одной стороны, архаическое человеческое (Вирно даже прямо называет множество архаичным), с другой — оголтелое, как сказали бы несколько десятков лет назад, системно-капиталистическое. Вид, выходящий за свои пределы, и капитализм, шагнувший «вовнутрь» человека, подчиняющий своей логике даже психосоматические пласты

организма. Двигаются ли они навстречу друг другу? Если так, каков прогнозируемый результат столкновения?

Конечно, можно утверждать, что принужденное взаимодействие биологического и капиталистического подверстывается терминологией биополитики, что предложил сделать еще М. Фуко, как известно, использовавший термин «биополитика», но не развернувший контекст, где этот термин был бы применен аналитически. По этому вопросу позиция Вирно выражена четко: важна не биополитика как таковая, а то, результатом чего она является и что ее направляет. А направляет ее стремление купить то, что не продается. По крайней мере, то, что никогда не мыслилось в категориях товара, что очевидно не представлял товаром даже К. Маркс, определяя понятие «Arbeitskraft». Ведь рабочая сила — это не просто способность выполнять те или иные операции, которую можно измерить, подобно мощности, скажем, мотора, в лошадиных силах, но именно способность как еще не актуализированное действие, как еще не полученный результат. Такую способность обеспечивает все то, что человек давно считал своим, непередаваемым, неотчуждаемым, — реакции на изменение условий, ловкость, эмоциональный строй, способы взаимодействия с другими. Именно эти качества отличали одного человека от другого, именно их каждый «носил с собой» и проявлял при необходимости. И именно они оказались вдруг предметами торга, направленного к актуализации того, что присутствует потенциально.

О потенциальном Вирно говорит часто. Порой может даже возникнуть впечатление, что потенциальность — это результат двусмысленности используемых понятий, так как собственно колебания между различными смыслами и различными состояниями создают эффект не-перехода в модус актуального. Так, говоря о языке, Вирно обозначает пределы колебаний: язык как способность говорить (завоевание человека как представителя вида) и язык как используемый материал для высказывания (дело тех, кто должен создавать общественное пространство, от которого ожидается превращение в пространство политическое). Говоря о новом способе труда, Вирно подчеркивает его нерезультативность в том смысле, что результат неотчуждаем от самого процесса труда и не может существовать в форме товара, а значит, пределы колебаний и способы фиксации еще должны быть установлены. Говоря о зрелищности как эффекте производства, Вирно предполагает рассмотреть не то, что уже находится в зоне видимости, но скорее то, что только может в ней появиться. Говоря об «эмоциональной тональности» множества, Вирно предлагает не считать ее исключительно негативной, «плохой», «нигилистической», но призывает попытаться выделить в ней «нейтральное ядро», иными словами, за безусловно дурными характеристиками усмотреть возможность роста того, что множество сможет использовать для достижения своих (политических) целей. Так, переключающееся видение любопытствующих, которое делают возможным медиа, позволяет решать каждый раз, что смотреть, что оставить в фоновой области и что выдвинуть на передний план. А некоторая растерянность, вызванная обилием информации, поступающей по различным гаджетам, сетям и т. д., не только является препятствием на пути интеллектуального обучения, но и может актуализовать обучение чувств и расследовать технически репродуци-

руемые артефакты. Собственно, и множество размещается Вирно в некоторой лишь отчасти актуализованной области, где-то между государством и народом, частным и общественным, индивидуальным и коллективным, испытывает нечто среднее между страхом и тревогой. Это не означает, что множество видится ближе к коллективному, — нет, самым способом своего существования оно делает непригодным для анализа эти пары терминов, отменяет значимость, например, как частного, так и публичного и не позволяет объединять их посредством некоего синтеза. Иными словами, и язык, и труд, и видимость, и эмоциональный фон, и даже множество — все это скрывает в себе потенциальные возможности, которые следует развивать ради действий политического характера. На вопросы о том, кто говорит, кто трудится, кто видит себя, кто испытывает указанные облегченные эмоции, следует, видимо, отвечать, что это новая субъективность. Насколько она соотносится с тем комплексом характеристик, которые некоторое время назад прилагались к «человеку», — еще один открытый вопрос «Грамматики».

Интересно рассмотреть интерпретацию категории потенциального другим представителем левого движения Италии и другим горячим сторонником множества, а именно А. Негри. Это не потребовало бы большой работы по извлечению различных фрагментов, наподобие той, что мы наметили в отношении «Грамматики». Позиция соавтора «Империи» эксплицировано и последовательно спинозистская, поэтому потенциальность, набирая достаточно силы, переходит в актуальное состояние. Никакой латентности, никакой нереализованности. А значит, множество существует и действует, не таясь в многочисленных разговорах и взаимодействии со все новыми техническими устройствами, оппортунистически перенимая то одни, то другие правила игры. Наверное, есть доля правды в том, что шествие множества рисуется в «Империи» широкими мазками, которые кому-то могут показаться слишком размашистыми по сравнению с более тщательной в каких-то аспектах работой Вирно. На наш взгляд, и ряд высказываний Вирно вызывает вопросы, и на некоторые из них у нас уже была возможность указать¹. Что представляется существенным для обоих авторов и что невозможно не подчеркнуть особо, так это стремление представить новую онтологию, новую субъективность в момент ее зарождения или функционирования. Что касается Вирно, то и он берет на себя достаточно ответственности, начиная книгу со слов «Я утверждаю». И в этом — часть ответа на то, какие формы приобретает жизнь сегодня. И это большой проект, ибо актуальным становится вопрос, с какой формой жизни сегодня связывается «человеческое», если с какой-нибудь оно еще связывается. Этот вопрос волновал в конце 1990-х — начале 2000-х немало исследователей. С одной стороны, возникшие формы капитализма критически разбирали Я. Мулье-Бутан, А. Горц, А. Корсани, М. Лазаратто, Э. Серье, К. Лэш, Дж. Рифкин. С другой стороны, к этому же периоду относятся выступления Ж. Ф. Лиотара о «нечеловеческом» технологического развития, об интеллекте и просчитываемости стратегий будущего. Все они позволяют рассмотреть работу Вирно в контексте, а это всегда содействует лучшему пониманию того, что было недоговорено или пропущено как

1. См.: *Сосна Н.* (2013). Потенциально человеческое: Вирно и медиа // *Философский журнал*. № 1.

само собой разумеющееся. Иными словами, эта книга оставляет много вопросов и содержит много провокативных высказываний. Здесь и *precarieta* (шаткость условий существования вообще и труда в частности опять-таки сегодня и в исторической перспективе — как тут не вспомнить процессы складывания отношений собственности многовековой давности, в результате которых возник особый статус «человеческого»!), и вопрос о соотносимости множества и варварства, и вопрос единства (если так можно понимать *One* английского перевода) и «более широкой универсальности „общего интеллекта“», и вопрос о том, что же такое политическое действие сегодня. Вопросов много, и читатель приглашен искать решения.

Political Heterogeneity and “Constitutio Libertatis”

Alexey Glukhov

Assistant Professor, National Research University Higher School of Economics

20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000

Email: agloukhov@hse.ru

The paper deals with the conditions of the possible renewal of the “Constitutio libertatis” project on the basis of the 20th-century experience. The global political conflict, resulted in severe intellectual confrontation, produced the split of philosophy into two isolated movements: the “continental” and the “analytical” movements, each promoting its own logic of thinking. The paper shows the influence of this fundamental philosophical schism on the key versions of the contemporary political philosophy. A new formulation for the main political problem emerges pointing to the mutual untranslatability of the languages of freedom and of justice. The two languages are traceable to the two competing philosophical logics, those of difference and of representation. The notion of “form of life” (“Lebensform”), used politically by Plato and analyzed logically by Wittgenstein in his *Philosophical Investigations*, is introduced as a conceptual basis for a new political theory that should solve the main political problem. Finally, some basic propositions are discussed, that should be observed in trying to resume the project of the “Constitutio libertatis”. It is shown that the negative definition of the concept of freedom must be abandoned. Freedom has a certain logical form, but it does not logically imply that various forms of life, with their liberties expressed through various logical forms, inevitably come into mutual conflict. The foundation of the “Constitutio libertatis” is based on the autonomous “forms of life” and is justly distributed throughout a complex non-Cartesian texture of political reality.

Keywords: freedom, liberalism, representation, constitution, justice, communitarianism, political logic, difference

References

- Ankersmit F.R. (2011) *Politicheskaja reprezentacija* [Political Representation], Moscow: HSE.
- Arendt H. (1990) Philosophy and politics. *Social Research*, vol. 57, no 1, pp. 73–103.
- Arendt H. (2011) *O revoljucii* [On Revolution], Moscow: Evropa.
- Deleuze G. (1962) *Nietzsche et la Philosophie*, Paris: PUF.
- Deleuze G., Guattari F. (1980) *Mille plateaux*, Paris: Minuit.
- Foucault M. (2011) *The Courage of the Truth (The Government of Self and Others II): Lectures at the College de France, 1983–1984*, New York: Palgrave Macmillan.
- Heidegger M. (1993) *Iskusstvo i prostranstvo* [Art and Space]. *Vremja i bytie* [Time and Being], Moscow: Respublika, pp. 312–316.
- Kant I. (1994) *K vechnomu miru* [Perpetual Peace]. *Sochinenija v 4-h tt. na nemeckom i russkom jazykah. T. 1: Traktaty i stat'i (1784–1796)* [Collected Works in Russian and German, vol. 1: Treatises and Articles (1784–1796)], Moscow: Kami, pp. 353–477.
- Laslett P. (1956) Introduction. *Philosophy, Politics and Society* (ed. P. Laslett), Oxford: Blackwell, 1956, pp. vii–xv.
- Chomsky N., Foucault M. (2006) *The Chomsky–Foucault Debate: On Human Nature*, New York: New Press.
- Rawls J. (1996) *Political Liberalism*, New York: Columbia University Press.
- Rorty R. (1999) Postmodernistskij burzhuaznyj liberalizm [Postmodernist Bourgeois Liberalism]. *Logos*, no 9, pp. 96–104.

- Sandel M.J. (2009) *Justice: What's the Right Thing to Do?*, New York: Palgrave Macmillan.
- Taylor Ch. (1985) *Philosophy and the Human Sciences*, New York: Cambridge University Press.
- Walzer M. (1983) *Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality*, New York: Basic Books.
- Young I.M. (1990) *Justice and the Politics of Difference*, Princeton: Princeton University Press.
- Zizek S. (2009) *In Defense of Lost Causes*, London: Verso.

Two Concepts of Rules

John Rawls

Andrei Korbut
(translator)

Research Fellow, National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000
Email: korbut.andrei@gmail.com

In his famous paper John Rawls outlines a version of utilitarianism that takes into account the existing criticism of the utilitarian approach. Author shows that the traditional objections expressed in relation to two test cases of utilitarianism — punishment and promise-keeping — are based on the misunderstanding of utilitarian position, because they don't make a distinction between justifying a practice and justifying a particular action falling under it. In the case of punishment, there two justifications of it: the retributive view that presupposes that punishment is justified on the grounds that wrongdoing merits punishment, and the utilitarian view that holds that punishment is justifiable only by reference to the probable consequences of maintaining it as one of the devices of the social order. According to the author, utilitarian arguments are appropriate with regard to questions about practices, while retributive arguments fit the application of particular rules to particular cases. In the case of promising, truly utilitarian approach presupposes that promisor must weigh not only the effects of breaking his/her promise on the particular case, but also the effect which his/her breaking promise will have on the practice itself. Author thinks that the distinction between justifying a practice and justifying a particular action falling under it was neglected not only by the critics, but by the utilitarians themselves, due to the prevalence of the summary view of the rules. Rawls suggests his own, practical conception of the rules, that presupposes that practices are prior to particular cases of their application.

Keywords: action, utilitarianism, punishment, promise, rules, practice

References

- Aiken H.D. (1952) The levels of moral discourse. *Ethics*, vol. 62, no 4, pp. 235–248.
- Austin J. (1873) *Lectures on Jurisprudence*, London: John Murray.
- Bentham J. (1830) *The Rationale of Punishment*, London: Heward.
- Bentham J. (1945) *The Limits of Jurisprudence Defined*, New York: Columbia University Press.
- Carritt E.F. (1947) *Ethical and Political Thinking*, Oxford: Clarendon Press.
- Hume D. (1996) Traktat o chelovecheskoj prirode, ili Popytka primenit' osnovannyj na opyte metod rassuzhdenija k moral'nym predmetam [A Treatise of Human Nature, Being an Attempt to introduce the experimental Method of Reasoning into Moral Subjects]. *Sochinenija, T. 1* [Works, Vol. 1], Moscow: Mysl, pp. 53–655.
- Mabbott J.D. (1939) Punishment. *Mind (New Series)*, vol. 48, no 190, pp. 152–167.
- Melden A.I. (1951) Two comments on utilitarianism. *Philosophical Review*, vol. 60, no 4, pp. 508–524.
- Mill J.S. (1864) *Utilitarianism*, London: Longman.
- Mill J.S. (1872) *A System of Logic*, London: Longmans, Green, Reader, and Dyer.
- Mill J.S. (2007) Ob opredelenii predmeta politicheskoj jekonomii; i o metode issledovanija, svojstvennom ej [On the Definition of Political Economy and on the Method of

- Investigation Proper to It]. *Osnovy politicheskoj jekonomii s nekotorymi prilozhenijami k social'noj filosofii* [The Principles of Political Economy with Some of Their Applications to Social Philosophy], Moscow: Eksmo, pp. 987–1023.
- Moore J. (1984) *Principy jetiki* [Principia Ethica], Moscow: Progress.
- Nowell-Smith P.H. (1954) *Ethics*, London: Penguin.
- Pickard-Cambridge W.A. (1932) Two problems about duty (II). *Mind (New Series)*, vol. 41, no 162, pp. 145–172.
- Quinton A.M. (1954) On punishment. *Analysis*, vol. 14, no 6, pp. 133–142.
- Radzinowicz L. (1948) *A History of English Criminal Law and Its Administration from 1750: The Movement for Reform, 1750–1833*, London: Macmillan.
- Rawls J. (1951) Outline of a decision procedure for ethics. *Philosophical Review*, vol. 60, no 2, pp. 177–197.
- Rawls J. (1951) “An examination of the place of reason in ethics” by Stephen Edelston Toulmin. *Philosophical Review*, vol. 60, no 4, pp. 572–580.
- Robbins L. (1952) *The Theory of Economic Policy in English Classical Political Economy*, London: Macmillan.
- Ross D. (1930) *The Right and the Good*, Oxford: Clarendon Press.
- Ross D. (1939) *Foundations of Ethics*, Oxford: Clarendon Press.
- Sidgwick H. (1901) *The Methods of Ethics*, London: Macmillan.
- Toulmin S.E. (1950) *An Examination of the Place of Reason in Ethics*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Urmson J.O. (1953) The interpretation of the moral philosophy of J.S. Mill. *Philosophical Quarterly*, vol. 3, no 10, pp. 33–39.
- Wittgenstein L. (1994) *Filosofskie issledovanija* [Philosophical Investigations]. *Filosofskie raboty, Ch. 1* [Philosophical Works, Part 1], Moscow: Gnozis, pp. 75–319.

Toward a Historical Situation of Police in Russia

Alexander Filippov

Professor of Sociology, National Research University Higher School of Economics

20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: filippovaf@gmail.com

A Dialogue of Oleg Kildyushov and Zinaida Peregudova

Oleg Kildyushov

Leading Research Fellow, National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000
Email: kildyushov@mail.ru

Zinaida Peregudova

Lead Specialist, State Archive of Russian Federation
17 Bolshaya Pirogovskaya Str., Moscow, Russian Federation 119435
E-mail: peregood1@rambler.ru

Olga Kononova

Lecturer, Moscow State University
Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, Russian Federation 119991
E-mail: olgakononova@yandex.ru

The dialogue discloses the history and present condition of contemporary police reseaches which are the part of a specific discipline — policing studies in the broad sense. Drawing on the case of history of political security service interview provides a reconstruction of police studies history in the USSR and contemporary Russia. Specific attention is paid to the present condition of historiography on that topic. Even prominent scholars of that problem do not understand structure and real mechanics of law enforcement and state security activities in Russian Empire. Special attention is paid to organizing and functioning of Police Department — the chief agency of Internal Affairs Ministry and its interaction with other law enforcement bodies: general police, gendarmerie, etc. Dialogue discusses structural, ideological and personal aspects of law enforcement and state security activities in Russian Empire. The case of training for future policemen and state security agents is also being discussed against particular examples of how foremost Western police techniques influenced Russian police as well as attempts to reform it. The dialogue pays a lot of attention to Russian police reformation projects in the beginning of 20th century, especially to those prepared by count Ignatiev and Senator Makarov commission which acted within the so called “Special Deliberation Committee”. Interview compares these reformation projects with current attempts to reform contemporary law machinery of Russian Federation. Conversation is being concluded by discussing how perception of police by Russian society in general could be changed in some more positive way.

Keywords: Police Department, Zubatov, Senator Makarov’ Commission, Special Corps of gendarmes, ohranka, police socialism, Ministry of Internal Affairs reform

Glossarium

Carl Schmitt

Yuri Korinets
(translator)

Research Fellow, National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: korinetz7@mail.ru

Carl Schmitt kept diaries throughout his life, several of which he specifically selected for academic publication. These are the recordings made in the early years after World War II, when Schmitt lost all his positions. After his release from the prison he returned to his home in small town of Plettenberg, where he remained until his death. Schmitt ordered these diaries to be published only after his death, because, even several decades after the war, they remained ideologically dangerous. In this issue we continue to publish fragments of translation of the “Glossarium”. In the fragments prepared for present publication, Schmitt argues on several important topics. First, he writes about utopia — paradise located in a remote, but achievable future. The ability to think future located at long distance decreases in modern times. Therefore, in the 19th century they have to move from utopia to positive science. Those who write on future must say that heaven can come tomorrow. Schmitt goes further to compare the utopian ideas of Thomas More with the utopias of the 19th century. More was not a cleric; he was just a clerk, an intellectual, a writer, not a priest. Schmitt questioned the rightfulness of the canonization of More and compared him with another Catholic thinker of that time, Fr. Vitoria. Another important topic — the problem of legality and legitimacy. Schmitt once again handles it in connection with the events in Czechoslovakia in 1948. These events he contrasts with the situation in Germany in 1929-1932.

Keywords: Heidegger, Hobbes, utopia, Francis Bacon, Thomas More, William Shakespeare, “das Man”

The “Ladies’ Circle” of Slavophilism: The Letters of I.S. Aksakov to Countess M.F. Sollogub, 1862–1878

Andrey Teslya

Assistant Professor, Pacific National University
136 Tihookeanskaya Str., Khabarovsk, Russian Federation 680035
Email: mestr81@gmail.com

In this publication we present the letters of I.S. Aksakov to Countess M.F. Sollogub dated from 1862 to 1878. These letters are of interest not only due to their contents, but also as a sample of correspondence between Aksakov and Slavophile “ladies’ circle”, whose role in the history of Slavophilism is neglected by researchers. The publication is designed to fill this lacuna. Slavophilism were based not only on ideological proximity, but on kindred relationships, neighbourhood, etc. Obviously, the role of “female” party in this context is considerable. Often the chain of relationships is built around female figures. For example, Aksakov’s awareness of the plans of supreme government was partly connected with the position of his wife and her sisters, because all of them were or remained maids of honor of the imperial court. This is still a situation of “old-style politics” when the center of decision-making is a court. It is the orientation to this type of politics that partly explains the reasons for the decline of “political Slavophilism” in the 1880s. Since the time of Nikolay I decisions were developed and accepted more increasingly within bureaucratic machinery. Aksakov’s model of political influence was oriented mainly toward influencing the court, but when role of “court politics” was weakened, Aksakov lost the real possibility to influence policy. Correspondence between Aksakov and Countess Sollogub shows one aspect of this implicit part of the Slavophile activity.

Keywords: public opinion, Slavophilism, Aksakov, Sollogub, informal influence, panslavism

References

- Aksakov I. (1886) *Sochinenija, T. 1* [Works, Vol. 1], Moscow: Tipografija M.G. Volchaninova.
- Aksakov I. (1896) *Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'mah, Ch. 2, T. 4* [The Correspondence of Ivan Sergeevich Aksakov, Part 2, Vol. 4], Saint-Petersburg: Imperatorskaja publichnaja biblioteka.
- Aksakov I. (1988) *Pis'ma k rodnym, 1844–1849* [Letters to the Family, 1844–1849], Moscow: Nauka.
- Aksakov I., Lamansky V. (1916) *Perepiska dvuh slavjanofilov* [A Correspondence of Two Slavophiles]. *Russkaja mysl*, vol. 37, no 9, pp. 1–32.
- Aksakov I., Lamansky V. (1916) *Perepiska dvuh slavjanofilov* [A Correspondence of Two Slavophiles]. *Russkaja mysl*, vol. 37, no 12, pp. 85–114.
- Aksakov I., Lamansky V. (1917) *Perepiska dvuh slavjanofilov* [A Correspondence of Two Slavophiles]. *Russkaja mysl*, vol. 38, no 3-4, pp. 56–70.
- Chicherin B. (2010) *Vospominanija, T. 1* [Memoirs, Vol. 1], Moscow: Izdatelstvo im. Sabashnikovyh.
- Emelyanov E., Teslya A. (2012) “Edinstvennyj golos, k kotoromu prislushivaetsja pravitel'stvo” [“The Only Voice that Government Gives Ear to”]. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 11, no 3, pp. 45–59.
- Kolyupanov N. (1892) *Biografija Aleksandra Ivanovicha Kosheleva, T. 2* [Biography of Aleksandr Ivanovich Koshelev], Moscow: I.N. Kushnerev i Ko.

- Koshelev A. (2002) *Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva (1812–1883 gody)* [Reminiscences of Aleksandr Ivanovich Koshelev (1812–1883)], Moscow: Nauka.
- Motin S. (ed.) (2012) *Aksakov Ivan Sergeevich: materialy dlja letopisi zhizni i tvorchestva*, Vyp. 4, Ch. 1 [Ivan Sergeevich Aksakov: Materials for the Chronicle of Life and Work, Issue 4, Part 1], Ufa: UYI MVD Rossii.
- Motin S. (ed.) (2013) *Aksakov Ivan Sergeevich: materialy dlja letopisi zhizni i tvorchestva*, Vyp. 4, Ch. 2 [Ivan Sergeevich Aksakov: Materials for the Chronicle of Life and Work, Issue 4, Part 2], Ufa: UYI MVD Rossii.
- Samarin Y. (1877) *Sochinenija*, T. 1 [Works, Vol. 1], Moscow: Tipografija A.I. Mamontova.
- Samarin Y. (1878) *Sochinenija*, T. 2 [Works, Vol. 2], Moscow: Tipografija A.I. Mamontova.
- Samarin Y. (1889) *Sochinenija*, T. 7 [Works, Vol. 7], Moscow: Tipografija A.I. Mamontova.
- Samarin Y., Raden E.F. von (1893) *Perepiska Ju. F. Samarina s baronessoj E.F. von Raden* [A Correspondence of Y. Samarin and Baroness E.F. von Raden], Moscow: Tipografija A.I. Mamontova.
- Teslya A. (2012) Slavjanofil'stvo skvoz' prizmu neformal'nyh otnoshenij [Slavophilism through the Lens of Nonformal Relations]. *Hristianstvo i russkaja literatura*, Vyp. 7 [Christianity and Russian Literature, Issue 7], Saint-Petersburg: Nauka, pp. 46–54.
- Teslya A. (2013) Herzen i slavjanofily [Herzen and Slavophiles]. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 12, no 1, pp. 62–85.
- Tutcheva A. (2008) *Vospominanija: pri dvore dvuh imperatorov* [Memoirs: At Court of Two Emperors], Moscow: Zakharov.
- Tsimbaev N. (1986) *Slavjanofil'stvo: iz istorii russkoj obshhestvenno-politicheskoj mysli XIX veka* [Slavophilism: From the History of Russian Social-Political Thought of the 19th Century], Moscow: MGU.

Transnational and Gender Paradigms in the Study of International Mobility: The Case of Ukraine

Alisa Tolstokorova

Expert, International School of Equal Opportunities
23 Volgogradskaja Str., app. 32, Kyiv, Ukrain 03141
E-mail: alictol@yahoo.com

The paper is aimed at the analysis of the latest approaches to research in the social sciences including mobility paradigm, the transnational perspective and the gendered approach to the study of social phenomena. The research problem addressed in the paper is the possibility of examining these innovative approaches to social phenomena in a dialectical nexus. The paper draws from the analysis of secondary theoretical sources backed up by the findings of a multi-cited field research focused on the study of gendered implications of Ukrainian labour migration using a mixed-method approach. The paper illustrates the possibilities of applying the transnational paradigm to migration and mobilities studies, placing special emphasis on its advantages. It traces existing approaches to the research on transnational family and cross-border parenthood, using the Ukraine as the case in point. The heuristic and social relevance of the paper consists in casting light on the specificities of gendered approach to the study of economic mobility and labour migration in Ukraine, in outlining the effect of migration and transnationalism on families of Ukrainian transmigrants, in showcasing the specificity of independent female migration in the context of global care chains, and in examining its gender effect on the transformations of mentality and identities of Ukrainian labour migrants.

Keywords: international mobility and migration, transnational paradigm, gendered approach to mobility studies, Ukrainian labour migration

References

- Abashin S. (2012) Sredneaziatskaja migracija: praktiki, lokal'nye soobshhestva, transnacionalizm [Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 4, pp. 3–13.
- Ajupova Sh. (2012) Uzbekskaja trudovaja migracija iz juzhnoj Kirgizii v Rossiju i ejo vlijanie na gendernye otnoshenija [Uzbek Labour Migration from Southern Kirghizia to Russia and Its Effect on Gender Relations]. *Diaspory*, no 2, pp. 61–85.
- Ally Sh. (2005) Caring about Care Workers: Organising in the Female Shadow of Globalisation (unpublished). Available at: <http://www.globaljusticecenter.org/wp-content/labor1.pdf> (accessed 3 April 2007).
- Amelina A., Faist Th. (2012) De-naturalizing the National in Research Methodologies: Key Concepts of Transnational Studies in Migration. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 35, no 10, pp. 1707–1724.
- Andall J. (2000) *Gender, Migration and Domestic Service: The Politics of Black Women in Italy*, Aldershot: Ashgate.
- Anderson B. (1991) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London: Verso.
- Baldassar L., Baldock C., Wilding R. (2007) *Aged Care Across Borders: Transnational Migration, Families and Long-Distance Care*, London: Palgrave MacMillan.

- Barker J. (2007) *Paradigmy myshlenija: kak uvidet' novoe i preuspet' v menjajushhemsja mire* [Paradigms: The Business of Discovering the Future], Moscow: Alpina Business Books.
- Bauman Z. (2000) *Liquid Modernity*, Cambridge: Polity Press.
- Bauman Z. (2005) *Liquid Life*, Cambridge: Polity Press.
- Bergmann S., Sager T. (2008) *The Ethics of Mobilities: Rethinking Place, Exclusion, Freedom and Environment*, London: Ashgate.
- GAATW (2010) *Beyond Borders: Exploring Links between Trafficking and Gender*. Working Paper, Bangkok: Global Alliance Against Traffic in Women.
- Blok A. (2010) Mapping the Super-whale: Towards a Mobile Ethnography of Situated Globalities. *Mobilities*, vol. 5, no 4, pp. 507–528.
- Brednikova O., Tkach O. (2010) Dom dlja nomady [What Home Means to the Nomad]. *Laboratorium*, no 3, pp. 72–95.
- Bourdieu P. (1998) Struktura, gabbitus, praktika [Structure, Habitus, Practice]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, vol. 1, no 2, pp. 40–58.
- Burhanova F., Valiahmetov R., Khilazheva G. (eds.) (2010) *Sem'ja i chelovecheskoe razvitie v Respublike Bashkortostan* [Family and Human Development in the Republic of Bashkortostan], Ufa: Vostochnaja pechat'.
- Calgar A. (2001) Constraining Metaphors and the Transnationalisation of Spaces in Berlin. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 27, no 4, pp. 601–613.
- Carling J., Menjivar C., Schmalzbauer L. (2012) Central Themes in the Study of Transnational Parenthood. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 38, no 2, pp. 191–217.
- Castles S., Miller M. J. (2003) *The Age of Migration*, New York: Palgrave Macmillan.
- Cresswell T. (2010) Towards a Politics of Mobility. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 28, no 1, pp. 17–31.
- D'Andrea A., Ciolfi L., Gray B. (2011) Methodological Challenges and Innovations in Mobilities Research. *Mobilities*, vol. 6, no 2, pp. 149–160.
- Deneva N. (2012) Transnational Aging Carers: On Transformation of Kinship and Citizenship in the Context of Migration among Bulgarian Muslims in Spain. *Social Politics*, vol. 19, no 1, pp. 105–128.
- Ehrenreich B., Hochschild A.R. (2002) *Global Woman: Nannies, Maids and Sex Workers in the New Economy*, London: Granta Books.
- European Parliament (2006) *Report on Women's Immigration: The Role and Place of Immigrant Women in the European Union*. Committee on Women's Rights and Gender Equality.
- Fargues Ph. (2006) *The Demographic Benefit of International Migration: Hypothesis and Application to Middle Eastern and North African contexts*. World Bank Policy Research Working Paper 4050, Washington: World Bank.
- Fialkova L. (2005) Opyt adaptacii v ustnyh rasskazah "russkih" izrail'tjanok [Narratives of Experiences of Adaptation Amongst Female "Russian" Immigrants to Israel]. *Diaspory*, no 1, pp. 19–47.
- Folbre N. (1995) Holding Hands at Midnight: The Paradox of Caring Labor. *Feminist Economics*, vol. 1, no 1, pp. 73–92.
- Fouron G., Glick Schiller N. (2001) All in the Family: Gender, Transnational Migration, and the Nation-State. *Identities: Global Studies in Culture and Power*, vol. 7, no 4, pp. 539–582.
- Friedman J. (2007) *The Anthropology of Global Systems: Modernities, Class and the Contradictions of Globalization*, Walnut Creek: Altamira Press.
- GFK Ukraine (2008) *The Contribution of Human Resources Development to Migration Policy in Ukraine*, Kyiv: GFK Ukraine.

- Gherghel A., Le Gall J. (2005) Transnational Practices of Care: The Azorean Migration in Quebec (Canada). Available at: <http://www.inter-disciplinary.net/wp-content/uploads/2009/10/Gheghel-paper.pdf> (accessed 9 February 2010).
- Glick Schiller L., Basch C., Blanc-Szanton N. (1992) *Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered*, New York: Annals of the New York Academy of Sciences.
- Glick Schiller N. (2013) The Transnational Migration Paradigm: Global Perspectives on Migrant Research. *Migration and Organized Civil Society* (eds. D. Halm, Z. Sezgin), New York: Routledge, pp. 25–43.
- Glushhenko G. (2005) Transnacionalizm migrantov i perspektivy global'nogo razvitija [Transnationalism of Migrants and Perspectives of Global Development]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, no 12, pp. 50–57.
- Golod S. I. (2008) Sociologo-demograficheskiy analiz sostojanija i jevoljucii sem'i [Sociological Demographic Analysis of the Condition and Evolution of the Family]. *Sociologicheskie issledovanija*, vol. 7, no 1, pp. 40–49.
- Gregoriou Z. (2008) *Gendering Migration and Integration Policy Frames: Female Migrant Domestic Workers as "Precarious Workers" and as "Reconciliators"*. *Integration of Female Migrant Domestic Workers: Strategies for Employment and Civic Participation*, Nicosia: University of Nicosia Press, MIGS.
- Hamann S. (2007) Eastern Europe Is Running Out of Women. *Magazine for Arts and Civil Society in Central and Eastern Europe*, no 1. P. 8–12.
- Hannam K., Sheller M., Urry J. (2006) Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings. *Mobilities*, vol. 1, no 1, pp. 1–22.
- Hanson S. (2010) Gender and Mobility: New Approaches for Informing Sustainability. *Gender, Place and Culture*, vol. 17, no 1, pp. 5–23.
- Himmelweit S. (1999) Caring Labor. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, no 561, pp. 27–38.
- Himmelweit S. (2002) Economic Theory, Norms and the Care Gap. *Analysing Families: Morality and Rationalities in Policy and Practice* (eds. A. Carling, S. Duncan, R. Edwards), London: Routledge, pp. 231–249.
- Hochschild A.R. (1997) *The Time Bind: When Work Becomes Home and Home Becomes Work*, New York: Metropolitan, Holt.
- Hochschild A.R. (2000) Global Care Chains and Emotional Surplus. *On the Edge: Living with Global Capitalism* (eds. W. Hutton, A. Giddens), London: Jonathan Cape, pp. 130–146.
- Hondagneu-Sotelo P. (2001) *Domestica: Immigrant Workers Cleaning and Caring in the Shadows of Affluence*, Berkeley: University of California Press.
- Hondagneu-Sotelo P., Avila E. (1997) "I'm Here, but I'm There": The Meaning of Latina Transnational Motherhood. *Gender and Society*, vol. 11, no 5, pp. 548–571.
- ILO (2013) *Domestic Workers Across the World: Global and Regional Statistics and the Extent of Legal Protection*, Geneva: International Labour Office.
- Ivaschenko-Stadnik E. (2013) *Vechnoe vozvrashhenie: sovremennye problemy social'noj reintegracii ukrainskih trudovyh migrantov, pribyvajushhih iz ES v Ukrainu (po rezul'tatam sociologicheskikh issledovanij)* [Eternal Return: Present-day Problems Associated with Social Reintegration of Ukrainian Labor Migrants Arriving in Ukraine from the EU (Based on Sociological Research Results)]. CARIM-East RR 2013/05, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute.

- Jolly S., Reeves H. (2005) *Gender and Migration*. Overview report, Brighton: BRIDGE Institute of Development Studies.
- Kajzer M., Brednikova O. (2004) Transnacionalizm i translokal'nost' (komentarii k terminologiji) [Transnationalism and Translocality (Comments on Terminology)]. *Migracija i nacional'noe gosudarstvo* [Migration and Nation-State] (eds. T. Baraulin, O. Karpenko), Saint-Petersburg: CISR, pp. 133–146.
- Kambouri N., Zavos A. (2011) *Gender, Migration and Intercultural Interactions in the Mediterranean and South East Europe*. Final Synthesis Report, Ge.M.IC. Panteion University (UPSPS), Greece.
- Karpov J., Kapustina E. (2011) *Gorcy posle gor. Migracionnye processy v Dagestane v XX — nachale XXI veka: ih social'nye i jetnokul'turnye posledstvija i perspektivy* [Mountaineers after Mountains. Migrational Processes in Dagestan at 20th — Beginning of 21st Centuries: Their Social and Ethnocultural Implications and Perspectives], Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
- Kasymova S. (2010) Rasshirjaja granicy: mezhjetnicheskie i mezhhkonal'nye braki v postsovetskom Tadžikistane (na primere brakov tadzhikskih zhenshin s inostrancami) [Expanding Ethnic and Confessional Boundaries: Marriages between Tajik Women and Foreign Men]. *Laboratorium*, no 3, pp. 126–149.
- Kelly P., Lusic T. (2006) Migration and the Transnational Habitus: Evidence from Canada and the Philippines. *Environment and Planning A*, vol. 38, no 5, pp. 831–884.
- KISA (2007) *KISA's contribution to Cyprus' report on the Resolution of the General Assembly of the United Nations 60/139 on "Violence Against Women Migrant Workers"*, KISA Action for Equality, Support, Antiracism.
- Klecin A. (1996) Sociologija sem'i [Sociology of Family]. *Sociologija v Rossii* [Sociology in Russia] (ed. V. Jadov), Moscow: Na Vorob'evyh gorah, Institut sociologii RAN, pp. 147–168.
- Kosmarskaja N. (1998) "Zhenskoe izmerenie" vyzhdennoj migracii i migracionnoe zakonodatel'stvo Rossii ["Female Dimension" of Forced Migration and Russian Migration Law], Moscow: MCGI, Proekt gendernaja jekspertiza.
- Kosmarskaja N. (2005) Ot sostavitelja [Editorial]. *Diaspory*, no 1, pp. 6–18.
- Kubal A., Bakewell O., De Haas H. (2011) *Theorizing the Evolution of European Migration Systems (THEMIS). The Evolution of Ukrainian Migration to the UK*. Scoping Study Report, International Migration Institute, University of Oxford.
- La Strada-Ukraine (2010) *Zhinki ta migracija* [Women and Migration], Harkiv: Prava ljudini.
- Layosa L. (1995) Economy Menders. *Tinig Filipino*, June 7, p. 7.
- Levitt P., Glick Schiller N. (2007) Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society. *Rethinking Migration: New Theoretical and Empirical Perspectives* (eds. A. Portes, J. DeWind), New York, Oxford: Berghahn Books, pp. 181–218.
- Levitt P., Sorensen N.N. (2004) *The Transnational Turn in Migration Studies*, Geneva: Global Commission on International Migration.
- Libanova E. (ed.) (2010) *Molod' ta molodizhna politika v Ukraini: social'no-demografichni aspekti* [Youth and Youth Policy in Ukraine: Social and Demographic Aspects], Kyiv: Ptoukha Institute for Demography and Social Studies of the NAS of Ukraine.
- Libanova E., Poznjak O. (eds.) (2002) *Zovnishni trudovi migracii naseleennja Ukraini* [Outward Labour Migrations of Ukraine's Population], Kyiv: RVPS Ukraini.
- Lutz H. (2004) Migration, Transnationality, Gender in the Private Household. *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 12, no 1, pp. 47–55.

- Lutz H. (2005) *When Homes Become a Workplace: Domestic Work as an Ordinary Job?* Paper presented at "Migration and Domestic Work in Global Perspective", Wassenaar, Netherlands, 26–29 May, 2005.
- Lutz H. (2008) Introduction: Migrant Domestic Workers in Europe. *Migration and Domestic Work* (ed. H. Lutz), Aldershot: Ashgate, pp. 1–10.
- Mandel J. (2004) Mobility Matters: Women's Livelihood Strategies in Porto Novo, Benin. *Gender, Place and Culture*, vol. 11, no 2, pp. 257–287.
- Manderscheid K., Endres M., Mincke Ch. (2013) *Discourses and Ideologies of Mobility* (forthcoming).
- Merla L., Baldassar L. (2010) Les dynamiques de soin transnationales: entre emotions et considerations economiques. *Recherches sociologiques et anthropologiques*, vol. 41, no 1, pp. 1–10.
- Mescherkina E. (1999) Biografii "novyh russkih": gendernaja legitimacija predprinimatel'stva v postsovet'skom prostranstve [Biographies of "New Russians": Gender Legitimation of Entrepreneurship in the Post-Soviet Space]. *Gendernye issledovanija*, no 2, pp. 123–144.
- Morawska E. (2005) The Sociology and History of Immigration: Reflections of a Practitioner. *International Migration Research: Constructions, Omissions, and the Promises of Interdisciplinarity* (ed. M. Bommers, E. Morawska), Aldershot: Ashgate, pp. 203–239.
- Morokvasic M. (2003) Transnational Mobility and Gender: A View from Post-Wall Europe. *Crossing Borders and Shifting Boundaries, Vol. 1: Gender on the Move* (eds. M. Morokvasic-Muller, U. Erel, K. Shinozaki), Opladen: Leske and Budrich, pp. 101–133.
- Morokvasic M. (2004) Settled in Mobility: Engendering Post-Wall Migration in Europe. *Feminist Review*, vol. 77, no 1, pp. 7–25.
- Morokvasic M. (2008) *Crossing Borders and Shifting Boundaries of Belonging in Post-Wall Europe: A Gender Lens*. Available at: <http://www.migrationonline.cz/themes/gender/> (accessed 15 April 2012).
- Mummert G. (2005) *Transnational Parenting in Mexican Migrants Communities: Redefining Fatherhood, Motherhood and Caregiving*. Paper presented at "The Mexican International Family Strengths", Cuernavaca, Mexico, 1–3 June, 2012.
- Nikolaevskij V. (2007) Intelektual'na migracija ta social'na bezpeka [Intellectual Migration and Social Security]. *Migracija ta tolerantnist' v Ukraïni* [Migration and Tolerance in Ukraine] (ed. Y. Pylynskyi), Kyiv: Stilos, pp. 121–126.
- Nesteruk O., Marks L.D. (2009) Grandparents Across the Ocean: Eastern European Immigrants' Struggle to Maintain Intergenerational Relationships. *Journal of Comparative Family Studies*, vol. 40, no 1, pp. 77–95.
- Oishi N. (2002) *Gender and Migration: An Integrative Approach*. Working paper 49, University of California, San Diego.
- Olimova S. (2012) Tadjikistan: rol' i status zhenshin v domohozjajstvah migrantov [Tajikistan: Women's Role and Status in Migrants' Households]. *Diaspora*, no 2, pp. 86–123.
- Orozko M., Lowell B. L., Bump M., Fedewa R. (2005) *Transnational Engagement, Remittances and Their Relation to Development in Latin America and the Caribbean*. Final report, Institute for the Study of International Migration, Georgetown University.
- Parrenas R.S. (2001) *Servants of Globalization: Women, Migration, and Domestic Work*, Stanford: Stanford University Press.

- Parrenas R.S. (2005) Long Distance Intimacy: Class, Gender and Intergenerational Relations Between Mothers and Children in Filipino Transnational Families. *Global Networks*, vol. 5, no 4, pp. 317–336.
- Pe Leah M. (2008) *Vlijanie migracii na gendernye roli v Moldove* [The Impact of Migration on Gender Roles in Moldova]. Available at: <http://europeandcis.undp.org/data/show/6E3B57C2-F203-1EE9-B32C463C923F7FDD> (accessed 11 January 2008).
- Petrozziello A.J. (2011) Feminised Financial Flows: How Gender Affects Remittances in Honduran—US Transnational Families. *Gender and Development*, vol. 19, no 1, pp. 53–67.
- Phizacklea A. (2003) Gender Actors in Migration. *Gender and Ethnicity in Contemporary Europe* (ed. J. Andal), Oxford: Berg, pp. 23–40.
- Poletaev D. (2005) Zhenshhiny-migranty iz zarubezhnyh stran v Rossii [Female Migrants from Foreign Countries in Russia]. *Demoscope Weekly*, no 221-222. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0221/analito3.php> (accessed 11 October 2008).
- Ponomareva O. (2011) Novitni formi ukraïns'koï zhertovnosti [New Forms of Ukrainian Sacrifice]. *Ukrainske slovo* (electronic newsletter), 23 December 2011. Available at: <http://ukrslovo.org.ua/ukrayina/suspilstvo/novitni-formy-ukrayinskoyi-zhertovnosti.html> (accessed 23 March 2013).
- Portes A., Bach R. (1985) *Latin Journey: Cuban and Mexican Immigrants in the United States*, Berkeley: University of California Press.
- Portes A., Guarnizo L.E., Landolt P. (1999) The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promise of an Emergent Research Field. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 22, no 2, pp. 217–237.
- Pries L. (1996) Transnationale Soziale Raume: theoretisch-empirische Skizze am Beispiel Mexiko—USA. *Zeitschrift fur Soziologie*, vol. 25, no 6, pp. 456–472.
- Sassen S. (2005) *Strategic Instantiations of Gendering: Global Cities and Global Survival Circuits*. Paper presented at the International Forum on Remittances, Washington, 20 June 2005.
- Schimanski J. (2010) Reading Gender in Border-Crossing Narratives. *Gendering Border Studies* (eds. J. Aaron, H. Altink, C. Weedon), Cardiff: University of Wales Press, pp. 105–126.
- Schmalzbauer L. (2004) Searching for Wages and Mothering from Afar: The Case of Honduran Transnational Families. *Journal of Marriage and Family*, vol. 66, no 5, pp. 1317–1331.
- SCNR (2010) *Informacijno-analitychni materialy z migracijnoi sytuacii v Ukraini u 2009 roci* [Informational-Analytical Materials on the Migratory Situation in Ukraine for 2009]. State Committee of Ukraine for Nationalities and Religion. April, 1, 2010. Available at: http://www.scnm.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=47631&cat_id=47924 (accessed 20 November 2010).
- Sheller M., Urry J. (2006) The New Mobilities Paradigm. *Environment and Planning A*, vol. 38, no 2, pp. 281–299.
- Sorensen N.N. (2005) *Transnational Family Life Across the Atlantic: The Experience of Colombian and Dominican Migrants in Europe*. Paper presented at “Migration and Domestic Work in a Global Perspective”, Wassenar, Netherlands, 26–29 May 2005.
- Thadani V.N., Todaro M.P. (1984) Female Migration: A Conceptual Framework. *Women in the Cities of Asia: Migration and Urban Adaptation* (eds. J.T. Fawcett, S.-E. Khoo, P.C. Smith), Boulder: Westview Press, pp. 36–59.

- Tiaynen T. (2011) *Transnational Babushkas: Grandmothers? Changing Lives Across Russian—Finnish Border*. Paper presented at the 10th Conference of the European Sociological Association “Social Relations in Turbulent Times”, Geneva, 7–10 September 2011.
- Tolstokorova A. (2008) Locally Neglected, Globally Engaged: Ukrainian Women on the Move. *Technologies of Globalization: International Conference Proceedings* (eds. R. Anderl, B. Arich-Gerz, R. Schmiede), Darmstadt: Technical University Darmstadt, pp. 44–61.
- Tolstokorova A. (2009) Who Cares for Carers? Feminization of Labor Migration from Ukraine and Its Impact on Social Welfare. *International Issues and Slovak Foreign Policy Affairs*, vol. 8, no 1, pp. 62–84.
- Tolstokorova A. (2009) *Multiple Marginalities: Gender Dimension of Rural Poverty, Unemployment and Labour Migration in Ukraine*. Paper presented at FAO-IFAD-ILO Workshop “Gaps, Trends and Current Research in Gender Dimensions of Agricultural and Rural Employment: Differentiated Pathways Out of Poverty”, Rome, 31 March — 2 April 2009.
- Tolstokorova A. (2010) Bitter Berries of Better Life: Socio-demographic Costs of Labour Migration for the Ukrainian Society. *ENQUIRE* (online journal), no 5, pp. 68–94.
- Tolstokorova A. (2011) *Virtual Daddies, Mommies and Grannies: Ukrainian Transnational Parenthood and Grandparenthood in Gender Perspective*. Paper presented at IDEA Conference “Gender Justice and Development: Local and Global”, Bryn Mawr College, USA, 9–11 June 2011.
- Tolstokorova A. (2012) Of Women’s Bondage: Socio-economic Effects of Labour Migration on the Situation of Ukrainian Women and Family. *Acta Universitatis Sapientiae*, vol. 2, no 1, pp. 9–29.
- Tolstokorova A. (2012) “Mama moet ramu v Rime”: Gendernye aspekty transnacional'nogo roditel'stva v Ukraine [“Mommy Washes Windows in Rome”: Gender Aspects of Transnational Parenthood in Ukraine]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, vol. 10, no 3, pp. 396–408.
- Tolstokorova A. (2012) Geroini nashego vremeni: zhenskaja trudovaja migracija iz Ukrainy [Heroin of Our Time: Womens’ Labour Migration from Ukraine]. *Diaspory*, no 1, pp. 198–226.
- Tolstokorova A. (2012) “Zhdi i pomni menja!”: Ukrainskaja transnacional'naja sem'ja kak ob'ekt gendernogo analiza [“Wait and Remember Me!” Ukrainian Transnational Family as an Object of Gender Analysis]. *Diaspory*, no 2, pp. 25–60.
- Tolstokorova A. (2013) Transnacional'naja sem'ja kak modernizirovannaja model' semejnyh otnoshenij: panaceja, jad ili placebo? [Ukrainian Transnational Family as a Modernized Model of Family Relationship: Panacea, Poison or Placebo?] *Sociologicheskij zhurnal*, no 2, pp. 40–62.
- Tolstokorova A. (2013) Unesennye vetrom. Postsovetskoe pokolenie ukrainских zhenshhin-migrantok [“Gone With the Wind”: The Post-Soviet Generation of Ukrainian Mi- grant Women]. *Labirint*, no 2, pp. 28–44.
- Tolstokorova A. (2013) Luchi sveta v temnom carstve: social'nye dividendy migrantov v gendernoj perspektive [Rays of Light in Darken Kingdom: Social Dividends of Migrants in Gendered Perspective]. *Jetnograficheskoe obozrenie*, no 5. (In press)
- TRCE (2002) *Trudova migracija naseleennja Ternopil'skoï oblasti: kil'kisni ta geografichni aspekti* [Labour Migration of the Ternopil Region Population: Quantitative and Geographical Aspects], Ternopil: Lider.

- Tyuryukanova E. (ed.) (2011) *Zhenshhiny-migranty iz stran SNG v Rossii* [Female Migrants from CIS Countries in Russia], Moscow: Maks Press.
- UN-INSTRAW (2007) *Feminization of Migration*. Working Paper 1. Santo Domingo.
- UN (2006) *World Survey on the Role of Women in Development: Women and International Migration*, New York: United Nations Organization.
- UNIFEM (2006) *The Story Behind the Numbers: Women and Employment in Central and Eastern Europe and the Western Commonwealth of Independent States*. Available at: <http://www.refworld.org/docid/46cadad40.html> (accessed 10 June 2012).
- Urry J. (2000) *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century*, London: Sage.
- Valentine G. (1989) The Geography of Women's Fear. *Area*, vol. 21, no 4, pp. 385–390.
- Vertovec S. (2001) Transnationalism and Identity. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 27, no 4, pp. 573–582.
- Veselkova N. (1994) Poluformalizovannoe interv'ju [Semi-formalized Interview]. *Sociologicheskij zhurnal*, no 3, pp. 103–109.
- Veselkova N. (2011) Novye issledovaniya mobil'nosti: sovpadajushhie i nesovpadajushhie potoki i social'naja kompetentnost' [New Studies of Mobility: Congruent and Non-congruent Flows and Social Competence]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, vol. 14, no 3, pp. 50–66.
- Vuorela U. (2002) Transnational Families: Imagined and Real Communities. *The Transnational Family: New European Frontiers and Global Networks* (eds. D. Bryceston, U. Vuorella), New York, Oxford: Berg, pp. 63–82.
- Widmer E. (2010) *Family Configurations: A Structural Approach to Family Diversity*, Farnham: Ashgate.
- Zaporozhets O. (2012) Ot manifesta k tekstu [From Manifest to Text]. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 11, no 3, pp. 164–168.
- Zlotnik H. (1998) International Migration 1965–1996: An Overview. *Population and Development Review*, vol. 24, no 3, pp. 429–468.

Collective and Individual in Durkheim's Philosophical Anthropology

Greg Yudin

Senior Research Fellow, National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: gregloko@yandex.ru

The paper focuses on Emile Durkheim's philosophical-anthropological views, particularly on the structure of his argument in "The Dualism of Human Nature and Its Social Conditions", and traces the development on his views on the relationship between the individual and the collective with respect to the problem of human nature. Despite Durkheim's open despise for metaphysical theories of human nature, his sociological project clearly contains philosophical-anthropological content. It was Durkheim's intention to provide firm scientific sociological grounds for the dualistic conception of man. In his early oeuvre, Durkheim aims to explain the relation between the collective and the individual in human with his theory of solidarity. Unlike Ferdinand Toennies, Durkheim holds that their social evolution does not essentially change its substratum, since conditions of solidarity are the same for all societies whether they are based on mechanical or organic solidarity. However, the conception of organic solidarity contains several fundamental contradictions that make it unable to play the political role that Durkheim assigned to it and also drew extensive criticism in sociological theory. Eventually, Durkheim abandons this solution and his late work puts the experience of communion at the center of any collective life and describes the internal dynamics of this experience that fluctuates along with an unstable relationship between the collective and the individual within human being. Durkheim's anthropology can be regarded as a call for science that would be capable of developing the viewpoint suitable for analyzing this changing relationship, and this paper questions the potential of Durkheimian sociological project in fulfilling this task.

Keywords: Durkheim, sacred, profane, collective, individual, communion, solidarity

References

- Alexander J. (ed.) (1988) *Durkheimian Sociology and Cultural Studies*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Alexander J. (1988) Introduction: Durkheimian Sociology and Cultural Studies Today. *Durkheimian Sociology and Cultural Studies* (ed. J. Alexander), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–21.
- Allen N.J., Pickering W.S.F., Miller W.W. (eds.) (1998) *On Durkheim's "Elementary Forms of Religious Life"*, London: Routledge.
- Blais M.-C. (2008) La solidarite. *Le Telemaque*, no 1, pp. 9–24.
- Buffon G.-L. (1753) Discours sur la nature des animaux. *Histoire naturelle, generale et particuliere. Tome quatrieme*, Paris: Imprimerie Royale, pp. 1–168.
- Cladis M. (1992) Durkheim's Individual in Society: A Sacred Marriage? *Journal of the History of Ideas*, vol. 53, no 1, pp. 71–90.
- Durkheim E. (1897) *Le suicide: etude de sociologie*, Paris: Felix Alcan.
- Durkheim E. (1966) *Rousseau et Montesquieu, precurseurs de la sociologie*, Paris: Librairie Marcel Riviere et Cie.
- Durkheim E. (1975) Communauté et société selon Toennies. *Textes. 1: Elements d'une théorie sociale*, Paris: Minuit, pp. 383–390.

- Durkheim E. (1975) Le probleme religieux et la dualite de la nature humaine. *Textes. 2: Religion, morale, anomie*, Paris: Minuit, pp. 23–59.
- Durkheim E. (1990) *Les forms elementaires de la vie religieuse: Le systeme totemique en Australie*, Paris: Quadrige, PUF.
- Durkheim E. (1991) O razdelenii obshhestvennogo truda [On the Division of Labour in Society]. *O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii* [On the Division of Labour in Society. Sociological Method], Moscow: Nauka, pp. 3–390.
- Durkheim E. (1991) Metod sociologii [Sociological Method]. *O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii* [On the Division of Labour in Society. Sociological Method], Moscow: Nauka, pp. 391–532.
- Durkheim E. (1998) Jelementarnye formy religioznoj zhizni. Totemicheskaja sistema v Avstralii (Vvedenie i pervaja glava) [The Elementary Forms of the Religious Life. Totemic System in Australia (Introduction and First Chapter)]. *Mistika. Religija. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedenija* [Mistics. Science. Religion: Classics of the World Religious Studies] (ed. A. Krasnikov), Moscow: Kanon+, pp. 174–230.
- Eulriet I., Miller W.W. (2005) “The Dualism of Human Nature”: Translators’ Note. *Durkheimian Studies*, vol. 11, pp. 33–34.
- Fellows O. (1970) *From Voltaire to La Nouvelle Critique: Problems and Personalities*, Geneve: Droz.
- Fish J. (2013) Homo Duplex Revisited: A Defence of Emile Durkheim’s Theory of the Moral Self. *Journal of Classical Sociology*, vol. 13, no 3, pp. 338–358.
- Gofman A. (1975) Religija v filozofsko-sociologicheskoj koncepcii E. Durkheim [Religion in E. Durkheim’s Philosophical-Sociological Conception]. *Sociologicheskie issledovanija*, no 4, pp. 178–187.
- Gofman A. (2013) Solidarnost’ ili pravila, Durkheim ili Hayek? O dvuh formah social’noj integracii [Solidarity or Rules, Durkheim or Hayek? On Two Forms of Social Integration]. *Sociologicheskij ezhegodnik 2012* [Sociological Yearbook 2012] (eds. N. Pokrovsky, D. Efremenko), Moscow: INION RAN, HSE, pp. 97–167.
- Hawkins M.J. (1977) A Re-examination of Durkheim’s Theory of Human Nature. *Sociological Review*, vol. 25, no 2, pp. 229–251.
- Hynes E. (1975) Suicide and Homo Duplex: An Interpretation of Durkheim’s Typology of Suicide. *Sociological Quarterly*, vol. 16, no 1, pp. 87–104.
- Judin G. (2009) Smysl samoubijstva [The Meaning of Suicide]. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 8, no 2, pp. 80–93.
- Kurakin D. (2011) Uskol’zajushhee sakral’noe: problema ambivalentnosti sakral’nogo i ee znachenie dlja “sil’noj programmy” kul’tursociologii [Eluding Sacred: Ambiguity of the Sacred and Its Importance for the “Strong Program” in Cultural Sociology]. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 10, no 3, pp. 41–70.
- Miller W.W. (2010) Rethinking “The Dualism of Human Nature”. *Durkheimian Studies*, vol. 16, pp. 137–144.
- Parsons T. (1966) *The Structure of Social Action*, New York: The Free Press.
- Pope W., Johnson B. (1983) Inside Organic Solidarity. *American Sociological Review*, vol. 48, no 5, pp. 681–692.
- Robertson Smith W. (1889) *Lectures on the Religion of the Semites. First Series: The Fundamental Institutions* New York: D. Appleton & Co.
- Shilling C., Mellor P. (1998) Durkheim, Morality and Modernity: Collective Effervescence, Homo Duplex and the Sources of Moral Action. *British Journal of Sociology*, vol. 49, no 2, pp. 193–209.
- Zenkin S. (2012) *Nebozhestvennoe sakral’noe* [The Non-Divine Sacred], Moscow: RGGU.

The Dualism of Human Nature and Its Social Conditions

Emile Durkheim

Greg Yudin
(translator)

Senior Research Fellow, National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: gregloko@yandex.ru

This paper briefly summarizes Durkheim's theory of the dual nature of man suggested earlier in his *Elementary Forms of Religious Life*. It is characteristic of human beings that two opposite principles confront each other within them: soul and body, concept and sensation, moral activity and sensory appetites. Although this inherent inconsistency of man has been long recognized by philosophical thought, no doctrine explanation to it has been provided to date. While empiricist monism has proved to be unable to explain how concepts emerge from sensations and disinterestedness develops from self-interest, absolute idealism, on the contrary, cannot deduce sensations from concepts. Although theories suggested by Plato and Kant do not bypass the problem of dualism, they only rephrase it and make no progress in solving it. According to Durkheim, dualism of human nature stems from the fact that all religions are founded on dividing all things into the sacred and the profane. This division, in turn, is explained by coexistence of collective and individual origins in the human being. Sacred things arise out of the collective origin that enables individual consciousnesses to fuse into communion. Collective origin does not act with constant strength, but intensifies during the periods of effervescence, when it subdues the individual origin. Since the importance of the social aspect of man increases over time, there is no reason to believe that complete consent between individual and society is possible that would endow man with internal harmony.

Keywords: human nature, sacred, profane, collective, individual, religion, moral

Plagiarism and the Constitutive Order of Dissertation Text

Andrei Korbut

Research Fellow, National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: korbut.andrei@gmail.com

The paper considers a problem of plagiarism in dissertation text. Using a particular case — the dissertation in religious studies, that contains a big portions of the borrowed text — it is shown that analysis of plagiarism will be deficient without understanding of the mechanisms of local textual order production. This constitutive order of dissertation text presupposes a particular ways of text's organization with respect to by whom, under what circumstances, and in which ways it will be read. The possibility of the successful defense of the dissertation containing plagiarism is connected not so much to the properties of the social context of dissertation text, as to the practices of competent reading that underlie scientific expertise. It is demonstrated that dissertation's author faces a number of contradictory requirements: firstly, he/she has to provide an original text, that simultaneously satisfies some formal requirements; secondly, he/she has to show his/her individual scientific contribution, indicating, at the same time, how it is connected to the previous studies; and thirdly, he/she has to display his/her knowledge of specific area and literature that nobody knows as good as him/her, but his/her text must, at the same time, make it possible to be evaluated by the competent colleagues. To reconcile these requirements, author creates text which should be credible, but which thereby opens a room for plagiarism. Plagiarism in dissertation text, in this case, can be understood as a way of using a number of constitutive expectancies underlying scientific communication and distribution of scientific knowledge.

Keywords: plagiarism, dissertation, scientific texts, expertise, practices of reading, sociology of science

References

- Anderson D.C. (1978) Some Organizational Features in the Local Production of a Plausible Text. *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 8, no 2, pp. 113–135.
- Blum S.D. (2009) *My Word! Plagiarism and College Culture*, Ithaca: Cornell University Press.
- Carlin A.P. (2002) Bibliographic Boundaries and Forgotten Canons. *Cultural Studies: Interdisciplinarity and Translation* (ed. S. Herbrechter), Amsterdam: Rodopi, pp. 113–130.
- Carlin A.P. (2004) On “Owning” Silence: Talk, Texts and the “Semiotics” of Bibliographies. *Semiotica*, vol. 146, no 1-4, pp. 117–138.
- Carlin A.P. (2007) Auspices of Corpus Status: Bibliography* as a Phenomenon of Respecification. *Orders of Ordinary Action: Respecifying Sociological Knowledge* (ed. S. Hester, D. Francis), Aldershot: Ashgate, pp. 91–103.
- Carlin A.P. (2009) The Temporal Organization of Bibliographies. *Library Quarterly*, vol. 79, no 2, pp. 161–173.
- Garfinkel H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*, Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Introna L.D., Hayes N. (2011) On Sociomaterial Imbrications: What Plagiarism Detection Systems Reveal and Why It Matters. *Information and Organization*, vol. 21, no 2, pp. 107–122.
- Knorr-Cetina K. (1981) *The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science*, New York: Pergamon.

- Latour B., Woolgar S. (1986) *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*, Princeton: Princeton University Press.
- Livingston E. (1995) *An Anthropology of Reading*, Bloomington: Indiana University Press.
- Lynch M., Bogen D. (1997) Sociology's Asociological "Core": An Examination of Textbook Sociology in Light of the Sociology of Scientific Knowledge. *American Sociological Review*, vol. 62, no 3, pp. 481–493.
- Merton R.K. (1973) *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*, Chicago: University of Chicago Press.
- Merton R.K. (1995) The Thomas Theorem and the Matthew Effect. *Social Forces*, vol. 74, no 2, pp. 379–422.
- Morrison K. (1981) Some Properties of "Telling Order Designs" in Didactic Inquiry. *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 11, no 2, pp. 245–262.
- Morrison K. (1989) Some Researchable Recurrences in Disciplinary-Specific Inquiry. *The Interactional Order: New Directions in the Study of Social Order* (eds. D.T. Helm, W.T. Anderson, A.J. Meehan, A.W. Rawls), New York: Irvington Publishers, pp. 141–158.
- O'Neill J. (1981) The Literary Production of Natural and Social Science Inquiry: Issues and Applications in the Social Organization of Science. *Canadian Journal of Sociology*, vol. 6, no 2, pp. 105–120.
- Sacks H. (1975) Everyone Has to Lie. *Sociocultural Dimensions of Language Use* (eds. M. Sanches, B.G. Blount), New York: Academic Press, pp. 57–80.
- Sacks H. (1995) *Lectures on Conversation*, Oxford: Blackwell.
- Sacks H. (2006) Sociologicheskoe opisaniye [Sociological Description]. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 5, no 1, pp. 43–53.
- Safronov R. (2011) *Sovremennyye interpretacii sociologicheskoy koncepcii religii Jemilja Djurkgejma v anglojazychnoj religiovedcheskoj literature* [Contemporary Interpretations of Emil Durkheim's Conception of Religion in English-Language Literature on Religious Studies] (PhD Thesis), Moscow: St. Tikhon's Orthodox University.
- Sokolov M., Titaev K. (2013) *Provincial'naja i tuzemnaja nauka* [Provincial and Indigenous Science] (unpublished paper). Available at: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/editing/sokolov_titaev4.doc (accessed 28 May 2013).
- Schutz A. (2004) Horosho informirovannyj grazhdanin: ocherk o social'nom raspredelenii znaniya [The Well-Informed Citizen: An Essay on the Social Distribution of Knowledge]. *Izbrannoe: Mir, svetjashhijsja smyslom* [Collected Papers: A World Shining with a Sense], Moscow: ROSSPEN, pp. 557–572.
- Sharrock W., Ikeya N. (2000) Instructional Matter: Readable Properties of an Introductory Text in Matrix Algebra. *Local Educational Order: Ethnomethodological Studies of Knowledge in Action* (eds. S. Hester, D. Francis), Amsterdam: John Benjamins, pp. 271–288.
- Watson R. (2009) *Analysing Practical and Professional Texts: A Naturalistic Approach*, Farnham: Ashgate.

The Ambivalent Commonality

Nina Sosna

Senior Research Fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

14 Volkhonka Str., Moscow, Russian Federation 119991

Email: phljrn1@yandex.ru

Review of *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoj zhizni* [A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life] by Paolo Virno (Moscow: Ad Marginem, 2013).

Contents

POLITICAL PHILOSOPHY	
Political Heterogeneity and “Constitutio Libertatis”.....	3
<i>Alexey Glukhov</i>	
Two Concepts of Rules.....	16
<i>John Rawls</i>	
Toward a Historical Situation of Police in Russia.....	41
<i>Александр Филиппов</i>	
A Dialogue of Oleg Kildyushov and Zinaida Peregudova.....	43
<i>Oleg Kildyushov, Zinaida Peregudova, Olga Kononova</i>	
SCHMITTIANA	
Glossarium.....	55
<i>Carl Schmitt</i>	
RUSSIAN ATLANTIS	
The “Ladies’ Circle” of Slavophilism: The Letters of I.S. Aksakov to Countess M.F. Sollogub, 1862–1878.....	66
<i>Andrey Teslya</i>	
REVIEW ESSAYS	
Transnational and Gender Paradigms in the Study of International Mobility: The Case of Ukraine.....	98
<i>Alisa Tolstokorova</i>	
TRANSLATIONS	
Collective and Individual in Durkheim’s Philosophical Anthropology.....	122
<i>Greg Yudin</i>	
The Dualism of Human Nature and Its Social Conditions.....	133
<i>Emile Durkheim</i>	
ACADEMIC LIFE	
Plagiarism and the Constitutive Order of Dissertation Text.....	145
<i>Andrei Korbut</i>	
BOOK REVIEW	
The Ambivalent Commonality.....	172
<i>Nina Sosna</i>	